

15877.

XII, 979.

1888.

1895.

Гимназія

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ФИЛОЛОГІИ И ПЕДАГОГІИ

Годъ VIII

Юнь 1895 Юль

XC—XCI

Содержаніе

1. П. Козловскій, Екатеринославъ. Школьная жизнь по воспоминаніямъ бывшихъ учениковъ.
2. А. Тиховъ, Черниговъ. Воспитаніе женщинъ у римлянъ (по Буассье).
3. Маркъ Туллій Цицеронъ. О наилучшемъ родѣ ораторовъ. Пер. съ лат. П. Черняевъ, Казань.
4. Элегія Проперція. Пер. съ лат. М. Крашенинниковъ, Слуцкъ.
5. Т. Лукрецій Каръ. Поэма о природѣ. Перевелъ съ латинскаго яз. А. Горбатовъ, Царицынъ. (Оконч.)
6. Я. А. Коменскій. Великая дидактика. Стр. 219—250.
7. М. Демковъ. Исторія русской педагогіи. Ч. I. Стр. 69—132.
8. Ф. Штадельманъ. Воспитаніе и обученіе у древнихъ грековъ и римлянъ. Пер. съ нѣм. А. Нейфельдт, Хортица. (1 л.)
9. В. Межовъ. Педагог. библиографія. № 5314—5750.
10. Объявленія.

Сотрудники „Гимназиі“

- Ахтырка. П. Квицинскій (прог.).
 — В. Покровскій (дир. пр.).
 Балтійскій-Портъ. Свящ. І. Регема.
 Вахмутъ. Л. Гиттерманъ.
 Волховъ. М. Лисицынъ.
 Вѣла. Е. Гомеровъ (гимн.).
 — Р. Киричинскій (гимн.).
 Варшава. И. Ельсинъ.
 — В. Истомятъ (дир. гимн.).
 Витебскъ. В. Тычининъ (дух. уч.).
 Воронежъ. С. Николаевъ (гимн.).
 Вязьма. И. Виноградовъ (г.).
 Владивостокъ. К. Котельниковъ (прог.).
 Глуховъ. М. Демковъ (учит. инст.).
 Екатеринбургъ. Г. Бергъ (гимн.).
 Екатеринославъ. П. Козовскій (р. у.).
 Елабуга. В. Павловскій (дир. р. у.).
 Елецъ. П. Первовъ (гимн.).
 Елисаветградъ. Н. Марковъ (р. уч.).
 Изамайлъ. Ю. Стовикъ (дир. прог.).
 Казань. Г. Горгаловъ (г.).
 — Д. Нагуевскій (проф. ун.).
 — П. Черняевъ (г.).
 Калуга. Ѡ. Штифтаръ (гимн.).
 — Д. Любимовъ (г.).
 Каменецъ-Подольскъ. М. Гринчакъ (г.).
 Карачевъ. А. Овсянниковъ (прог.).
 Кіевъ. А. Степовичъ (дир. К. П. Г.).
 — С. Воскресенскій (гимн.).
 — И. Корольковъ (проф. дух. ак.).
 — Я. Мищенко (г.).
 — А. Юркевичъ (б. уч. гимн.).
 — А. Ярепъ (К. П. Г.).
 — Г. Александровскій (ж. г.).
 Коломна. Е. Крыловъ (г.).
 Кутаисъ. С. Воршевскій (г.).
 Лодзь. А. Шумейко (гимн.).
 Лубны. С. Чемолосовъ (г.).
 Люблинъ. В. Дмитріевскій (г.).
 Мозырь. П. Изенфламъ (прог.).
 Москва. В. Аппельротъ (пр.-д. ун.).
 — Л. Поливановъ (дир. гимн.).
 — И. Семеновъ.
 — Г. Фишеръ (гимн.).
 — Э. Черный (г.).
 — В. Шенрокъ (гимн.).
 Николаевъ. А. Соловьио (гимн.).
 Новый Бугъ. А. Крыловъ (дир. уч. с.).
 — И. Успенскій (уч. с.).
 Нѣжинъ. А. Кузнецовъ (инст.).
 Одесса. П. Браккенгеймеръ (гимн.).
 — А. Григорьевъ (прог.).
 — П. Ладновъ (прог.).
 — М. Попруженко (пр.-д. ун.).
 — А. Флеровъ (г.).
 Омскъ. К. Ельницкій (над. к.).
 Острожокъ. К. Турчаковскій (д. пр.).
 Пенза. П. Горницкій (гимн.).
 Полаangenъ. П. Пользинскій (прог.).
 — М. Преображенскій (прог.).
 Радомъ. Е. Киричинскій (г.).
 Ревель. Е. Ветнекъ (г.).
 — И. Кальнинъ (г.).
 Ревель. Н. Кораблевъ (гимн.).
 — М. Крыгинъ (г.).
 — И. Сиполь (г.).
 — Н. Херасковъ.
 — Е. Шмидтъ ф.-д.-Лауницъ (г.).
 — Г. Янчевецкій (дир. г.).
 Рига. В. Зайць (р. уч.).
 — И. Желтовъ (б. уч. г.).
 — С. Кузнецовъ (г.).
 — Прот. Н. Лекаревъ (г.).
 Рыбинскъ. Н. Веригинъ (гимн.).
 Рыльскъ. Д. Муравьевъ (пр.).
 Рязань. П. Коцевольскій (г.).
 Слуцькъ. М. Крашенинниковъ (г.).
 Смоленскъ. С. Блажеевскій (г.).
 — М. Дроздовъ (дух. сем.).
 — Г. Лобовиковъ (р. уч.).
 С.-Петербургъ. Ю. Верещагинъ (г.).
 — С. Гинтовъ (г.).
 — А. Григорьевъ (г.).
 — А. Желобовскій (г.).
 — Г. Зоргенфрей (г.).
 — И. Киприановичъ (г.).
 — В. Кораблевъ.
 — В. Латышевъ.
 — А. Маленинъ.
 — А. Образцовъ (г.).
 — Н. Саичурскій (окр. инсп.).
 — В. Сланскій.
 — А. Филоновъ (б. дир. г.).
 — Х. Шванебахъ (б. дир. р. у.).
 — В. Янчевецкій.
 — Д. Янчевецкій.
 Ставрополь. Н. Кузнецовъ (г.).
 — Г. Доросеевъ (г.).
 Сувалки. О. Вабнеръ (г.).
 — А. Годубьевъ (г.).
 Сумы. Л. Горкевичъ (г.).
 Таганрогъ. А. Громачевскій (дир. г.).
 Ташкентъ. И. Любомирскій (г.).
 Тверь. Н. Овсянниковъ (б. дир. г.).
 Тифлисъ. Е. Богословскій (гимн.).
 — М. Зданевичъ (г.).
 — А. Приселковъ (гимн.).
 — Э. Фехверъ (г.).
 Троицкъ. М. Вукъ (г.).
 — И. Тихомировъ (дир. г.).
 Тула. Прот. А. Ивановъ (гимн.).
 Усть-Медвѣдица. Н. Боголюбовъ (г.).
 Харьковъ. В. Краевскій (г.).
 — А. Петровъ.
 — Н. Сумцовъ (проф. ун.).
 — В. Харціевъ (г.).
 Холмъ. В. Инатовъ (гимн.).
 Хортица. А. Нейфельдъ (зав. центр. уч.).
 Черниговъ. А. Тиховъ (гимн.).
 Царицынъ. Е. Арбатскій (гимн.).
 — А. Горбатовъ (г.).
 — П. Черняевъ (гимн.).
 Царское-Село. С. Цыбульскій (гимн.).
 Эриванъ. В. Романовскій (гимн.).
 Феодосія. Ю. Галабутовъ (г.).

Гимназія

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

ФИЛОЛОГІИ И ПЕДАГОГІИ

In primis, ut tenerae mentes tracturaeque altius, quicquid rudibus et omnium ignaris insederit, non modo, quae diserta, sed vel magis, quae honesta sunt, discant. Ceteris, quae ad eruditionem modo pertinent, longa aetas spatium dabit. Quint. inst. or. I, 8.

ГОДЪ VIII

XC—XCI

1895

Ревель

Печатано въ типографіи «Ревельскихъ Извѣстій»

RIEHNIN

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАТЕЛЬ И ПЕЧАТНИКЪ

Въ редакціи и въ продажѣ въ Ревелѣ, въ домѣ бывшаго генералъ-губернатора, въ № 11, по Невскому проспекту, въ 1895 году.

Доводено цензурою. — Ревель, 9-го августа 1895 года.

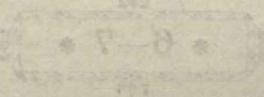
ТОМЪ VIII

№ 7-10

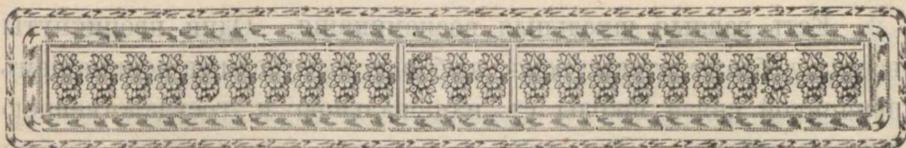
AR Fr. R. K. Kuzwaldi
nim. ENJ. Riiklik
Raamatukogu

65.639

Ревель

Издатель и печатникъ въ Ревелѣ, въ домѣ бывшаго генералъ-губернатора, въ № 11, по Невскому проспекту.

Школьная жизнь

по воспоминаніямъ бывшихъ учениковъ.

И. Козловскій, Екатеринославъ.

Какая школа хороша, какая плоха? Гдѣ найти указаніе, какою должна быть школа? Отвѣты на эти вопросы надо искать: 1) въ правительственныхъ отчетахъ объ учебно-воспитательномъ дѣлѣ и 2) въ личныхъ воспоминаніяхъ образованныхъ людей, также въ литературныхъ произведеніяхъ, изображающихъ это дѣло. Отчеты служатъ источникомъ общей, отвлеченной части училищевѣдѣнія, гдѣ на первомъ мѣстѣ — статистическія показанія результатовъ дѣла вообще.

Въ мемуарахъ же представляется наглядно самый ходъ училищнаго дѣла. То, что можно узнать изъ личныхъ мемуаровъ Н. И. Пирогова, бывшаго попечителя округа, и Жюля Симона, бывшаго министра просвѣщенія во Франціи, нельзя, конечно, искать въ ихъ официальныхъ отчетахъ. Самый правдивый и обстоятельный отчетъ не можетъ дать наприм. тѣхъ свѣдѣній о преподавателяхъ, какія находимъ въ высокоталантливомъ изображеніи французскихъ преподавателей XIX в. въ *Memoires des Autres* Ж. Симона, — въ изображеніи, сдѣланномъ авторомъ по его личнымъ наблюденіямъ — какъ бывшаго ученика, потомъ — какъ сотрудника этихъ преподавателей и наконецъ съ точки зрѣнія высокообразованнаго, многоопытнаго человѣка и бывшаго министра.

Есть разныя школьныя воспоминанія. Одни проникнуты всегда доброжелательствомъ, любовью и глубокимъ пониманіемъ причинной связи школы съ національною и государственною жизнью страны. Они смѣло и правдиво описываютъ слабыя стороны дѣла, освѣщая и согрѣвая свое описаніе умомъ и человѣколюбіемъ. Другіе проникнуты горечью и даже иногда злобою, можетъ быть потому что, изображая паталогическое состояніе человѣка и общества, они сами причастны, такъ или иначе, этому состоянію. Русскій читатель знаетъ довольно такихъ примѣровъ, поэтому-то я имена опускаю.

Для соображеній о достоинствахъ разныхъ воспитательныхъ приѣмовъ и системъ считаю болѣе практичнымъ останавливаться преимущественно на воспоминаніяхъ о добрѣ, чѣмъ о злѣ въ школьной жизни.

Къ этому позволю себѣ прибавить, что считаю умѣстнымъ дѣлать извлеченія не только изъ мемуаровъ, какъ источника фактически точнаго, но также и изъ тѣхъ поэтическихъ произведеній, въ которыхъ поэтъ въ изображеніи школы остается вѣрнымъ духу своего народа и времени, хотя названія мѣстъ и лицъ измѣняетъ по требованію практическихъ соображеній. Разумѣю такія произведенія какъ «Семейная хроника», «Мертвыя души», «Дѣтство и Отрочество», «Обрывъ», «Очерки бурсы» и т. п.

При оцѣнкѣ школьнаго дѣла на основаніи этихъ изображеній (взявши въ разсчетъ, конечно, обстановку мѣста и времени), невольно думается: всѣ типы школы (даже самыя антипатичныя) суть необходимые опыты человѣчества въ дѣлѣ воспитанія и образованія. Эти опыты были необходимы (исторически и логически), и еслибы который-нибудь изъ типовъ школы, со всѣми его худыми и хорошими сторонами, не былъ въ свое время учрежденъ, то тѣ же самыя лица, которыя, зная о немъ изъ исторіи, безусловно неодобряютъ его теперь, предложили бы завести подобныя школы въ видѣ опыта, въ надеждѣ благодѣтельныхъ результатовъ, — ибо безъ такой надежды не предлагается ни одинъ проэктъ. Все было нужно въ свое время на своемъ мѣстѣ; нужны были въ свое время школы іезуитскія, кантонистскія, ланкастерскія.

Этотъ обзоръ школьныхъ воспоминаній начнемъ съ «Memoires des Autres», произведенія, несомнѣнно превышающаго другія подобныя какъ достоинствами въ историческомъ и литературномъ отношеніи, такъ и новизною своею: онѣ печатаются съ 1890 года въ «La Lecture». Авторъ ихъ—членъ французской академіи, нынѣ 80-лѣтній старикъ. Онѣ родился въ 1814 г. въ Лоріенѣ, гдѣ получилъ первоначальное образованіе. Потомъ въ Ваннѣ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ Полемъ Февалемъ, учился латинскому языку и философской пропедевтикѣ. По окончаніи курса въ этомъ училищѣ онѣ былъ назначенъ тамъ же помощникомъ преподавателя, а въ 1833 г. поступилъ студентомъ въ École Normale въ Парижѣ. По окончаніи здѣсь курса былъ преподавателемъ въ лицеяхъ, сначала въ Каенѣ, потомъ въ Версали, а съ 1839 по 1852 годъ былъ адъюнктомъ, а потомъ профессоромъ философіи въ Сорбонѣ, приглашенный туда Викт. Кузенномъ. Республиканецъ съ дѣтскихъ годовъ по душевному настроенію, благодаря семейнымъ преданіямъ, Ж. Симонъ провель свою юность среди трудовъ, размышленій, нужды, философской борьбы и суровыхъ, однообразныхъ занятій преподавателя. Въ это-то время, до 1852 года, онѣ написалъ: «Manuele de philosophie», «L'histoire de philosophie», «La liberté», «La liberté de conscience», «La religion naturelle»; кромѣ того написалъ комментаріи къ трудамъ Платона и Аристотеля, исторію Александрійской школы и предисловія къ изданіямъ трудовъ Арнольда, Мальбранша и Боссюэта. Въ декабрѣ 1852 года, въ царствованіе Лудовика-Наполеона III, онѣ оставилъ кафедру и долженъ былъ зарабатывать себѣ хлѣбъ перомъ. Въ это время онѣ издавалъ Journal pour Tous, написалъ: «Le Devoir», «L'École», «Le Travail», «L'Ouvrière» и превосходные рассказы подъ псевдонимомъ Петра Герена.

Какъ бывший министръ, какъ выдающійся членъ Академіи, какъ вліятельный писатель, къ голосу котораго чутко прислушивались и прислушиваются теперь его современники, Ж. Симонъ принадлежитъ французской исторіи, которую онѣ теперь пополняетъ своими Memoires des Autres. Трудъ этотъ отличается первостепенными достоинствами: тонкою наблюдатель-

ностью, глубокимъ пониманіемъ жизни, мѣткимъ, изящнымъ языкомъ и правдивостью. Здѣсь изображены государственные дѣятели, писатели, женщины, преподаватели. Немногія лица обозначены псевдонимами; люди, близко знакомые съ событіями, легко угадываютъ настоящія имена. Я на-мѣренъ брать отсюда рассказы только объ ученической жизни и о преподавателяхъ. Первая глава «Memoires des Autres» называется

«M. Antoin».

«Въ нашей старинной «École Normale», говоритъ Ж. Симонъ, былъ обычай къ лекціямъ звонить съ колокольни, какъ звонять къ обѣднѣ. Какъ только профессора входятъ бывало во дворъ, привратникъ бѣжитъ на колокольню, звонить во весь разгонъ колокола и потомъ прокричить для насъ фамиліи входящихъ. Если это были Кузенъ или Мишле, то мы стремглавъ бросались къ окнамъ. Мишле пробирался подлѣ стѣны, одѣтый зимою въ хламиду цвѣта адскаго пламени (т. е. темно-краснаго цвѣта), — настолько длинную, что она билась у него по пятамъ. Кузенъ, въ своемъ голубомъ плащѣ, подбитомъ краснымъ плюшемъ, важно шелъ, размахивая палкою, будто поражая невидимыхъ враговъ. А вотъ и Дамиронъ идетъ своею тяжелою спѣшною походкою, въ калошахъ, съ зонтикомъ, наклонивши голову и бормоча первыя слова лекціи, которую онъ будетъ читать намъ. Антуанъ не бросался сразу въ глаза ни костюмомъ, ни походкою. Онъ не былъ ни красивъ, ни безобразенъ, ни старъ, ни молодъ, ни изященъ, ни вульгаренъ. Но я не знаю, почему, увидѣвши его, подумаешь: вотъ робкій человѣкъ! Эта робость его даже насъ удивляла. Бояться насъ, студентовъ, своихъ слушателей — забавно! Я видѣлъ — потомъ уже — что онъ какъ листъ дрожалъ въ присутствіи Кузена. Войдя въ маленькую аудиторію, гдѣ читалъ намъ, онъ клалъ на полъ свое верхнее платье, прежде сложивши его аккуратно, сверху зонтикъ, на зонтикъ шляпу вмѣстѣ съ перчатками; изъ портфеля вынималъ дюжину листочковъ, которые методически складывалъ передъ собою, и затѣмъ начиналъ говорить съ

такимъ выраженіемъ лица, которое можно передать такими словами: «Вы смѣтаетесь надо мною, но я все-таки буду говорить полтора часа De senectute, и не скажу ни одного слова, посторонняго предмету моей лекціи».

Рѣчь его была ясная, плавная, правильная, безъ передышки, безъ перемѣны тона. Онъ какъ будто боялся, что малѣйшая перемѣна интонаціи можетъ быть истолкована въ смыслѣ претензіи обратить на себя вниманіе. Когда печка была хорошенько натоплена, невозможно было не заснуть въ этой маленькой комнатѣ, подъ звуки монотоннаго, убаюкивающаго чтенія. Онъ это чувствовалъ, страдалъ отъ этого, но не подавалъ виду, что замѣчаетъ это. Его отмѣтки были безукоризненно справедливы и строги. Онъ слылъ очень честнымъ и очень скучнымъ человѣкомъ. Былъ-ли онъ ученъ, знающъ? Объ этомъ знали только по его внѣшности. Въ теченіе года никто не обмѣнялся съ нимъ ни однимъ словомъ. Инстинктивно понимали, что для него трудно разговаривать и что быть можетъ онъ считалъ себя не въ правѣ отвѣчать на наши вопросы.

Въ училищѣ Лудовика Великаго онъ читалъ риторику. Одинъ сорванецъ, чтобы испытать его, сталъ шумѣть и разговаривать съ сосѣдомъ. Но онъ сейчасъ же приказалъ ему выйти за дверь. Это было суровое наказаніе, потому что мальчика замѣтилъ инспекторъ. Онъ такъ испугался своей строгости, что до конца урока дрожалъ и заикался. Слушатели оставили его въ покоѣ: тихо сидѣли и ничего не слушали.

Однажды пріѣхалъ я въ коллегію Лудовика, въ которую былъ я назначенъ преподавателемъ въ это время и которую зналъ во всѣхъ закоулкахъ. Мнѣ вздумалось подняться на платформу четырехугольной башни. Это было нелегко и небезопасно, потому что лѣстница не чинилась полвѣка. Взобравшись наверхъ, я усѣлся на обомшлой скамьѣ, на которую навѣрно никто до меня не садился въ XIX в., и любовался широкимъ горизонтомъ, наслаждаясь въ то же время полною тишиною; какъ вдругъ замѣтилъ рядомъ съ собою Антуана. Я не слышалъ, какъ онъ пришелъ, такъ какъ въ числѣ его

особенностей была также тихая походка, — до того тихая, что, казалось, это движется невѣсомое, а не человѣкъ.

Я всталъ и привѣтствовалъ его съ тѣмъ почтеніемъ, которое питалъ къ нему. Онъ отвѣтилъ мнѣ съ добродушіемъ и сердечностью, сѣлъ подлѣ меня и принялся описывать мнѣ Латинскій кварталъ, который былъ передъ нашими глазами, — описывать съ жаромъ и знаніемъ антикварія. Я подумалъ, что робость покидаетъ его на высотѣ тридцати семи метровъ отъ поверхности. Я радовался по мѣрѣ того, какъ онъ дѣлался все общительнѣе, и не прошло четверти часа, какъ я замѣтилъ, что имѣю дѣло съ человѣкомъ необыкновеннаго вкуса и пронизательнаго ума, — такого, который знаетъ меня лучше, чѣмъ я самъ себя знаю.

Я выразилъ ему признательность за такое вниманіе къ моей личности.

— Но это выходитъ очень просто: вы были моимъ ученикомъ.

Онъ заговорилъ о моихъ школьныхъ товарищахъ съ такимъ пониманіемъ человѣческой природы, которое доказывало, что онъ всѣхъ насъ знаетъ до основанія, и, слово за слово, сталъ говорить о себѣ. Я не знаю навѣрное, но мнѣ кажется, что это въ первый разъ въ своей жизни онъ говоритъ съ такимъ довѣріемъ.

— «Если бы я сталъ описывать мою жизнь», сказалъ онъ, — «ее недолго рассказывать: довольно четырехъ строчекъ. Мѣсто дѣйствія все въ этомъ маленькомъ кругѣ. Вотъ въ этомъ домѣ я родился (онъ показалъ домъ на улицѣ Суфле), въ этомъ жилъ (домъ на улицѣ Пьеръ Сарацинъ), а въ этомъ живу теперь (домъ коллегіи). Знаете-ли, сказалъ онъ съ грустью, которая меня тронула, я поступилъ въ коллегію 9-ти лѣтъ, и вотъ уже 35 лѣтъ, что я здѣсь живу».

«Въ 1808 году, въ Испанскую войну, моя мать лишилась брата и мужа. У моего отца близкихъ родныхъ не было, такъ что мой дядя по матери былъ самымъ близкимъ для него человѣкомъ. Въ двѣ недѣли моя мать лишилась ихъ обоихъ, а съ ними и всего. Дядѣ было 17 лѣтъ. Онъ началъ

эту ужасную кампанію въ сентябрѣ. Его сейчасъ послали въ Вургосъ, гдѣ былъ авангардъ арміи; 8-го ноября онъ прибылъ на мѣсто, истощенный, съ израненными ногами, босой. 9-го ноября его обмундировали, 10-го послали въ огонь, гдѣ онъ, тотчасъ какъ прибылъ къ своему полку, и голову сложилъ, пораженный пулею. Всего 6-ть недѣль назадъ онъ былъ воспитанникомъ училища въ Парижѣ и писалъ латинскія упражненія. Мой отецъ убитъ въ дѣлѣ подъ Толедо, пораженный двумя пулями. Такъ какъ онъ былъ капитанъ, то мать моя имѣла право на небольшую пенсію, едва достаточную для дневного пропитанія, да и ту ей стали выдавать только на другой годъ. Я имѣлъ право на казенное воспитаніе; право это было сомнительно, но мать все-таки подала прошеніе и была такъ счастлива, что меня приняли. Чтобы воспользоваться этимъ правомъ, нужно было имѣть 9 лѣтъ, умѣть читать и писать. Мнѣ пришлось ждать годъ, до 1810 года, такъ какъ я родился 21-го октября 1801 года. Чѣмъ мы жили два года, я не знаю. Мать искала работы иголкой, но напрасно. Она стала продавать нашу скудную рухлядь. Наконецъ насталъ желанный день моего поступленія пансіонеромъ училища. Въ это время мы съ матерью только и дѣлали, что съ утра до вечера плакали. Мать привела меня къ эконому въ ту комнату, которую вы знаете. Здѣсь меня одѣли маленькимъ солдатомъ, — въ синій мундиръ, брюки, фуражку съ красными кантами, въ ботфорты. Я былъ крайне неловокъ. Мать клялась, что я теперь похожъ на ея милыхъ покойниковъ, и принялась рыдать. Но барабанщикъ пробилъ полуденную рекреацію. Матери предложили итти плакать къ себѣ домой. Экономскій смотритель отвелъ меня за руку во дворъ для воспитанниковъ младшаго возраста и оставилъ меня среди маленькихъ мальчугановъ. Но они все-таки на годъ, на два были старше меня. Я былъ самый маленькій и тщедушный. Мнѣ было неловко въ форменномъ нарядѣ: ботфорты мѣшали ходить свободно, воротникъ жалъ горло. Я глядѣлъ растерянно, выжидая, не окажется-ли кто участія. Но я видѣлъ только насмѣшниковъ, которые забавлялись моею недовкостью

и готовы были позабавиться на мой счетъ. Я стоялъ неподвижно у стѣны, окруженный шалунами. Ко мнѣ подошелъ репетиторъ.

— «Что жъ, Антуанъ, (еще никто меня такъ не звалъ), двигайтесь, играйте. Нельзя же все такъ стоять». Я удерживался изъ всей мочи, чтобы не заплакать.

— «Онъ заплачетъ!» — «Нѣтъ, онъ не станетъ плакать!» говорили товарищи, видя, какъ дрожатъ мои мускулы.

Къ досадѣ моей брызнули слезы, и были привѣтствованы радостными восклицаніями. Меня затолкали, бросали вверхъ мою фуражку. Въ суматохѣ на мою долю выпало немало толчковъ. Меня выручили классные служители.

— «Защищался бы дурачокъ!» говорилъ одинъ изъ нихъ. Только къ концу рекреаціи меня оставили въ покоѣ.

Послышалась дробь барабана. Насъ построили. Какъ самый маленькій я былъ во хвостѣ взвода. Я плелся съ грѣхомъ пополамъ, беря приступомъ моими ребячьими ногами каменную лѣстницу, — ту самую, на которой только что были мы съ вами, мой добрый другъ. Вотъ посадили меня на скамью передъ попнитромъ, положили передо мною катихизисъ, французскую грамматику, священную исторію, дѣсть ученической бумаги и два очиненныхъ гусиныхъ пера. Это все, что необходимо для восьмиклассника.

Репетиторъ заставилъ меня прочесть одинъ или два стиха изъ Новаго Завѣта и велѣлъ выучить это наизусть. По уставу полагалось много репетиторовъ, но, по случаю военнаго времени, большая часть ихъ была отправлена въ дѣйствующую армію, такъ что въ моей группѣ приходилось 67 воспитанниковъ на одного репетитора. Это дѣлало его суровымъ. Я думаю, что онъ таки имѣлъ къ этому природную склонность. Въ первый день онъ показался мнѣ самымъ могущественнымъ и самымъ злобнымъ изъ человѣческихъ существъ. Нѣсколько недѣль я почти спалъ за уроками, но къ счастью моему репетиторъ въ это время не обращалъ на меня вниманія.

Пошли для меня безрадостные дни. Я убѣжденъ, что

малѣйшій знакъ дружбы, доброты, даже сожалѣнія могли бы меня спасти. Но этого-то и не было. По крайней мѣрѣ если бы я могъ защищаться, воздать зломъ за зло, меня приняли бы какъ почетнаго члена общества, по крайней мѣрѣ терпѣли бы какъ все-таки человѣческое существо; но я зналъ только отчаяніе и негодованіе, и это негодованіе было пассивно.

Я ненавидѣлъ крѣпко, но не дрался. Я видѣлъ, какъ самыя маленькіе умѣютъ дать сдачу своими безобидными кулачками, какъ это ихъ возвышаетъ въ глазахъ товарищей; я восхищался ими, но подражать имъ не могъ. Съ нетерпѣніемъ ждалъ я всегда конца рекреаций и начала занятій, которыя представлялись мнѣ тихою пристанью; тогда я ускользалъ отъ моихъ враговъ, поклявшихся, казалось, погубить меня. Я чувствовалъ себя въ безопасности въ этой спасительной гавани, но и скучалъ же смертельно. Тоже самое и въ классахъ.

Я ничего не понималъ изъ того, что дѣлалось вокругъ меня. Моя бездарность была дѣломъ рѣшеннымъ и подписаннымъ не только моими учителями и товарищами, но также и мною самимъ. Грустное время! Оно оставило во мнѣ неизгладимое воспоминаніе. Невольно и теперь чувствуешь негодованіе противъ тѣхъ, которые меня унижали, преслѣдовали и забросили. Прекрасно знаю, что были у меня недостатки: безутѣшное выраженіе, слезы, робость; знаю, что не могъ внушить симпатіи; но нужно же, чтобы кто-нибудь далъ мнѣ совѣтъ, показалъ участіе. Только мать у меня была, которая навѣщала меня почти ежедневно. Я бросался къ ней, какъ утопающій бросается на землю.

— «Ты привыкнешь! Привыкаютъ же другіе.» Она спѣшила ободрить меня, но она прекрасно знала, что я страстно желалъ одного: любить и быть любимымъ.

У меня была хорошая память, и это было моимъ счастьемъ въ школѣ. Скоро замѣтили, что я буду первымъ или однимъ изъ первыхъ въ повѣствовательныхъ предметахъ. Я сказывалъ урокъ, не понимая его, и говорилъ жалобнымъ тономъ. Еще я обратилъ вниманіе учителя моимъ письмомъ. Замѣтивши мое

стараніе, онъ далъ мнѣ нѣсколько добрыхъ совѣтовъ. Въ грамматикѣ, послѣ первыхъ затрудненій, я успѣвалъ хорошо. Къ концу года я считался въ числѣ лучшихъ учениковъ. Это меня подняло въ глазахъ товарищей. Они меня оставили въ покоѣ, и это уже былъ шагъ къ лучшему. На каникулы всѣ уѣзжали, я одинъ оставался въ пансіонѣ. Я не зналъ, почему меня мать не брала къ себѣ, но я ее объ этомъ не спрашивалъ, понимая, что все, что она ни дѣлаетъ, есть самое лучшее. Только гораздо позднѣе я узналъ, сколько самоограниченія въ самыхъ необходимыхъ вещахъ нужно было ей вынести въ теченіе цѣлаго года, чтобы къ концу каникулъ, въ августѣ, взять меня къ себѣ и содержать по царски, изрѣдка давая мнѣ даже лакомства и гуляя со мною по городу. О какія прелестныя были эти прогулки! Какая разница съ тѣми, которыя иногда приходилось дѣлать съ товарищемъ, который нехотя открываетъ ротъ, чтобы удостоить меня отвѣтомъ, и съ которымъ я и самъ не зналъ, о чемъ говорить. Нескончаемо болтовнею я вознаграждалъ себя за десять мѣсяцевъ молчанія.

Вотъ уже мнѣ 12 лѣтъ; мои успѣхи въ занятіяхъ все лучше и лучше, но къ лицу я не привыкъ; я остался дикаремъ, и меня оставили одного. Въ V-мъ классѣ мы уже большіе мальчики; насъ посвящаютъ въ высшую политику, намъ говорятъ часто объ императорѣ, — чаще чѣмъ о Богѣ. Священникъ училъ насъ катихизису, въ которомъ сказано, что мы должны любить императора и повиноваться ему. «По апостолу Павлу, сказано въ катихизисѣ, тѣ, которые не повинуются Его Величеству Императору и Королю и не любятъ его, подлежатъ вѣчному осужденію». Намъ внушали, что Франція, за нѣсколько лѣтъ до нашего рожденія, была добычею жестокихъ тирановъ, что кровь лилась рѣкою и что съ появленіемъ въ государствѣ императора все успокоилось. Онъ умиротворилъ Францію, побѣдилъ Европу а также возстановилъ алтари.

Каждый разъ когда онъ одерживалъ одну изъ своихъ великихъ побѣдъ, насъ строили въ карре на большомъ дворѣ; бой барабана извѣщалъ о приходѣ начальника. Онъ являлся,

весь сіяющій, съ бумагою въ рукѣ и читалъ намъ бюллетень великой арміи.

Крикъ «да здравствуетъ императоръ!» раздавался изъ каждой груди, и тѣмъ съ большимъ одушевленіемъ, что парадъ этотъ оканчивался обыкновенно освобожденіемъ отъ занятій.

Когда мы вслѣдъ за этимъ выходили на улицу Св. Якова, чтобы поздороваться съ ожидавшими насъ родными, то по нашему воинственному виду они заключали, что мы готовы слѣдовать за императоромъ на край свѣта.

Въ апрѣлѣ 1814 г. мы ежедневно ожидали извѣстій о побѣдѣ. Вскорѣ мы замѣтили по сдержанному выраженію лицъ нашихъ преподавателей, что случилось что-то необыкновенное. До и послѣ уроковъ бывали у нихъ совѣщанія. Уроки они давали съ мрачными лицами. Наказанія сыпались обильно. Проходя шинельною, слышишь бывало горячія разсужденія. Директоръ и инспекторъ ходили по двору, читали журналы и обмѣнивались письмами. Репетиторы глядѣли на нихъ издали, не смѣя спросить и отгадывая событія по выраженію ихъ лицъ.

Наконецъ въ одно утро мы сидимъ за приготовленіемъ уроковъ съ часъ времени. Свѣтаетъ, лампы блѣднѣютъ. Вдругъ пушечный выстрѣлъ въ домѣ инвалидовъ. Мы кричимъ, забывши дисциплину: «Побѣда!» а на умѣ у насъ: «отпускъ!» Репетиторъ, человекъ молчаливый, котораго мы до сихъ поръ сердечно ненавидѣли, проговорилъ съ печальнымъ видомъ: «Нѣтъ, господа, поражение!» Бѣдняга! Недѣлю спустя мы узнали, что эти слова стоили ему мѣста. Хотя мы не имѣли никакого понятія о томъ, что происходило на свѣтѣ, но онъ сдѣлался героемъ цѣлаго квартала и уходя снискалъ наше уваженіе и участіе. Это былъ Мерпо; вы его знаете. Когда наступилъ часъ уроковъ, заиграла музыка, — флейты и барабанъ, что бывало только по высокаторжественнымъ днямъ и во время нашихъ военныхъ прогулокъ. Вмѣсто уроковъ намъ дали рекреацію. Преподаватели двинулись толпою къ директору. Они были въ полной парадной формѣ съ накрахмаленными физмами. Лица были мрачны. Тогда мы вспомнили

слова репетитора: «Нѣтъ, господа, пораженіе». У меня ска-
лось сердце. Я бормоталъ сквозь зубы:

Excidat illa dies aevo.

Наше ожиданіе было продолжительно. Наконецъ ско-
мандовали: къ оружію. Риторы взяли свои ружья. образо-
валось карре. Показался директоръ, окруженный преподава-
телями, съ священникомъ по правую руку, что насъ удивило,
такъ какъ это было обыкновенное мѣсто инспектора. Наши
достойные учителя, сходя съ лѣстницы, казалось, перемѣнили
выраженіе лицъ. Сходя, они казались печальными, а теперь
приняли радостный видъ. Директоръ вдругъ совершенно
преобразился.

— «Наконецъ», сказалъ онъ подходя къ намъ большими
шагами: «наконецъ мы видимъ ясно Провидѣніе Божіе. Про-
видѣнію мы обязаны этимъ прекраснымъ днемъ! Мы нашли
нашего отца! Этотъ отецъ — нашъ король, король законный,
братъ короля мученика, Лудовикъ XVIII, который изъ своей
ссылки принесъ намъ всѣ добродѣтели и прежде всего вѣру,
основу всѣхъ добродѣтелей. Онъ принесъ съ собою также
прощеніе и забвеніе».

Итакъ насъ простили! И хотя никто изъ насъ не могъ
сказать, въ чемъ именно его могли упрекнуть, все-таки это
увѣреніе, что мы прощены, обрадовало насъ. Мы прокричали:
«Да здравствуетъ нашъ король! Да здравствуетъ нашъ отецъ,
лучшій изъ королей!» Эти восклицанія тянулись долго. Наши
преподаватели поддерживали ихъ безъ устали. Когда ожи-
даешь, что смолкнуть, всегда найдется одинъ голосъ, который
что-нибудь крикнетъ. Преподаватель 5-го класса, чтобъ пока-
зать свои литературныя познанія, отличился, крикнувши:
«Feliciter! Feliciter», крикъ, раздававшійся обыкновенно въ Римѣ
при входѣ триумфаторовъ. Несчастный позабылъ, что это
восклицаніе можно было истолковать двояко: «Да здравствуетъ
императоръ» и «да здравствуетъ король». Это намъ уже послѣ
растолковали риторы.

— «Нѣтъ, сударь!» строго сказалъ директоръ, бросая на

Лемера страшный взглядъ: Да здравствуетъ король Лудовикъ XVIII! Да здравствуетъ Лудовикъ Дезире (Желанный)!

Въ этомъ событіи для насъ ясно было одно: три дня не будетъ уроковъ.

Въ эти три дня мы увидѣли большія перемѣны. Государство, какъ вы и сами знаете, мой дорогой товарищъ, считаетъ своею обязанностью образовать не только умы гражданъ, но также и ихъ совѣсть, — по той мѣркѣ, какую покажетъ въ данный моментъ глава министерства просвѣщенія. Это его высшее право и вмѣстѣ причина его бытія. Когда семья отдаетъ свое дитя государству, то имѣетъ главною цѣлью, чтобы дитя это, какъ можно лучше, приспособили, пригнали къ господствующей мѣркѣ. Вспомнимъ Лудовика XIV, уничтоженіе Нантскаго эдикта. — Черезъ три дня мы увидѣли, что наша старая мѣрка поломана и замѣнена новою. Прежде всего съ фасада нашего зданія исчезла надпись: «Lycée Impérial»; ее замѣнила новая: «Collège royal de Louis-le-Grand». На всѣхъ окнахъ, выходящихъ на улицу, выставлены были бѣлыя знамена. На дверяхъ нашей церкви было украшеніе изъ бѣлыхъ лентъ. На занавѣси священникъ сдѣлалъ прекрасную золотую надпись: «Vive le Roi!» Всѣ ленты у жены директора и его дочерей также были бѣлыя. Среди двора на столбъ повѣсили колоколъ, какъ намъ говорили, дореволюціонный колоколъ, скрывавшійся гдѣ-то въ кладовой. Въ него-то теперь звонили. Потомъ этотъ колоколъ замѣнилъ собою барабанъ.

Это обстоятельство насъ смутило. Мы боялись за знамя. «Что такое батальонъ безъ знамени!» разсуждали мы. Но наше безпокойство было непродолжительно: директоръ принесъ и развернулъ предъ нами новое знамя, бѣлое шелковое, съ золотыми лиліями, даръ княгини де-Барри воспитанникамъ Коллегіи Лудовика Великаго. «Да здравствуетъ княгиня де-Барри! Да здравствуетъ королевское семейство! Да здравствуетъ король!» Во время богослуженія была музыка — училище расщедрилось. Священникъ церкви Св. Стефана провозглашалъ: «Тебе, Бога, хвалимъ». За столомъ намъ дали

по бокалу шампанскаго, по бисквиту и по апельсину. Это былъ день восторга.

На другой день опять новое открытіе. Мы встали по колоколу, пошли на урокъ по колоколу же, рекреациі объявлялись тоже колокольнымъ звономъ. Намъ показалось, что звонятъ весь день. Утренняя молитва была продолжительнѣе, чѣмъ обыкновенно, потому что прибавили латинскую молитву за короля и королевское семейство. Проходя мимо оружейной, мы замѣтили, что ружья исчезли. Передъ уроками для насъ служили тихую обѣдню, и намъ объявили, что такъ будетъ ежедневно и что катихизисъ будетъ два раза въ недѣлю. Риторику соединили съ философіей. Учреждены были для воспитанниковъ бесѣды, на которыхъ присутствовалъ и директоръ. Уроки начинались молитвою: «Veni, Sancte Spiritus», а оканчивались; «Sub Tuum praesidium confugimus». То же и во время речетій. Въ столовой читали «Benedicite» и «Gracias», но передъ «Benedicite» инспекторъ читалъ «Angelus». Въ продолженіе обѣда читали рѣчи Масильона. Вечеромъ, передъ отходомъ ко сну, читались благочестивыя размышленія, чтобы внушить добрыя мысли и видѣнія во снѣ. Всѣ воспитанники ежедневно выучивали два стиха изъ евангелія, въ младшихъ классахъ по-французски, въ среднихъ по-латыни, въ старшихъ по-гречески.

Въ философскомъ классѣ теперь говорили только по-латыни. Чтеніе лекцій, вопросы преподавателей и отвѣты учениковъ — все по-латыни. Исчезнувшія въ смутную эпоху логическія доказательства, съ силлогизмами *baroco*, *baralapton*, опять воскресли.

Не менѣе переменъ было и въ нашей внѣшности. Голубое сукно замѣнили каштановымъ. Желтыя пуговицы съ императорскимъ орломъ замѣнены бѣлыми съ гербомъ лилій. Въмѣсто ботфортовъ у насъ были теперь шерстяные чулки; поэтому на первыхъ порахъ многіе страдали насморкомъ. Въ утѣшеніе насъ украсили треугольными шляпами. Это уже и совсѣмъ не понравилось, такъ что въ старшихъ классахъ слышался

даже ропоть. Насъ поднимали на смѣхъ, когда мы проходили улицами. Мать моя, которая считала себя бонапартисткой, потому что при Бонапартѣ убиты были ея мужъ и братъ, кажется, выплакала всѣ свои слезы, когда увидѣла меня одѣтымъ, какъ она выражалась, іезуитомъ.

Въ это же время мы узнали, что раздача наградъ была отсрочена на 10 дней, т. е. къ 25-му августа, ко дню св. Лудовика. Всѣ эти перемѣны, совершившіяся вдругъ, не достигали своей цѣли. Въ глубинѣ души мы роптали. О Наполеонѣ и Лудовикѣ XVIII мы, правда, немного знали, — развѣ только то, что первый выигрывалъ сраженія, а второго возили въ большихъ креслахъ; но мы ворчали всегда на нашего священника, на его продолжительныя молитвы, на ежедневныя обѣдни, на введенныя вскорѣ исповѣдныя записки. Мы находили, что государство слишкомъ насъ муштруетъ и заставляетъ продѣлывать гримасы. Мы смутно почувствовали, что у насъ есть совѣсть, на которую накладываютъ руку. Садиться, вставать, ходить по приказу, итти направо, налево, учить наизусть то или это, повторять такой или иной урокъ, принимать безпрекословно, что говоритъ учитель, носить тотъ же костюмъ, дѣлать такія-то движенія, играть въ такія-то игры — все это хорошо, все это не мѣшаетъ собственно чело-вѣческой свободѣ. Это мы понимали. Но направлять наши внутреннія чувства и религіозныя вѣрованія — это, казалось, превышало границы, и мы пришли къ убѣжденію, что подъ сѣнію корсиканскаго орла мы были свободнѣе.

Вы можете понять, что съ нами было въ 1815 г., нашъ восторгъ 20 марта, отчаяніе 8-го іюля, совершенное презрѣніе къ нашимъ наставникамъ, которые три раза переходили отъ энтузіазма къ энтузіазму. Они казались намъ комедіантами, которые мѣняютъ костюмы и роли по знаку режисера. Что касается меня, природнаго мизантропа, то я это понималъ тогда лучше, чѣмъ когда-нибудь и поэтому уединялся все больше и больше. Я возненавидѣлъ философію съ ея высокими истинами, противными жизни практической. Я находилъ убѣжище въ литературѣ и притомъ литературѣ латинской. Я

жилъ съ Цицерономъ, Т. Ливіемъ, Тацитомъ. Вергилія наизусть изучилъ.

Меня оставили въ этомъ обществѣ. Въ свѣтѣ, куда я иногда принужденъ являться, меня принимаютъ какъ привидѣніе, случайно проскользнувшее между живыхъ людей. Въ 1820 г. я поступилъ въ Нормальную школу, что всего въ 20-ти шагахъ отъ училища Лудовика, и пробылъ здѣсь до 1822 г., до закрытія заведенія. Я получилъ мѣсто преподавателя 4-го класса. Въ 1826 г., при открытіи Нормальной школы г. Ватименилемъ я поступилъ въ нее въ качествѣ тьютора. Но настоящій уставъ свой это заведеніе получило только съ 1830 г. Теперь я преподаватель риторики въ Коллегіи Лудовика и исторіи латин. литературы въ Нормальной школѣ. Но все-таки хотя я и профессоръ, дважды профессоръ теперь, въ глубинѣ моей природы я — ученикъ. Я похожъ на того узника, который долгое время былъ въ заключеніи и, получивши свободу, не можетъ съ нею освоиться, все оглядывается, нѣтъ-ли подлѣ него часового. Я чувствую себя чловѣкомъ только въ своемъ кабинетѣ, одинъ съ моими друзьями, римскими поэтами и историками. Во всякомъ другомъ мѣстѣ я ни что иное какъ большое, робкое, неловкое дитя. По крайней мѣрѣ я поздравляю себя съ тѣмъ, что среди моихъ несчастій я сохранилъ свободу ума благодаря соблазнительнымъ переворотамъ 1814 и 1815 годовъ».

Таковы были признанія г. Антуана, которыя слушалъ я съ участіемъ и почтеніемъ, мысленно сближая его судьбу съ моею. Съ этого дня онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ дорогихъ моихъ друзей. Если я скажу вамъ его настоящее имя, оно не будетъ для васъ новостью, хотя бы вы шли по другой дорогѣ. Это одинъ изъ первыхъ нашихъ гуманистовъ и притомъ чловѣкъ ума рѣдкаго и очаровательнаго. Но каково жить на свѣтѣ чловѣку, обладающему такимъ умомъ и не могущему имъ вполнѣ воспользоваться!

Такъ оканчивается первый очеркъ изъ воспоминаній Ж. Симона. Онъ представляетъ страницу изъ бытовой исторіи начала нашего столѣтія и эскизный портретъ одного изъ старшихъ нашихъ современниковъ. Мы видимъ изъ него, какъ быстро тогда отражались на школѣ всѣ переменны общественной и государственной жизни Франціи и какое дѣйствіе они имѣли на молодыя души. Каждый воспитатель невольно остановится на заключительныхъ словахъ признаній г. Антуана: «Я поздравляю себя съ тѣмъ, что, среди моихъ несчастій, я сохранилъ свободу ума, благодаря соблазнительнымъ переворотамъ 1814 и 1815 годовъ». Эта свобода ума, равно какъ упоминаемая здѣсь свобода совѣсти, до сихъ поръ остаются, какъ въ наукѣ, такъ и въ дѣлѣ воспитанія, тѣми искомыми неизвѣстными, х-мъ и у-комъ, съ нахожденіемъ которыхъ неразрывно связаны первостепенные жизненные практическіе вопросы государства и общества, и въ XIX в. рѣшеніе этой задачи (отыскать истинную формулу свободы для ума и совѣсти) сдѣлалось еще труднѣе (потому что теперь больше осложнений), чѣмъ это было въ предыдущіе вѣка. Достигнутая г. Антуаномъ свобода ума и совѣсти — та ли это свобода, которая должна быть основою христіанскаго воспитанія, или же это какая-нибудь другая свобода, съ достиженіемъ которой, можетъ быть, нечего было себя и поздравлять?

Послѣ безпринципной, въ сущности революціонной солдатчины наполеоновскаго времени («въ коллегіи о Наполеонѣ говорили чаще чѣмъ о Богѣ») наступила пора возрожденія старыхъ, исторически крѣпкихъ принциповъ и нѣкоторыхъ формъ старофранцузской жизни въ царствованіе Людовика XVIII. Реставрація отразилась сейчасъ и на школѣ. На Антуана, какъ мы видѣли, дурно подѣйствовали эти школьныя переменны, особенно нехорошо отозвались въ его сердцѣ воспитательныя средства церкви (школьныя обѣдни и исповѣдныя записки). Онъ говоритъ, что это вредно отразилось не только на немъ, но и на его товарищахъ. Есть основаніе не слишкомъ довѣряться его личнымъ впечатлѣніямъ. Изъ поколѣній, близкихъ его времени, немного раньше — немного позже, вышли

люди такого закала, какъ Шатобрианъ, Гизо, Ламартинъ, Гюго. Эти же самыя школьныя доурочныя обѣдни и исповѣдныя записки иначе отражаются въ воспоминаніяхъ другихъ даровитыхъ людей того же времени, хотя и другого народа. Вотъ что читаемъ въ «Szkolne czasy» Syrokomli: «У насъ было заведено, что ежедневно отецъ префектъ (начальникъ заведенія) до уроковъ служилъ школьную обѣдню. Зимой богослуженіе оканчивалось до разсвѣта. Мы, ученики, жили на квартирахъ въ городѣ, и не смотря ни на время года, ни на погоду, никто изъ насъ не смѣлъ пропустить святую литургію. Церковный цензоръ отмѣчалъ шалости въ церкви, и въ субботу этимъ шалунамъ бывало худо. Но не столько страхъ наказанія, сколько святой страхъ Божій научилъ насъ понимать важность Господней службы. При восковыхъ свѣчкахъ, съ гусиное перышко толщиною, слабо освѣщавшихъ обширный монастырскій храмъ, мы сердечно, горячо молились, глядя восторженными глазами то на алтарный образъ распятаго Спасителя, то въ свои молитвенники. Сотни дѣтскихъ глазъ, полныхъ слезъ, съ юношескимъ состраданіемъ глядѣли на раны Спасителя, и Господь посылалъ утѣшеніе въ наши сердца. Послѣ молитвы человекъ чувствуетъ себя какъ-то свободнѣе. Наши уроки тогда шли бодрѣе и успѣшнѣе. Такъ-то плакали мы тогда надъ Господней израненной терновымъ вѣнцомъ головой, надъ скорбью Его сердца, зато Онъ хранилъ отъ ранъ наши головы и сердца. Теперь не то:

Теперь, больные сердцемъ и душою,

Не надъ Христомъ мы плачемъ, надъ собою.

Дальнѣйшій ходъ богослуженія и сердечное участіе въ немъ учениковъ описаны поэтомъ съ такимъ чувствомъ, что невольно припоминаются слова евангелиста: «Не горѣста ли наю сердца (Лук. гл. 24 ст. 32)».

Но Антуанъ правъ, когда онъ упрекаетъ школу въ томъ, что она не оказала ему нравственной поддержки при посту-

плени его въ интернатъ, отнеслась безучастно къ униженному положенію бѣднаго дитяти. Пожалуй, школа можетъ отвѣтить на его упрекъ такъ: «Я оказала ему помощь въ лицѣ служителя, который защитилъ его отъ нападокъ товарищей и далъ для пассивной природы хорошій совѣтъ. («Да защищайся же, дурачокъ!») Подобный совѣтъ и теперь можетъ дать любой отецъ своему сыну — школьнику. Ученическій міръ имѣетъ свои обычаи, выработанные дѣтскою природою, и благо-разумный воспитатель сначала наблюдаетъ свободное проявленіе товарищескихъ отношеній въ дѣтскомъ кружкѣ, а потомъ уже можетъ позволить себѣ вмѣшательство, чтобы, по мѣрѣ надобности, очеловѣчить и упорядочить эти отношенія. Все же, скажу опять, упрекъ Антуана вполне основателенъ, потому что мальчикъ несомнѣнно былъ несчастенъ, униженъ, нуждался въ поддержкѣ, нравственной помощи, и ничего этого не разу не имѣлъ.

Такой упрекъ можетъ быть не лишенъ основанія и по отношенію къ теперешней школѣ. Воспитатель долженъ напередъ опредѣлить, какая роль выпадетъ, среди грубыхъ по природѣ шутниковъ, меланхолическому дитяти, требующему сердечнаго къ себѣ участія и заѣмъ — тщательнаго и осторожнаго воспитанія. Теперь иногда пишутъ и говорятъ о возможности организовать однородныя школы по личному ихъ составу, по учебной и воспитательной подготовкѣ и обстановкѣ, и о пользѣ такой однородности для дѣла; но едва ли и здѣсь устранять разнообразіе темпераментовъ и обстановки, а слѣдовательно и въ этомъ случаѣ отъ воспитателя потребуются все-таки очень солидныя качества ума и сердца, по поводу которыхъ вспоминается совѣтъ Апостола: «немнози бывайте учителя».

Теперь перейдемъ къ школьному образованію въ провинціальныхъ захолустьяхъ Франціи, описанному въ тѣхъ же «M. d. Aut.», подъ заглавіемъ «Le collège de Vanne en 1830».

Ваннское училище въ 1830 году*).

Основаніе моему филологическому образованію положено въ Ваннѣ въ 1830 г. Училище это и его ученики не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что мнѣ приходилось встрѣчать послѣ. Всѣ мы были экстерны и составляли въ городѣ родъ корпораціи или общины, довольно значительной. Врачи и адвокаты знали по именамъ первыхъ учениковъ старшихъ классовъ. Они принимали участіе въ нашихъ успѣхахъ. Въ концѣ года они присутствовали во время нашихъ публичныхъ состязаній, предлагали намъ вопросы и препирались съ нами по вопросамъ литературы и философіи. Многіе мои товарищи были изъ крестьянъ, носили старинный бретонскій костюмъ и были совсѣмъ взрослые парни. У меня, четырнадцатилѣтняго мальчика, былъ пріятель 24-хъ лѣтъ, и это никого не удивляло. Они имѣли въ виду быть приходскими священниками.

Эта старинная школа была по преимуществу убѣжищемъ для бѣдняковъ. Богатыхъ было немного. Они жили въ двухъ-трехъ пансіонахъ, содержимыхъ пожилыми дѣвушками, десятка по два въ каждой квартирѣ. Это были дѣти изъ зажиточныхъ семействъ. Мы глядѣли на нихъ какъ на невольниковъ. Ихъ лучше одѣвали и кормили, но на нашей сторонѣ была блаженная свобода. Мы знали только, что нужно быть на четырехъ урокахъ въ теченіе пяти дней въ недѣлю, а остальнымъ временемъ распорядишься себѣ, какъ знаешь; но мы, бѣдняки, сами себѣ прокладывавшіе дорогу, были трудолюбивы и благоразумны.

Немногіе изъ насъ жили у родныхъ; остальные, большею частію жители сосѣднихъ деревень, нанимали — кто чердакъ, кто комнату, у такихъ же бѣдняковъ, какъ сами, съ соответственнымъ обстановкѣ дешевымъ продовольствіемъ. Нѣкоторые ученики-крестьяне являлись по понедѣльникамъ изъ дому съ громадными ячменными хлѣбами, которыми должны были продовольствоваться до будущей субботы. Они рѣзали его на

*) Ваннъ, главный городъ департамента Морбигамъ, при Морбигамскомъ заливѣ, нѣкогда столица Венетовъ, извѣстенъ рыбодовствомъ, стеклянными заводами, производствомъ кружевъ. Жителей 14,000.

куски и бросали въ супъ, который давала имъ квартирная хозяйка, и это былъ весь обѣдъ. Остальное время сутокъ они питались большею частию сухимъ хлѣбомъ. Послѣ этого вы поймете, что намъ и въ голову не приходили какія-нибудь глупости.

Я нашелъ себѣ квартирку на Церковной улицѣ (rue des Chanoines), у г-жи Норманъ, у которой жилъ также хоръ пѣвчихъ. Я нанималъ комнату безъ печки, настолько тѣсную, что въ ней съ трудомъ помѣщалась моя кровать, соломенный стулъ и маленькій столикъ. Обѣдалъ я вмѣстѣ съ пѣвчими, ихъ регентомъ-абатомъ и г-жею Норманъ, которая была вдова деревенскаго нотариуса. Было условлено, чтобы я обучалъ хоръ въ случаѣ болѣзни абата, во время его экзаменовъ въ семинаріи и занятій въ консисторіи. Благодаря этому условію я платилъ всего 25 франковъ въ мѣсяцъ, и такъ какъ отъ платы за ученіе я былъ освобожденъ, то мой годовой расходъ не превышалъ 250-ти франковъ. Но я нуждался еще въ пополненіи моего костюма. Г-жа Норманъ чинила его на всѣ лады, но, къ сожалѣнію моему, я сильно росъ въ эти годы — мнѣ было 12 лѣтъ. Что касается карманныхъ денегъ, то я и понятія о нихъ не имѣлъ и даже не подозрѣвалъ, что когда-нибудь буду имѣть въ нихъ нужду. Самое главное дѣло было вотъ въ чемъ: 250 франковъ — небольшая сумма, но у меня не было никого на свѣтѣ, кто бы вздумалъ уплатить ее. Къ счастью моему, въ этомъ маленькомъ городкѣ былъ обычай приглашать старшаго класса учениковъ давать уроки начинающимъ; это давало кусокъ хлѣба старшимъ и недорого стоило младшимъ. За три франка въ мѣсяцъ репетиторъ ежедневно занимался съ мальчиками одинъ часъ, такъ что урокъ стоилъ 2 су. Благодаря покровительству одного преподавателя, у меня было 8 учениковъ: съ 6¹/₂ час. утра я давалъ урокъ первой группѣ и съ моими же учениками отправлялся въ училище къ моимъ занятіямъ въ 8 часовъ, а съ 6 до 7 часовъ послѣ обѣда былъ урокъ со второю группою. Можно было видѣть ежедневно, какъ я съ маленькимъ фонаремъ въ ветхомъ плащѣ, который не защищалъ меня ни

отъ дождя, ни отъ холода зимою, иду по улицамъ Ванна на мои вечерніе уроки, и я потомъ слышалъ, что это внушало честнымъ людямъ нѣкоторое уваженіе ко мнѣ. Что же касается ихъ доброжелательства ко мнѣ, то оно для меня несомнѣнно. Мои 8 уроковъ давали мнѣ всего 24 франка, слѣдовательно 1 франкъ ежемѣсячно не доплачивалъ г-жѣ Норманъ, и хотя моя хозяйка, олицетворенная доброта, ясно сказала мнѣ, чтобы я не думалъ о моемъ долгѣ, но я все-таки жестоко страдалъ. Въ концѣ года я получилъ первыя школьныя награды, и совѣтъ департамента за это далъ мнѣ вспомошествованіе въ 200 франковъ. Тогда и на моей улицѣ былъ праздникъ: я сейчасъ уплатилъ хозяйкѣ 10 франковъ, купилъ себѣ суконный сюртукъ, новые башмаки, въ которыхъ крайне нуждался, и впервые имѣлъ удовольствіе приобрести классныя книги новыя, изъ книжнаго магазина, а не отъ букинистовъ, изорванные и засаленныя.

Этотъ мой разсказъ можетъ имѣть интересъ какъ подробность изъ бытовой жизни маленькаго городка около 80 л. назадъ. Въ 1872 г., будучи министромъ просвѣщенія, я принималъ въ Новый годъ поздравленія. Начальникъ учеб. заведеній Парижа, г. Мурье представилъ мнѣ всѣхъ инспекторовъ, изъ которыхъ одинъ очень, повидимому, желалъ возобновить со мною знакомство. Пока я ломалъ голову надъ тѣмъ, гдѣ бы я его могъ видѣть прежде, г. Мурье, чтобы помочь мнѣ сказалъ:

— Вотъ г. Понтавись, которому вы давали уроки въ Ваннскомъ училищѣ.

— За три франка въ мѣсяцъ, вскричалъ я радостно и съ удовольствіемъ обнялъ бывшаго ученика моего. Онъ оставался вѣренъ мнѣ до окончанія мною философскаго класса. Это у него утромъ собирались другіе мои ученики и въ 8 часовъ мы, всѣ пятеро, отправлялись въ училище.

И все же скажу — это не было самымъ суровымъ временемъ моей жизни. Если мнѣ когда приходилось туго, то это въ тѣ два года, когда я былъ адъютантомъ г. Кузена

въ Сорбонѣ и долженъ былъ жить на 87 франковъ мѣсячнаго жалованья.

Возвращаюсь опять къ училищу. Прежде всего нужно сказать, что помѣщеніе его было не особенно удобно. Императоръ имѣлъ въ виду устроить здѣсь лицей, и уже вывели два этажа зданія, съ фасадомъ на площадь, рядомъ съ древней часовней, но какъ наступили событія 1814 г., то постройка остановилась, и зданіе теперь представляло угнетающій видъ новѣйшихъ развалинъ. За этими-то развалинами тянулся обширный дворъ, оканчивавшійся прекрасными зданіями прежняго іезуитскаго училища, гдѣ и помѣщались наши классы. Они занимали весь 2-й этажъ, а первый оставался пустымъ. Все помѣщеніе представляло рядъ большихъ комнатъ, окнами во дворъ съ одной стороны и въ поле съ другой. Стѣны были обнаженныя, желтыя, мѣстами съ вывѣтрившимся цементомъ. Потолокъ поддерживался посреди комнаты столбомъ, грубымъ, полуобтесаннымъ. Вдоль стѣнъ съ четырехъ сторонъ шли деревянныя скамьи со спинками; не было ни столовъ, ни пюпитровъ; писали на колѣняхъ. Противъ двери стояла преподавательская кафедра, на которую вела лѣсенка въ 10 ступеней, такъ что преподаватель на своей тѣсной вышкѣ казался ярмарочнымъ фокусникомъ на бочкѣ. Ни печей, ни каминовъ, не было; поэтому въ пустыхъ, почти немеблированныхъ залахъ, въ иные дни до того бывало холодно, что невозможно было держать въ рукахъ перо. Тогда преподаватель среди урока три раза ударялъ по кафедрѣ, и мы какъ оглашенные вскакивали съ своихъ мѣстъ, хватили другъ друга за руки и, образовавъ кругъ, неистово танцевали вокругъ столба. Черезъ четверть часа опять троекратный стукъ призывалъ насъ къ порядку, и мы до конца продолжали наши занятія. Этотъ экономный способъ отопленія не былъ вреденъ для нашего здоровья. Всѣ мы были крѣпки, здоровы, закалены. Зимой бывало проходишь въ училищный дворъ, а снѣгу выше колѣнъ, и ничего!

Теперь спорять, не вредно-ли дѣйствуетъ преобладаніе латыни въ школьномъ образованіи. Если бы въ 1830 г. въ

Ваннѣ сократили латынь, я не знаю, чѣмъ бы тогда заняли учебные часы. Наши преподаватели, почти все священники, прекрасно знали латынь, немного богословія и ничего больше. Въ 1829 г. у насъ ввели преподаваніе физики, о которой съ 1789 г. совсѣмъ позабыли. Вновь назначенный преподаватель ея столько же ее зналъ, сколько и ученики. Онъ купилъ себѣ руководство абата Нели.

— Я этой книги не понимаю, сказалъ онъ намъ откровенно; но мы будемъ читать ее вмѣстѣ и можетъ быть понемногу къ чему-нибудь прійдемъ.

Мы ни къ чему не пришли. Нѣсколько устарѣлыхъ приборовъ изъ физическаго кабинета ничего намъ не помогли; только изъ машины Вольта мы сдѣлали примѣненіе, — стали играть въ дискъ, и я долженъ правду сказать, г. Мерпо, нашъ преподаватель, игралъ мастерски.

Преподаватель риторики въ сосѣднемъ классѣ прислалъ сказать, что мы слишкомъ шумимъ. Но г. Мерпо оказался на высотѣ своего положенія.

— Пойдите, скажите вашему учителю, что мы изучаемъ законы природы и предоставляемъ ему полную свободу, какъ ему угодно, примѣнять къ жизни законы риторики.

Такъ то мы учились физикѣ и химіи на урокахъ Мерпо. На другихъ урокахъ мы не учились ни географіи, ни исторіи, ни орографіи, ничему — кромѣ латыни. Зато говорили по-латыни.

Начальникъ школы г. Жегало, полный, румяный весельчакъ, не скупился освободить насъ отъ послѣобѣденныхъ занятій. «Vacabunt scholae serotinis horis totis». У него всегда былъ въ запасѣ забавный рассказъ, исторійка, которыя сохранились въ моей памяти черезъ 50 лѣтъ, но я воздержусь отъ ихъ передачи здѣсь, помня правило Аристотеля: ἀναγκη στήναι.

Не могу не сказать здѣсь о приемахъ и порядкахъ въ учебномъ дѣлѣ. Мы размѣщены были на основаніи оцѣнки послѣдняго сочиненія, четные номера вправо, нечетные влѣво отъ кафедры преподавателя. Первый по правую сторону, первый ученикъ въ классѣ, носилъ почетное названіе *impregator*,

у иныхъ шуточныхъ преподавателей — *Imperator Augustus*; первый съ лѣвой стороны, второй ученикъ въ классѣ назывался *Caesar*; потомъ съ каждой стороны по два *praetores, decem patres conscripti*; такъ распредѣлялись первые 26, имена которыхъ провозглашались при громкихъ аплодисментахъ. Затѣмъ наставникъ складывалъ списокъ и объявлялъ: *Caeteri — ordine perturbato*. Достоинства консула и трибуна соединялись съ императорскимъ достоинствомъ: *Imperator Augustus iterim consul, tribunicia potestate*.

Быль у насъ и великій цензоръ, отмѣчавшій наши проступки, а иногда и назначавшій намъ наказанія. Онъ былъ отчасти репетиторъ и, правду сказать, шпіонъ. Я увѣренъ, что г. Ланко, нашъ *perpetuus censor*, на меня не посѣтуетъ. Цензоръ назначался наставникомъ, не обращая вниманія на степень учебныхъ успѣховъ, и достоинство это возобновлялось черезъ каждыя 2 недѣли. Были ученики, больше желавшіе быть цензоромъ, чѣмъ императоромъ. Я былъ императоромъ 3 года, только одинъ разъ уступивши свое мѣсто сопернику. Три мои соперника, тогдашніе цезари, сдѣлали лучшую карьеру, чѣмъ я, хотя, можетъ быть, и менѣ шумную: г. Герень — членъ кассационной палаты, его братъ — нашъ знаменитый хирургъ, бывший президентомъ медицинской академіи, и извѣстный г. Алиу.

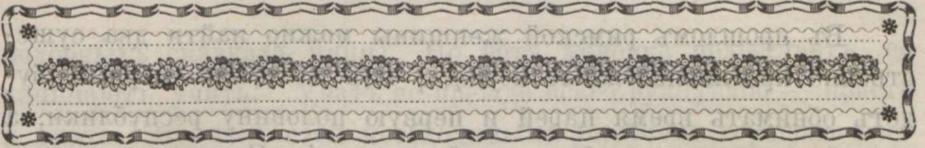
Сидящіе по правую руку ученики назывались *Romani*, по лѣвую — *Carthaginienses*. Въ субботу, во время вечерняго урока, *censor et duo purpurati (Imperator et Caesar)* подавали наставнику свой общій трудъ — сводъ недѣльныхъ отмѣтокъ. Бывали спорные случаи, которые рѣшали преподаватели, каждый сообразно своему темпераменту: абать Байль обращался *ad plebiscitum*, абать Неве *utabatur dictatoria potestate*. Общій результатъ рѣшенія цензоръ выражалъ двумя надписями: *Romani victores et Carthaginienses victi*, или обратно: *Carthaginienses victores et Romani victi*. Это дѣйствовало на наше самолюбіе, тѣмъ болѣе, что абать Байль не упустилъ случая добавить всякій разъ: *Victi habent diminutionem carpitis*.

Привожу эти подробности школьныхъ порядковъ, унаслѣ-

дованныхъ по прямой линіи отъ іезуитовъ, безъ малѣйшаго желанія опять вызвать ихъ къ дѣйствительной жизни. Нѣтъ! Я убѣдился вскорѣ по вступленіи въ Нормальную школу, что Ваннское училище отстало отъ другихъ на 170 лѣтъ. Кромѣ латыни я ровно ничего изъ нея не вынесъ».

Этотъ разсказъ изъ «Memoires des Autres» ясно показываетъ, какъ неравномѣрно было образованіе, доставляемое средними учебными заведеніями разныхъ мѣстъ. Въ Ваннѣ, наприм., оно было значительно ниже, не только въ сравненіи съ средними заведеніями другихъ мѣстъ Франціи, но и другихъ европейскихъ государствъ. Въ Казани, гдѣ въ началѣ XIX в. учился авторъ «Семейной хроники», въ Нѣжинѣ, Новогрудкѣ и симъ подобныхъ захолустныхъ мѣстахъ воспитанники выносили свѣдѣнія, довольно основательныя, судя по разсказамъ бывшихъ воспитанниковъ, и несомнѣнно болѣе разнообразныя. Въ Новогрудской школѣ, о которой подробнѣе скажемъ послѣ, при пересказѣ поэмы «Czkolne czasy», отцы базилиане въ двадцатыхъ годахъ умѣло и добросовѣстно учили физикѣ, математикѣ, естественной исторіи, географіи, исторіи, четыремъ иностраннымъ языкамъ и, разумѣется, богословію, причемъ каждый преподаватель-монахъ любилъ науку и образованіе дѣтей. При этомъ все-таки достойно особеннаго вниманія и серьезныхъ соображеній то обстоятельство, что, при всей скудности и излишней односторонности образованія, которое доставляла школа въ г. Ваннѣ, и оттуда даровитые люди могли проложить себѣ дорогу въ первые ряды самаго образованнаго класса общества.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Воспитаніе женщинъ у римлянъ

(по Буасье).

А. Тиховъ, Черниговъ.

Какъ въ жизни отдѣльныхъ людей, такъ и въ жизни цѣлыхъ обществъ и государствъ воспитаніе, съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, всегда имѣло большое значеніе и потому служило предметомъ особенныхъ заботъ, при чемъ обращалось вниманіе не только на воспитаніе мужчинъ, но и на воспитаніе женщинъ, такъ какъ еще древніе народы хорошо понимали, какую важную роль играетъ въ семьѣ и обществѣ женщина, какъ мать семейства, какъ жена и хозяйка въ домѣ, и какое имѣетъ при томъ для нея значеніе воспитаніе. Поэтому, въ виду того несомнѣнно живого интереса, который вызываютъ въ настоящее время различныя стороны воспитанія вообще, намъ кажется будетъ не бесполезнымъ обратить вниманіе на сѣдую древность и представить, хотя краткую, картину воспитанія римской женщины. Мы думаемъ, что очеркъ воспитанія, а вмѣстѣ съ этимъ и очеркъ различныхъ ступеней положенія въ семьѣ и обществѣ, пережитыхъ женщиною одного изъ цивилизованнѣйшихъ народовъ древности, несомнѣнно послужившаго началомъ европейской цивилизаціи и образованности, до нѣкоторой степени можетъ доставить небезполезный интересъ и по отношенію къ настоящему.

Въ прошломъ римской женщины можно найти два существенно противоположные періодъ, изъ которыхъ первый будетъ обнимать время царей и первую половину республики, а второй — конецъ республики и вѣкъ имперіи. Переворотъ, совершившійся въ положеніи женщины во второй періодъ, послѣдовалъ отнюдь не къ лучшему, такъ какъ, съ перемѣною древнихъ римскихъ законодательствъ, хотя многое въ положеніи римлянки, какъ въ семейномъ, такъ и въ общественномъ быту, измѣнилось въ ея пользу, но она вмѣстѣ съ тѣмъ утратила тѣ отличительныя качества, которыя такъ высоко поставили римскую матрону въ общественномъ мнѣніи въ древній періодъ.

Воспитаніе, дававшееся римской женщинѣ, въ различныя эпохи римской жизни было неодинаково и зависѣло прежде всего отъ домашняго положенія. Римлянки получали свое первоначальное воспитаніе и образованіе подъ домашнимъ кровомъ. Заботы и желанія матерей и родныхъ, чтобы ихъ дочь была красавицей, и разныя суевѣрія нянекъ — все это можно было встрѣтить въ римской дѣтской, какъ и въ нашей. Когда малютка, наигравшись въ мячикъ и куклы, садилась подлѣ няни, эта начинала рассказывать ей удивительныя сказки. И она также переносила дѣтское восбраженіе въ знакомый всѣмъ намъ міръ всевозможныхъ и невѣроятныхъ приключеній. Среди героинь, какъ и у насъ, встрѣчалась прекрасная царица, такая прекрасная, что и «словами не рассказать и въ сказкахъ не описать». У прекрасной царицы есть двѣ старшія, менѣе прекрасныя, сестры; онѣ завидуютъ ей и всячески ее тѣснятъ и мучатъ; но, все-таки, въ концѣ концовъ добродѣтель торжествуетъ, а порокъ наказуется.

Младшая прекрасная царица выходитъ замужъ за жениха красавца, а ея некрасивыя и злыя сестры умираютъ мучительною смертію. И кому незнакомъ тотъ страхъ и то волненіе, которое овладѣваетъ молодыми слушательницами при

подобныхъ сказкахъ няни! Но вотъ дѣвочка подростаетъ, ее начинаютъ учить. Учатъ ее прежде всего рукодѣлю — прясть и ткать. Это считается необходимымъ условіемъ хорошаго воспитанія. Поэтому во многихъ римскихъ домахъ, придерживающихся старины, вся одежда для членовъ семьи приготовлялась, если не самой хозяйкой, то по крайней мѣрѣ подъ ея непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ.

Дѣвочки высшихъ сословій, безъ сомнѣнія, научное образованіе получали дома. Предметами изученія были прежде всего образцы литературъ римской и греческой, и въ особенности изученіе поэтовъ. Иногда сами матери читали съ дочерьми Гомера и Виргилія. Но обыкновенно воспитаніе какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ поручалось особымъ учителямъ. Изъ сочиненій римскихъ авторовъ мы знаемъ, что въ богатыхъ семьяхъ дѣвицы получали одинаковое воспитаніе съ своими братьями отъ ученыхъ рабовъ, преимущественно грековъ. Онѣ слушали одни и тѣ же уроки, учились по однѣмъ и тѣмъ же книгамъ; онѣ слушали грамматиковъ, когда тѣ толковали великихъ поэтовъ Греціи и Рима, и съ раннихъ лѣтъ восхищались поэтическими произведеніями, которыми такъ былъ богатъ классическій міръ. Напротивъ, дочери менѣе состоятельныхъ римлянъ и плебеевъ ходили въ публичныя школы на форумъ, которыя содержались учителями въ строгой дисциплинѣ. Эти школы посѣщались также и мальчиками и, какъ и теперь это отчасти принято въ нѣкоторыхъ цивилизованныхъ государствахъ, тамъ было совмѣстное обученіе обоихъ половъ. Слѣдствіемъ такого воспитанія было то, что дѣвочки наравнѣ съ мальчиками приобрѣтали одинаковыя свѣдѣнія.

Но римскія дѣвицы первыхъ вѣковъ (отъ осн. Рима) не изучали тѣхъ искусствъ, которыя не соотвѣтствовали строгости римскихъ нравовъ того времени; такъ, напр., у нихъ не было принято учиться танцамъ. Въ этомъ случаѣ римляне держались того взгляда, который впоследствии былъ высказанъ Цицерономъ. «Нѣтъ никого», говоритъ онъ, «кто бы плясалъ въ трезвомъ видѣ» — *nemo saltat nisi ebrius*. Съ пѣніемъ и музыкой онѣ были также мало знакомы, и только

въ нѣкоторыхъ важныхъ обстоятельствахъ, какъ, напр., послѣ большихъ несчастій, или неожиданныхъ побѣдъ, можно было видѣть молодыхъ дѣвицъ посреди общественныхъ церемоній поющими гимны богамъ для умилостивленія ихъ гнѣва, или въ благодарность за ихъ благодѣянія. Но и подобные случаи бывали рѣдки. Обыкновенно же древніе римляне на пѣніе смотрѣли такъ же, какъ и на танцы. Подобныя развлеченія строго преслѣдовались цензорами, какъ блюстителями нравственности. Такъ Сципіонъ Эмилианъ, во время своего цензорства, велѣлъ закрыть всѣ школы, открытыя тайно въ Римѣ съ спеціальною цѣлью обученія этимъ искусствамъ. «Развращаютъ наше юношество», говоритъ онъ, «заставляя его изучать непристойныя искусства. Его учатъ пѣть, что наши предки считали неприличнымъ для свободнаго человѣка. Молодыя дѣвицы и мальчики отправляются въ школы учиться танцамъ между шутами. Мнѣ часто говорили объ этомъ, но Я не вѣрилъ, что возможно давать подобное воспитаніе дѣтямъ, когда носишь честное имя. Меня водили въ одну изъ этихъ школъ, и, клянусь Геркулесомъ, я видѣлъ тамъ болѣе 500 дѣвицъ и мальчиковъ. Въ этой толпѣ краснѣю за Римъ! Я видѣлъ сына кандидата на общественныя должности, двѣнадцатилѣтняго ребенка, съ буллою на шеѣ танцующимъ такой танецъ, который бы не позволилъ себѣ танцовать не конфузясь самый послѣдній рабъ».

Итакъ, мы изъ только-что приведенныхъ словъ цензора Сципіона Эмилиана видимъ, что у римлянъ въ древній періодъ строже воспрещалось обученіе танцамъ, чѣмъ обученіе пѣнію и музыкѣ, хотя и эти искусства не соотвѣтствовали идеѣ воспитанія римлянъ, потому что пѣніе и музыка, имѣя болѣе связи съ чувствомъ, чѣмъ съ разумомъ, развивали болѣе фантазію и воображеніе, чѣмъ дѣятельность разсудочную, а римляне хотѣли, чтобы женщина была такъ же способна къ дѣлу, какъ и мужчина. Такое воспитаніе, безъ сомнѣнія, въ известной степени способствовало тому, что у римлянокъ первыхъ вѣковъ (отъ осн. Р—а) вырабатывался мужественный характеръ.

Воспитаніе, дававшееся римлянкамъ, должно было вполне

соотвѣтствовать общественнымъ требованіямъ того времени отъ женщины, какъ матери семейства. А идеаль женщины, какъ матери семейства, былъ у древнихъ римлянъ довольно высокъ. На матери семейства, называемой у римлянъ «матроной», прежде всего лежала обязанность управлять домомъ наравнѣ съ мужемъ и заботиться о домашнемъ хозяйствѣ. Изъ римской исторіи мы знаемъ, что римскимъ женщинамъ вмѣнялось въ особенную честь «домоводство и занятіе прялкой». Варронъ указываетъ намъ на то, что древнія римлянки «занимались пряденіемъ шерсти, наблюдая въ то же время за супомъ, чтобы онъ не перекипѣлъ», и что «онѣ не знали другого развлеченія, какъ проѣхаться два — три раза въ годъ на колесницѣ съ своими мужьями». Мать семейства — «матрона», какъ и глава семьи, ея мужъ, распоряжалась занятіями рабовъ и воспитывала дѣтей, которыя весьма долго оставались подъ ея надзоромъ и вліяніемъ.

Вслѣдствіе всего этого молодая супруга, лишь только переступала порогъ въ домъ своего мужа, какъ становилась дѣятельною участницею во всѣхъ его домашнихъ дѣлахъ и семейныхъ обязанностяхъ, что даже было формулировано въ одномъ древнемъ изреченіи, именно, переступая порогъ новаго жилища, жена обращалась къ мужу съ слѣдующими словами: «ubi tu Cajus, ibi ego Caia», то есть: «гдѣ ты господинъ, тамъ и я госпожа». Дѣйствительно, жена становилась полною хозяйкою всего того, чѣмъ владѣлъ мужъ, какъ только вступала въ атриумъ своего супруга. А атриумъ былъ центръ римскаго жилища, куда чаще собиралось все семейство, и гдѣ принимались друзья и посторонніе. Здѣсь возлѣ очага воздвигался алтарь домашнимъ Ларамъ, а возлѣ этого святилища было собрано все, что только имѣла семья самаго драгоценнаго и священнаго: изображенія предковъ, полотна и веретенъ, принадлежащія матери семейства, и сундукъ, въ которомъ хранились домашнія вещи и сокровища, находившіяся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ супруги. Вслѣдствіе этого, обязанности римской женщины, какъ матери семейства и какъ хозяйки дома, требовали отъ нея серьезнаго ума и твердаго

характера, каковыя качества въ женщинахъ древними римлянами цѣнились выше всего. Поэтому у древнихъ римлянъ молодымъ дѣвицамъ и женщинамъ были мало извѣстны сердечныя изліянія и страстные порывы: насколько онѣ были скромны и сдержанны, настолько-же мужественны и рѣшительны, не отличаясь ни мечтательностью, ни излишнею застѣнчивостью.

Римлянка была въ семействѣ въ полномъ смыслѣ другомъ свсего мужа. Причину этого слѣдуетъ искать въ томъ представленіи, какое сложилось у римлянъ относительно брака. Древнѣйшая форма брака сначала характеризовалась въ извѣстной степени стѣсненіемъ свободы римлянки, что выражалось въ кодексѣ римскаго законодательства формулой «*in manu mariti*» для жены и другой «*in patris potestate*» для дѣвицы. Позднѣе же, съ большимъ развитіемъ у римлянъ гражданственности, древняя форма брака переродилась въ новую «*cum consensu*». Этотъ бракъ прежде всего обезпечивалъ за женой полную экономическую самостоятельность, и съ этого времени права мужа относительно приданого жены сдѣлались довольно ограниченны: безъ согласія жены онъ не могъ сдѣлать изъ него никакого употребленія. Наконецъ, впоследствии законъ сталъ даже требовать, чтобы мужъ въ обезпеченіе приданого жены и семьи съ своей стороны вносилъ часть, равную приданому жены, что называлось «*dos propter nuptias*».

Съ этого времени римляне стали смотрѣть на бракъ, какъ на соединеніе двухъ равныхъ существъ, при чемъ все, принадлежащее супругамъ, было между ними общимъ. «Если я вышла за тебя замужъ», говорила Бруту благородная супруга, по имени Порція, «то вовсе не для того, чтобы забавлять и развлекать тебя, но чтобы быть полною участницею какъ твоей радости, такъ и твоего горя, которыя могутъ выпасть въ жизни на твою долю». Это равномерное дѣленіе радости и горя, одинаковыя заботы какъ въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, такъ и въ управленіи хозяйствомъ въ извѣстной степени уравнивали взаимныя отношенія супруговъ. Отсюда мы видимъ, что римскія женщины, даже въ сравнительно ранній періодъ, далеко

не находились въ рабскомъ состояніи и угнетеніи, какъ это предполагають нѣкоторые писатели древности и, если римскіе поэты въ своихъ стихотвореніяхъ говорятъ нерѣдко «о величїи отца семейства», то они также восхваляютъ и «святость имени матроны». Римлянинъ, находившій въ супругѣ женщину, одаренную соотвѣтствующими ея значенію въ семьѣ качествами, обыкновенно не искалъ развлеченій внѣ дома и, какъ только его занятія оканчивались, онъ возвращался домой и охотно тамъ оставался. Онъ былъ счастливъ, отдыхая въ своей семьѣ послѣ дневныхъ трудовъ.

Въ то время какъ общественное мнѣніе обрекало женщину первыхъ вѣковъ (отъ осн. Р—а) на домосѣдство и занятіе прялкой, религія и, соединенное съ нею, исполненіе религіозныхъ обрядностей, напротивъ, давало имъ возможность выходить время отъ времени изъ дому, такъ какъ въ праздничные дни женщины обыкновенно собирались вмѣстѣ съ мужьями на общественную молитву, гдѣ часто приносились ими и жертвы богамъ. Такія собранія, которыя, хотя на время, отрывали римлянокъ отъ ихъ обычной, монотонной домашней жизни, ожидались съ нетерпѣніемъ. Въ виду этихъ религіозныхъ собраній римлянки всегда предпочитали жить въ большихъ городахъ, гдѣ празднества бывали и болѣе пышны и болѣе часты. На эти собранія женщины постепенно стали являться не иначе, какъ одѣтыя соотвѣтственно ихъ состоянію и положенію.

Полибій, говоря объ Эмилиі, супругѣ Сципіона Африканскаго, передаетъ, что она «на торжественныхъ церемоніяхъ выказывала роскошь, сообразную съ достоинствомъ и богатствомъ Сципіоновъ, и появлялась на церемоніяхъ всегда въ сопровожденіи большого числа слугъ, и что за ней, при ея торжественномъ шествіи, несли корзины, вазы и другіе предметы, необходимые для жертвоприношеній, настоящіе золотые и серебряные». Слѣдовательно, религія вмѣстѣ съ выполненіемъ религіозныхъ обрядностей доставляла римскимъ женщинамъ случай не только изрѣдка оставлять свой дома, но и показываться въ обществѣ съ тою пышностью, какая наиболѣе соотвѣтствовала ихъ положенію.

Но мы до сего времени еще ничего не сказали о религиозномъ воспитаніи древне-римскихъ женщинъ. Въ обществѣ изображаемой нами эпохи было далеко не такъ, какъ у насъ, Римляне вовсе не заботились давать своимъ дочерямъ какое-либо особенное религиозное воспитаніе. У римлянъ не изучали религію такъ, какъ изучаютъ ее у насъ, да она и не могла быть изучаема по той простой причинѣ, что тамъ вѣрованія не имѣли догматовъ и даже не было вовсе книгъ духовнаго содержанія. Вѣрованія постепенно вырабатывались и узаконялись изъ ряда обычаевъ, укореняющихся вслѣдствіе частаго и долгаго повторенія ихъ, и еще изъ молитвъ, которыя, при ихъ трудности, не всегда даже считалось необходимымъ знать на память. Обыкновенно жрецъ самъ произносилъ слова молитвы, а остальнымъ стоило лишь повторять ихъ за нимъ слово въ слово, заботясь только о томъ, чтобы ничего не исковеркать и не измѣнить, часто не обращая даже вниманія на самый ихъ смыслъ. Но, хотя религія и не изучалась молодую римлянкою, однако имѣла большое значеніе въ ея жизни. У римлянъ, какъ и у другихъ народовъ, женщины охраняли ее болѣе, чѣмъ мужчины. Религія у римскихъ женщинъ была на первомъ планѣ. Къ ней были направлены всѣ ихъ духовныя силы. И сами римляне вовсе не поняли бы женщины съ сильнымъ и развитымъ умомъ, но невѣрующей. И даже тѣ изъ мужчинъ, которые сами не вполне вѣровали въ боговъ, не прочь были отъ того, чтобы въ нихъ вѣрили ихъ жены. Цицеронъ, смѣющийся надъ мифологическими сказаніями о богахъ, находилъ совершенно естественнымъ, что жена его была набожна, и вовсе не старался склонить ее къ своему религиозному міросозерцанію. Молитвы, жертвоприношенія, выполнение обрядностей старины были вполне приличны матронѣ вмѣстѣ съ чувствомъ личнаго самоуваженія. Въ извѣстные дни ей, по принятому обычаю, слѣдовало посѣщать храмы и, насколько возможно, строже исполнять всѣ религиозные обряды. При этомъ древняя римская семья смотрѣла на домашнюю религію не какъ на достояніе одного только мужчины, а какъ на достояніе всѣхъ членовъ семьи. Жена также молить боговъ

вмѣстѣ съ супругомъ, а дѣти, при исполненіи домашнихъ религіозныхъ обрядностей, помогаютъ родителямъ: сынъ приноситъ предметы, необходимые для жертвоприношенія, дочь поддерживаетъ священный огонь — эту домашнюю святыню, который при томъ никогда не долженъ потухать. Въ государствѣ, которое есть не что иное, какъ семья въ большомъ видѣ, мы находимъ тоже самое. Большинство жрецовъ, при отправленіи богослуженія, находилось въ сообществѣ своихъ женъ, исполнявшихъ нерѣдко обязанности жриць. Жрица часто несла такія же обязанности, какія и жрецъ, ея мужъ.

Въ жрицы обыкновенно выбирали женщинъ, бывшихъ только однажды замужемъ. Молодая же дѣвица, роль которой такъ важна при домашнемъ богослуженіи, въ богослуженіи общественномъ была замѣнена весталкою. Шестъ дѣвиць, дочери патрицевъ изъ лучшихъ семействъ Рима, давали обѣтъ на тридцатилѣтнее служеніе богамъ. Онѣ, подѣ страхомъ смерти должны были оставаться дѣвственными, дабы быть достойными поддерживать вѣчный огонь на общественномъ жертвенникѣ. Такимъ образомъ женщины у римлянъ принимали всегда самое живое участіе въ исполненіи жреческихъ обязанностей. У нихъ были даже свои богослуженія, въ которыхъ не дозволялось участвовать мужчинамъ, каковымъ, напр., было богослуженіе въ честь богини плодородія, Димитры. Оно принадлежало исключительно однѣмъ женщинамъ. При нѣкоторыхъ же изъ богослуженій женщины имѣли частныя привилегіи и занимали первое мѣсто. Таково напр. было богослуженіе, посвященное Діанѣ — *Diana potogensis*, получившей такой эпитетъ потому, что храмъ ея былъ расположенъ въ живописной мѣстности, при подошвѣ горы Албанской, на берегу озера. Вокругъ этого храма простирался священный лѣсъ, гдѣ на перевязанныхъ между собою деревьяхъ висѣли списки обѣтовъ, выслушанныхъ богинею, и исчисленіе чудесъ, ею сдѣланныхъ. Если молитва просящаго была услышана богинею, то, по существовавшему обычаю, въ этотъ храмъ Діаны приходили вечеромъ съ вѣнкомъ на головѣ и съ горящимъ факеломъ въ рукахъ. Поэтому въ праздни-

ные дни этотъ, такъ называемый «Ариційскій лѣсъ» казался объятымъ пламенемъ. Это было у древнихъ римлянокъ однимъ изъ любимыхъ мѣстъ для прогулокъ, и здѣсь можно было встрѣтить какъ красавицъ, которыя рады были случаю посмотрѣть на другихъ и самимъ показаться, такъ и важныхъ матронъ, приходившихъ сюда благодарить богиню за услышанныя ею молитвы, — часто за благополучное возвращеніе мужей съ войны, или изъ дальняго плаванія.

Такимъ образомъ, религія помогала древнимъ римлянкамъ постепенно входить въ общественную жизнь, не смотря на предразсудки, устранявшіе отъ нея женщинъ. Мы знаемъ римлянокъ, достигшихъ жреческаго достоинства. Таковы, напр. были жрицы Юноны, Венеры, Цереры. И такъ какъ нѣкоторыя изъ этихъ богослуженій были очень важны и имѣли нѣкоторый оффиціальныи характеръ, то постепенно стало входить въ обычай не отдѣлять женщинъ отъ другихъ должностныхъ лицъ города. Онѣ участвовали въ послѣдствіи также въ богослуженіяхъ Цезарей, что было весьма тѣсно связано съ управленіемъ провинцій и муниципій, и были жрицами въ богослуженіяхъ, совершаемыхъ женами императоровъ. Кромѣ того жрицы иногда воздвигали памятники и устраивали игры такъ же, какъ и жрецы, и щедрость жрицъ была вознаграждаема римлянами одинаковымъ почтеніемъ со жрецами. Слѣдовательно, женщины въ древній періодъ были обязаны религіи какъ своими почестями, которыя въ извѣстной степени удовлетворяли ихъ тщеславіе, такъ и нѣкоторою долею значенія, какимъ онѣ гордились.

Этимъ мы заканчиваемъ нашъ краткій очеркъ о воспитаніи римской женщины первыхъ вѣковъ отъ основанія Рима. Мы видимъ, что воспитаніе молодыхъ римлянокъ, въ древній періодъ, было серьезно, строго и всесторонне обдуманно и вполне принаровлено къ практической жизни, — къ тому, какую роль имъ придется играть въ семьѣ и обществѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ изъ указаній, дѣлаемыхъ на этотъ предметъ время отъ времени въ своихъ сочиненіяхъ римскими авторами, мы усматриваемъ, что въ практической дѣятельности

роль римской женщины какъ матери семейства, воспитывающей своихъ дѣтей, — какъ жены, соблюдающей всецѣло интересы мужа и заботящейся о семейномъ счастьи и, наконецъ, роль какъ жрицы, приносящей наравнѣ со жрецами общественныя жертвы, — въ семействѣ и обществѣ была очень велика и почетна.

Перейдемъ теперь къ болѣе позднему періоду римской жизни и рассмотримъ воспитаніе и положеніе римской женщины во вторую половину республики и во времена имперіи. Мы увидимъ, что идеалъ позднѣйшей женщины далеко не походилъ на первый.

Когда римляне сдѣлались болѣе образованными, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ нравы стали все болѣе и болѣе смягчаться, когда они начали оставлять домъ чаще и на болѣе продолжительное время, чѣмъ то было въ періодъ древній, и, какъ можно, менѣе оставаться въ немъ, тогда и отъ женщинъ постепенно стали требовать иныхъ качествъ, чѣмъ какими довольствовались римляне до того времени.

Такъ въ 7 в. (отъ осн. Р—а) римскіе нравы уже весьма значительно измѣнились сравнительно съ прежними. Въ это время римскій поэтъ Овидій въ своихъ стихотвореніяхъ между прочимъ перечисляетъ, чему слѣдуетъ учить женщину. Это воспитаніе уже діаметрально противоположно воспитанію римской женщины первыхъ вѣковъ. Онъ говоритъ: «слѣдуетъ чтобы женщины, по окончаніи обѣда, умѣли качать въ тактъ руками, если пожелаютъ того гости. Онѣ также должны быть музыканшами, граціозно держать правой рукой смычекъ, а лѣвой кивару; въ особенности необходимо, чтобы онѣ были пѣвицами». «Пѣніе, говоритъ онъ, пріятная вещь. Много женщинъ, дурныхъ собою, плѣняли пріятностью своего голоса. Пусть онѣ иногда повторяютъ пѣсни, которыя поютъ въ театрахъ, и египетскія аріи». Кромѣ того женщины того времени должны были быть знакомы съ стихотвореніями поэтовъ, воспѣвающихъ любовь. У Горація идетъ рѣчь о большихъ шко-

лахъ, гдѣ молодыя и прекрасныя отпущенницы учились пѣть стихотворенія Катуллы, подѣ надзоромъ великихъ римскихъ знатоковъ музыки. И чрезъ эти искусства нѣкоторыя изъ нихъ достигли высокаго положенія.

Научившись танцамъ и пѣнію, римскія женщины поняли вмѣстѣ съ тѣмъ и наслажденіе отъ занятій науками и искусствами и стали все чаще и чаще покидать домъ для сношенія съ обществомъ. Въ виду этого къ концу римской республики къ женщинѣ стали относиться менѣе строго. Число хорошо воспитанныхъ и ученыхъ женщинъ было тогда уже довольно значительно. Такъ, Плутархъ передаетъ намъ о Корнеліи, супругѣ Помпея, что она «была учена, играла на лирѣ, знала геометрію и съ удовольствіемъ слушала философскіе разговоры».

При началѣ имперіи въ Римѣ уже не было недостатка въ женщинахъ, знакомыхъ съ философскими ученіями. Другъ Цицерона, Цереллія, желала первою читать его сочиненіе «о государствѣ». Въ это время уже было въ модѣ, чтобы свѣтскія женщины казались склонными къ этимъ важнымъ занятіямъ. Гораций говоритъ, что «у женщинъ часто видѣли сочиненія стоиковъ, лежавшія на шелковыхъ подушкахъ». Впрочемъ, философія оказала серьезное вліяніе только на нѣкоторыхъ избранныхъ женщинъ; другія же или совсѣмъ не были знакомы съ нею, или же извлекали изъ нея мало пользы. Философъ Сенека, напротивъ, полагалъ, что самыя несовершенства женской природы обязываютъ дѣвицу заниматься философіею. «Чѣмъ болѣе у нея возбужденный темпераментъ, говоритъ онъ, чѣмъ болѣе она полна страстей, тѣмъ болѣе она должна обращаться къ своему разуму». Сенека въ то же время хотѣлъ, чтобы мужъ былъ вмѣстѣ и учителемъ жены. «Слѣдуетъ, говоритъ онъ, чтобы мужъ самъ украшалъ разумъ своей жены философіею, и чтобы, подобно пчелѣ, несущей отовсюду медъ въ свой улей, онъ приносилъ домой все то, что найдетъ лучшаго». Плутархъ также находилъ хорошимъ, чтобы женщина читала произведенія философовъ, преимущественно же Платона и Ксенофонта.

Начиная со времени правленія Августа, никого уже болѣе не удивляло, если женщины лучшаго общества играли на китарѣ или лирѣ, если онѣ танцовали, или писали стихотворенія. Горацій въ одной одѣ, подъ именемъ Лицимніи, воспѣваетъ прелестную супругу Мецената и хвалитъ ее за хорошее пѣніе. Поэтъ Стацій, не обладающій хорошими средствами, разсчитывалъ выдать свою дочь замужъ исключительно при помощи ея талантовъ: «неужели она не въ состояніи одержать побѣды надъ будущимъ супругомъ, — она, которая такъ прекрасно играетъ на лирѣ, которая такъ искусно качаетъ въ тактъ своими бѣлыми руками, а стихотворенія, написанныя ея отцомъ, поэтъ съ такимъ чувствомъ, что ей позавидовали бы сами музы?» Плиній пишетъ, что его жена, Кальпурнія, очень заботилась о своей литературной славѣ: она перелагала свои стихотворенія на музыку и пѣла ихъ подъ акомпаниментъ китары.

Такимъ образомъ, во времена имперіи, женщины уже болѣе не стѣснялись старинными предразсудками и, чувствуя себя довольно самостоятельными, все болѣе и болѣе стали вращаться въ обществѣ и весьма были заняты тѣмъ, чтобы казаться въ немъ лучше. Безъ сомнѣнія, эта жажда нравиться, это исканіе развлеченій, эта развивающаяся легкость нравовъ приносили значительный вредъ. Но эти женщины имѣли не мало и достоинствъ. Несмотря на сказанныя наклонности къ удовольствіямъ, въ Римѣ все-таки поддерживалась семейная жизнь. Римлянки, занимаясь запрещенными до того времени искусствами и вслѣдствіе того сдѣлавшись болѣе общительными, старались въ то же время быть и болѣе обворожительными, чѣмъ заставляли мужчинъ получать удовольствіе въ кругу семьи, у домашняго очага, вслѣдствіе чего римляне не вели той двойственной жизни, какая выпадала въ семейной жизни часто на долю грековъ.

Вопросъ о женскомъ воспитаніи и образованіи тѣсно связанъ съ другимъ болѣе важнымъ, именно, съ вопросомъ «о правахъ женщины». Въ настоящее время оба эти вопроса обыкновенно разсматриваются вмѣстѣ.

И по мѣрѣ того, какъ разсматриваешь римскую исторію, замѣчаешь, что права римской женщины постепенно расширялись. Такъ, въ концѣ республики имъ приходилось не разъ имѣть нѣкоторое вліяніе на рѣшенія сената и народа, хотя это и происходило косвеннымъ путемъ. А во времена имперіи женщины уже не стараются скрывать того участія, какое онѣ принимали въ управленіи. Мы видимъ, что Августъ, гордый своимъ могуществомъ, раздѣляетъ свою власть съ супругой Ливіей. Онъ совѣтуется съ ней въ важныхъ обстоятельствахъ, раздѣляетъ оказываемыя ему почести и предоставляетъ ей трибунскую неприкосновенность. Агриппина, супруга Клавдія, въ то время, когда вождь Британцевъ, Каракташъ, какъ украшеніе императорскаго триумфа, закованный въ цѣпи былъ водимъ по улицамъ Рима, сидѣла на тронѣ въ недалекомъ разстояніи отъ своего супруга, окруженная воинами и ихъ значками, и побѣжденный долженъ былъ воздавать ей тѣ же почести, какъ и ея супругу. Она не довольствовалась быть женою Клавдія, но хотѣла, чтобы на нее смотрѣли какъ на участницу правленія. Со временемъ женамъ императоровъ начинаютъ давать титулъ «матерей лагерея и легионовъ». Вскорѣ къ этому титулу присоединяется еще другой: «мать сената и народа». Примѣру, поданному при дворѣ, естественно стали слѣдовать вездѣ, такъ что въ вѣкъ имперіи мы видимъ женщинъ высшаго римскаго общества, открыто вмѣшивающихся въ политическія интриги. И въ этомъ случаѣ онѣ нерѣдко прибѣгали къ хитрости и упорству. И если онѣ не могли добиваться государственныхъ должностей лично для самихъ себя, то имѣли любимцевъ, въ пользу которыхъ онѣ этого домогались. Философъ Сенека, на примѣръ, былъ обязанъ отчасти дѣятельному старанію своей тетки тѣмъ, что былъ квесторомъ. Тетка эта была женщина простая и жила въ уединеніи, но ея расположеніе къ племяннику побудило ее оставить одиночество и сдѣлаться предприимчивой. «Она заискивала для меня», говорилъ Сенека.

Нѣтъ сомнѣнія, что независимость женщинъ, въ вѣкъ имперіи, скорѣе была дѣломъ послабленія и обычая, чѣмъ

принципа. Гражданскіе законы были совершенно противъ расширенія правъ женщины. Но строгія распоряженія, которыми думали сдерживать женщинъ, на практикѣ постепенно обходили или видоизмѣняли, такъ что законодательство имперіи носитъ на себѣ видимый слѣдъ перемѣнъ, совершившихся тогда въ положеніи женщины.

Но во всякомъ случаѣ для уясненія того, до какой степени женщинѣ была предоставлена свобода, слѣдуетъ обратиться къ римскимъ надписямъ. Изъ нихъ мы узнаемъ, что женщины имѣли право, подобно мужчинамъ, для рѣшенія вопросовъ, касающихся интересовъ города и своихъ лично, устраивать собранія. Таково было напр. собраніе матронъ — *conventus matronarum*, куда собирались женщины лучшихъ домовъ. Здѣсь разсуждали о наградахъ, которыя хотѣли дать тому или другому должностному лицу города. Здѣсь же подавали мнѣніе о суммѣ, необходимой для постановки памятниковъ и статуй, а также разрѣшались всевозможные вопросы этикета, каковъ, напримѣръ, долженъ быть костюмъ женщины, сообразно съ ея положеніемъ, — кому надлежало первенствовать на церемоніяхъ, какимъ родомъ экипажа могла пользоваться каждая матрона и т. п.

Между женщинами того времени были женщины-адвокаты, женщины-юристы и т. п. При выборахъ, хотя женщины и были устранены отъ подачи голосовъ, но имъ дозволялось представлять предпочитаемыхъ ими кандидатовъ. Между объявленіями, которыми испещрены стѣны Помпеи, многія подписаны женщинами. Женщины нерѣдко получали тѣ же почести и тѣ же титулы, что и мужчины, и эти почести тѣмъ болѣе имѣли цѣны, что онѣ воздавались вслѣдствіе торжественнаго рѣшенія сената. До него дошелъ текстъ подобнаго рѣшенія въ честь важной матроны Нум. Валеріи; тамъ говорится, что «все сенаторы признали справедливымъ назвать ее покровительницей города, и что просятъ ее принять отъ чистаго сердца предлагаемый ей титулъ съ тѣмъ, чтобы она удостоила принять все народное правленіе подъ покровительство своего дома, и что ее будутъ просить позволить представить ей таблицу, на которой начертано сдѣланное

опредѣленіе». Разумѣется, эти почетные титулы не приносили съ собой существенной власти, но тѣмъ не менѣе, во времена имперіи, женщины стояли довольно близко къ общественной жизни.

Мы знаемъ теперь, что во времена имперіи женское образование сдѣлалось шире, а положеніе женщины независимѣе. Но каковы были слѣдствія этой перемѣны для общественной нравственности? Почувствовали ли себя Римъ лучше, отрѣшившись отъ своей прежней строгости? И справедливы ли были тѣ, которые жаловались на то, что были забыты обычаи предковъ?

Если мы довѣримся свидѣтельству сатириковъ и моралистовъ того времени, то все они рисуютъ нравы римлянъ въ эпоху имперіи въ болѣе или менѣе отталкивающихъ картинахъ и особенно нападаютъ на женщинъ. Они обвиняютъ женщинъ въ томъ, что онѣ, по ихъ мнѣнію, сдѣлались наглыми и старались обращать на себя всеобщее вниманіе, проявляя, гдѣ только можно, свое кокетство. Дѣйствительно, мы знаемъ, что во времена имперіи женщины часто оставляли свой домъ и сопровождали своихъ мужей на званые пиры, чего онѣ никакъ не позволяли себѣ въ болѣе древній періодъ, и единственная разница, которую можно было замѣтить на пирахъ въ манерахъ и обращеніи между мужчинами и женщинами, была та, что женщины сидѣли за столомъ, а мужчины обѣдали возлежа, по обычаю грековъ. Онѣ были почти также развязны и словоохотливы, какъ и мужчины. На эти пиры являлись также съ своими родителями и молодыя дѣвицы. Въ это время въ Римѣ императоры приглашали къ своему столу вмѣстѣ съ сенаторами и ихъ женъ.

Женщинъ тогда можно было встрѣтить во всѣхъ общественныхъ собраніяхъ. Ювеналь говоритъ, что женщины, вращаясь часто въ обществѣ, злоупотребляли, назначая свиданія. Но нѣтъ сомнѣнія, что такъ поступало исключительное меньшинство, большинство же женщинъ вело себя далеко не такъ. При этомъ въ обществѣ отъ присутствія женщинъ все-таки развивались приличіе и сдержанность.

Женщинъ временъ имперіи сатирики упрекають въ расточительности. «На самомъ дѣлѣ, кажется», говоритъ Ювеналь, «онѣ думаютъ, что деньги снова родятся въ сундукахъ, по мѣрѣ того какъ ихъ тратятъ». «Никогда не рассчитываютъ онѣ, во что обойдется имъ ихъ удовольствіе». Дѣйствительно, въ это время богатяя женщины за безумную цѣну покупали хрустальныя чаши, изящныя, дорогіе сосуды; другія же изъ матронъ продавали наслѣдственное серебро, чтобы взять лишь на прокатъ платье и нанять служанокъ для сопровожденія въ театръ. Однако между издержками были и такія, которыя не только не могли быть вмѣняемы имъ въ вину, но напротивъ служили имъ лучшимъ украшеніемъ. Такъ напр. женщины того времени нерѣдко проявляли щедрость по отношенію къ своимъ согражданамъ. Онѣ часто дѣлали добро для него самого, не преслѣдуя при этомъ никакихъ политическихъ цѣлей, или же тщеславія. Въ надгробной надписи надъ одной женщиной сказано, что «она была общею матерью, являлась на помощь всѣмъ несчастнымъ и никого не огорчила» — «*omnium hominum parens, omnibus subveniens, tristem fecit neminem*».

Сатирики временъ имперіи иногда смѣются надъ педантизмомъ женщинъ. Ювеналь въ одной изъ своихъ сатиръ представилъ въ смѣшномъ видѣ ученую матрону, которая за столомъ надоѣдаетъ сравненіемъ Гомера съ Виргиліемъ и хвастаетъ тѣмъ, что ни разу не сдѣлала погрѣшности противъ правилъ словосочиненія, и которая не можетъ простить мужу какую-нибудь ошибку противъ правилъ грамматики. Впрочемъ, это отчасти было въ женщинѣ не что иное, какъ излишекъ хорошихъ качествъ. Особенно велико было число образованныхъ женщинъ въ первомъ вѣкѣ послѣ Р. X. Въ это время многія изъ нихъ настолько пристрастились къ словесности, что сами сдѣлались писательницами. Агриппина, мать Нерона, написала «воспоминаніе о своемъ дѣтствѣ», и это сочиненіе было хорошо извѣстно всѣмъ ея современникамъ.

Относительно послѣдней эпохи имперіи Ювеналь выражается такъ: «насколько благополучіе испортило женщинъ,

настолько, напротивъ, несчастіе сдѣлало ихъ лучшими». Дѣйствительно, послѣ жестокихъ кризисовъ, послѣ царствованія Нерона и Домиціана, римское общество было въ извѣстной степени очищено страданіемъ. Женская добродѣтель стала возстановляться снова. Палатинъ, гдѣ жили патриціи, во времена Траяна былъ занятъ большею частью честными, идеальными женщинами — «скромными въ одеждѣ, простыми въ образѣ жизни, ласковыми въ обращеніи», которыя съ высокимъ образованіемъ соединяли въ себѣ домашнія добродѣтели.

Во время Тацита римскія женщины были, по словамъ историка, вполне благопристойными матронами, достойными той доли почета и уваженія, которыми онѣ тогда пользовались, и единственное развлеченіе, которое онѣ себѣ позволяли, состояло въ томъ, что ими время отъ времени посѣщался театръ. При Тацитѣ въ Римѣ было очень много серьезно образованныхъ женщинъ и изъ нихъ нѣкоторыя умѣли хорошо писать, при чемъ это имъ нисколько не мѣшало быть хорошими хозяйками и образцовыми женами и матерями. А тамъ, гдѣ Тацитъ, хотя только вскользь, касается своей семейной жизни, видно, что онъ былъ хорошимъ семьяниномъ и питалъ къ своей женѣ глубокое уваженіе. Онъ восхваляетъ также прекрасное супружество своего тестя Агриколы съ Дометіей Децидіаной. «Они жили», говоритъ Тацитъ, «въ удивительномъ согласіи, проникнутые взаимною нѣжностью и отдавая одинъ другому предпочтеніе».

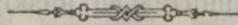
Сенека, хотя и былъ въ полномъ смыслѣ слова философомъ-стойкомъ и хотя въ одномъ изъ писемъ къ Луцилію и говоритъ, что «мудрецъ долженъ привязываться къ своей женѣ разумомъ, а не сердцемъ», однако самъ много оплакивалъ свою первую жену. И когда подъ старость Сенека женился на второй, Паулинѣ, то тамъ, гдѣ онъ заводитъ рѣчь о ней, слова его кажутся проникнутыми трогательнымъ расположеніемъ къ ней. Говоря въ другомъ своемъ письмѣ къ Луцилію (epist. 104, 2) о своей болѣзни, онъ замѣчаетъ, что Паулина побуждаетъ его заботиться о себѣ: «такъ какъ я

жизнь зависитъ отъ моей», говоритъ онъ, «то я забочусь о себѣ, чтобы заботиться и о ней». «Дѣйствительно, что можетъ быть пріятнѣе того, какъ быть любимымъ своею женою, такъ что въ слѣдствіе ея любви начинаешь болѣе любить и себя». Паулина съ своей стороны настолько любила Сенеку, что хотѣла умереть вмѣстѣ съ мужемъ, который такъ нѣжно любилъ ее и которымъ она такъ гордилась. Она пережила его только нѣсколькими годами и хранила о немъ самое нѣжное воспоминаніе, свято почитая его память. Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, что обликъ римской женщины второй половины вѣка имперіи начинаетъ мѣняться къ лучшему. Въ ней начинаетъ опять оживать матрона древняго Рима съ тою только разницею, что она сдѣлалась болѣе образована и болѣе просвѣщена, и ея отношеніе къ окружающему міру, хотя это было и поздно, стало болѣе сознательнымъ.

Такимъ образомъ изъ краткаго очерка воспитанія и исторіи римской женщины мы видимъ, что въ древній періодъ царей и въ первую половину республики идеаль римской матроны, несмотря на сравнительно низкій уровень въ развитіи, стоялъ довольно высоко, но по мѣрѣ того какъ женщины, подъ вліяніемъ греческой цивилизаціи, получая разностороннее образованіе, становились все болѣе и болѣе самостоятельными и нерѣдко этимъ злоупотребляли, семейная и общественная жизнь понемногу начала расшатываться, что продолжалось во всю вторую половину республики и въ вѣкъ имперіи, и только послѣ тяжелыхъ испытаній во времена Нерона и Домиціана женская добродѣтель стала снова возвращаться къ тому идеалу матроны, который былъ созданъ въ лучшее время римской жизни.

Обыкновенно современные писатели, касающіеся вопроса о семейной жизни у римлянъ, рисуютъ ее большею частью съ очень неприглядной стороны, особенно семейную жизнь второй половины республики и въ вѣкъ имперіи. Если бы это было дѣйствительно такъ, еслибы семейная жизнь римлянъ, хотя бы и во вторую половину республики, или

въ вѣкъ имперіи, дѣйствительно, была сильно расшатана, то римляне не могли бы стоять на той высотѣ, на какой они стояли и держались всегда во время существованія римскаго государства. Они не были бы и не могли бы быть такими великими побѣдителями и завоевателями, какими они были. У нихъ не могли бы развиться и стоять такъ высоко гражданственность, наука и искусство, которыя и до сего времени служатъ предметомъ всесторонняго изученія для всѣхъ европейскихъ націй, такъ какъ семейная жизнь весьма тѣсно связана съ жизнью общественной, умственной и политической и всегда весьма ярко отражается на нихъ. Изъ сдѣланнаго нами очерка ясно, что воспитаніе женщинъ у римлянъ и ихъ семейная жизнь всегда стояли на извѣстной высотѣ, хотя характеръ воспитанія, какъ и самая семейная жизнь, время отъ времени видоизмѣнялись.

Маркъ Туллій Цицеронъ.

О наилучшемъ родѣ ораторовъ

(De optimo genere oratorum).

Перевелъ съ латинскаго

П. Черняевъ, Казань.

Введение.

Небольшое сочиненіе Цицерона «О наилучшемъ родѣ ораторовъ», замыкающее собою рядъ риторическихъ трудовъ плодовитаго писателя, составлено ок. 44 г. до Р. X. и есть собственно предисловіе «praefatio» къ недошедшему до насъ его переводу двухъ рѣчей — Эсхина «противъ Ктесифонта» и Демосѳена «за Ктесифонта». Этотъ переводъ Цицеронъ предпринялъ съ цѣлью дать своимъ соотечественникамъ лучшія произведенія ораторскаго искусства, какія существовали въ иностранной (греческой) литературѣ, и показать въ нихъ отличительныя черты истинно-аттическаго краснорѣчія, которое должно было служить образцомъ подражанія. Предисловіе переводу предисловіе такимъ образомъ объясняетъ, что истинное краснорѣчіе то, которое процвѣтало въ Аѳинахъ, и лучшими представителями котораго были Демосѳенъ и Эсхинъ, а не историкъ-ораторъ Фукидидъ и другіе, какъ это думали нѣкоторые изъ римлянъ.

Почему же Цицеронъ для перевода изъ Демосѳена и Эсхина выбралъ рѣчи именно «за и противъ Ктесифонта», а не какія-

либо другія? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы должны сказать, что процессъ Ктесифонта — весьма крупное событіе въ жизни афинской республики вообще и въ жизни Демосоена и Эхина въ частности. Краткое изложеніе обстоятельствъ, предшествовавшихъ этому процессу и сопровождавшихъ его, разъяснить намъ причину такого выбора¹⁾.

Въ 347 г. Эхинъ вмѣстѣ съ Демосоеномъ участвовалъ въ переговорахъ о мирѣ съ Филиппомъ Македонскимъ; ласковое обращеніе этого царя привлекло Эхина на его сторону. Въ слѣдующемъ 346 г., участвуя въ новомъ посольствѣ, передъ которымъ Филиппъ долженъ былъ подтвердить миръ клятвою, Эхинъ своею медлительностью, повидимому, способствовалъ осуществленію замысловъ Филиппа во вредъ Аѳинамъ.

Такое поведеніе Эхина побудило Демосоена и нѣкогого Тимарха выступить противъ него съ обвиненіемъ въ государственной измѣнѣ; отъ этого обвиненія Эхинъ сумѣлъ освободиться, изобличивъ Тимарха въ безнравственной жизни. Однако самый процессъ не былъ замѣтъ; напротивъ, онъ получилъ громкую извѣстность не только потому, что представлялъ собою споръ величайшихъ ораторовъ, но и потому, главнымъ образомъ, что въ немъ видѣли борьбу двухъ крайнихъ политическихъ партій, — демократической, представителемъ которой былъ Демосоенъ, и олигархической съ Эхиномъ во главѣ. Оба оратора, несмотря на различіе въ ихъ политическихъ взглядахъ, пользовались у современниковъ большимъ уваженіемъ, которое приобрѣли благодаря своимъ выдающимся талантамъ. Демосоенъ, яростный борецъ за умиравшую свободу Греціи, при необыкновенной силѣ слова отличался высокими нравственными качествами: глубокимъ пониманіемъ эпохи и безграничной любовью къ родинѣ. Эхинъ по ораторскому таланту не уступалъ своему сопернику: хотя его рѣчи и не были такъ страстны и сильны,

¹⁾ Волѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ процессѣ можно найти въ статьѣ А. Фесенко-Навроцкаго «Борьба Демосоена съ Эхиномъ по поводу посольства къ македонскому царю Филиппу II въ 346 году до Р. Х.». См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1874 г., ч. 176, отд. класс. фил., стр. 126—134; 1875 г., ч. 177, *ibid.*, стр. 3—36 и 77—122.

какъ «громы и молніи» Демосоена, но Эсхинъ умѣлъ излагать суть дѣла спокойно, просто и ясно, говорилъ громко и чисто, прибѣгая при этомъ къ жестамъ актера, что производило на толпу необыкновенно сильное впечатлѣніе.

Въ 343 г. Демосоенъ снова поднялъ процессъ. Эсхинъ на этотъ разъ защищался рѣчью «*περί παραπροσειάς*», сказанною въ защиту отъ обвиненія въ недобросовѣстномъ исполненіи возложенныхъ на него обязанностей посла, и, будучи оправданъ, затаилъ злобу противъ Демосоена. Удобный случай отомстить своему сопернику вскорѣ представился. Въ 336 г. Эсхинъ рѣшился выступить обвинителемъ Ктесифонта, афинскаго государственнаго дѣятеля, предложившаго увѣнчать Демосоена золотымъ вѣнкомъ за его особенныя заслуги предъ отечествомъ. Но обсужденіе этого дѣла почему-то затянулось надолго, и когда шесть лѣтъ спустя при совершенно измѣнившихся политическихъ обстоятельствахъ оно поступило (въ 330 г.) на разсмотрѣніе суда, Эсхинъ потерпѣлъ неудачу, не смотря на выдающіяся достоинства произнесенной имъ обвинительной рѣчи «*κατὰ Κτησιφώντος*». Разумѣется, рѣчь Эсхина всецѣло была направлена противъ Демосоена. Но этотъ послѣдній произнесъ блестящую рѣчь въ защиту Ктесифонта («*περί Κτησιφώντος*») «о вѣнкѣ», которая произвела такое сильное впечатлѣніе на судей, что они оправдали Демосоена, хотя на сторонѣ Эсхина были люди очень сильные, и оправдали потому, что Демосоенъ сумѣлъ разбить обвиненія Эсхина, въ большинствѣ случаевъ, бездоказательныя и проведенныя съ недостаточной логической послѣдовательностью. Оскорбленный поражениемъ Эсхинъ удалился на о. Родосъ, и въ Афины уже болѣе не возвращался.

Изложивъ обстоятельства, вызвавшія дѣло Ктесифонта и рѣчи его обвинителя (Эсхина) и защитника (Демосоена), прилагаемъ самый переводъ сочиненія Цицерона «О наилучшемъ родѣ ораторовъ», который представляетъ собою, насколько намъ извѣстно, первую попытку передачи на русскій языкъ этого риторическаго произведенія знаменитаго писателя.

Въ 343 г. Демосфенъ своимъ подвигамъ предводителю въ войнѣ противъ Филиппа, названъ ораторомъ. I.

1. Ораторовъ нельзя дѣлить на роды подобно поэтамъ.
2. Неточность существующаго дѣленія ораторовъ по слогу.
3. Отличительныя свойства совершеннаго оратора.

1. Говорятъ, что ораторы, какъ и поэты, дѣлятся по родамъ. Но это не справедливо, потому что во многомъ различны произведенія трагическое, комическое, эпическое, лирическое, а также и диѳирамбъ²⁾: у каждаго произведенія свой видъ и притомъ отличный отъ другихъ. Поэтому, какъ въ трагедіи неумѣстенъ комизмъ, такъ и трагическій элементъ не идетъ къ комедіи. Также у остальныхъ родовъ поэтическихъ произведеній есть свой, для каждаго опредѣленный, характеръ изложенія и какой-то извѣстный лишь знатокамъ языкъ.

2. Если же кто, напримѣръ, насчитываетъ много разнообразныхъ ораторовъ, какъ то: однихъ возвышенныхъ, или величественныхъ, или богатыхъ мыслями, другихъ низкихъ, или простыхъ, или кратко выражающихся, — пусть онъ приметъ въ расчетъ и третьихъ, занимающихъ какъ бы середину между ними; ясно, что такой человѣкъ говоритъ только нѣчто о людяхъ, но мало о сущности ихъ произведеній. Ибо по отношенію къ послѣднимъ спрашиваютъ, какое произведеніе лучше; относительно же человѣка говорятъ то, что есть. Такимъ образомъ можно сказать, что и Энній³⁾ лучший эпическій поэтъ,

²⁾ Диѳирамбъ называлась сначала безыскусственная торжественная пѣснь въ честь Вакха (Діониса), прославлявшая подвиги этого бога; изъ этихъ пѣсней, пѣвшихся чередующимися хорами, возникла трагедія. Съ теченіемъ времени темы диѳирамбовъ, составлявшихся уже поэтами, заимствовались изъ греческой мифологіи; въ нихъ воспѣвались герои, которымъ, подобно Діонису, выпали на долю борьба и страданіе.

³⁾ Quintus Ennius (239—169 до Р. Х.) авторъ римскаго національнаго эпоса (Annales), многихъ трагедій по образцу Еврипида, комедій и разнообразныхъ поэтическихъ произведеній.

если кому-нибудь такъ кажется, и Пакувій⁴⁾—трагическій и, можетъ быть, Цецилій⁵⁾—комическій. Что касается меня, то я не различаю оратора по роду, такъ какъ ищу совершеннаго.

3. Родъ же совершенства только одинъ: тѣ, которые далеки отъ него, различаются не родомъ, какъ Теренцій⁶⁾ и Акцій⁷⁾, но въ одномъ и томъ же родѣ не равны.

Ибо наилучшій ораторъ тотъ, который своимъ словомъ и научаеъ слушателей и доставляетъ удовольствіе, и производить на нихъ сильное впечатлѣніе. Учитъ—обязанность оратора, доставлять удовольствіе — честь, оказываемая слушателю, производить же сильное впечатлѣніе — необходимо.

4. Нельзя не согласиться, что одинъ выполняетъ это лучше, чѣмъ другой; но такое явленіе зависитъ не отъ рода (ораторовъ), а отъ степени ихъ таланта. Наилучшее, во всякомъ случаѣ, только одно, и ближе всего къ нему самое сходное съ нимъ. Изъ этого ясно: что меньше всего походить на лучшее, то и хуже всего.

II.

4—5. Совершенный ораторъ долженъ дѣлать соответственный выборъ словъ и мыслей.

6. Всякому оратору необходимо стараться походить на Демосѣена.

Такъ какъ краснорѣчіе заключается въ словахъ и мысляхъ, то нужно стараться, чтобы мы, говоря правильно и вѣрно, разумѣется, по латыни, кромѣ того дѣлали бы выборъ словъ, какъ въ собственномъ, такъ и въ переносномъ значеніи. Между словами въ собственномъ значеніи выбирали бы

⁴⁾ М. Pacuvius (219—132 до Р. X.) извѣстный трагикъ, подражавшій Софоклу и Еврипиду; писалъ патетическимъ и образнымъ слогомъ.

⁵⁾ Staius Caecilius († 166 г. до Р. X.) составлялъ комедіи по образцамъ Плавта, Теренція и особенно Менандра.

⁶⁾ P. Terentius Afer (185—159 до Р. X.) оставилъ шесть комедій, изящно написанныхъ по греческимъ образцамъ.

⁷⁾ Z. Accius (170—94 до Р. X.) соперникъ Пакувія; въ его произведеніяхъ (гдѣ онъ подражалъ Эсхилу) отразилась сила и твердость римскаго характера; но языкъ его не заслуживаетъ одобренія.

наиболѣе красивыя, а въ выборѣ метафоръ умѣренно пользовались бы выраженіями, заимствованными по сходству. Съ другой стороны, и мысли — должны я замѣтить — по своему достоинству такъ же различны, какъ и похвалы (стяжаемыя Ораторами). Бываютъ мысли остроумно-поучительныя, которыя какъ бы дивно чаруютъ душу, и мысли серьезно-убѣдительныя. Но, какъ извѣстное расположение словъ влечетъ за собою два слѣдствія — благозвучіе и плавность рѣчи, такъ и мысли имѣютъ свое расположеніе и порядокъ, приприноровленный для доказательства дѣла, причемъ рассказы о происшедшемъ есть какъ бы основаніе всего этого, а мимика — поясненіе. Слѣдовательно, въ комъ есть всѣ эти хорошія качества, тотъ — совершеннѣйшій ораторъ, въ комъ число ихъ ограничено, тотъ — посредственный, а въ комъ такихъ качествъ меньше всего, тотъ — наихудшій. И какъ живописцы называются дурными, такъ могутъ быть названы дурными и ораторы, но различаться между собою они будутъ не по роду, а по способностямъ. Итакъ, кто не желаетъ быть подобнымъ Демосѣну, тотъ не ораторъ. Однако Менандръ ⁸⁾ не хотѣлъ походить на Гомера (хотя Гомеръ и былъ замѣчательнымъ поэтомъ): они были поэтами разнаго рода. Между ораторами этого не бываетъ; а если и случается, что одинъ, въ погонѣ за торжественностью, избѣгаетъ простого стилия, то, напротивъ, другой предпочитаетъ быть лучше остроумнымъ, чѣмъ изящнымъ. Правда, такой ораторъ оказывается въ числѣ довольно хорошихъ, но — не наилучшихъ, такъ какъ лучше всего то, что заслуживаетъ похвалы во всѣхъ отношеніяхъ.

⁸⁾ Менандръ (342—290 до Р. Х.) величайшій и плодовитѣйшій поэтъ «новой» комедіи, писалъ остроумно и обработаннымъ языкомъ; немногія изъ его произведеній дошли до насъ въ латинской обработкѣ Теренція. Наблюдательность, богатый вымыселъ, вѣрное изображеніе жизни и поучительныя сентенціи — составляли особенность его комедій.

III.

7. Совершенные ораторы — аттические, такъ какъ содержаніе и языкъ ихъ рѣчей — безупречны.

8. Аттические ораторы вообще достойны подражанія.

9. Лучше всего взять за образецъ Ливія.

7. Конечно, объ этомъ предметѣ (т. е. объ отличительныхъ свойствахъ совершеннаго оратора) я сказала короче, чѣмъ требовала самая сущность его, но по отношенію къ тому, о чемъ мы бесѣдуемъ, большаго говорить и не слѣдовало. Итакъ, если родъ ораторовъ одинъ, то мы и задаемъ вопросъ: каковъ же онъ? Здѣсь, конечно, разумѣется тотъ родъ ораторовъ, который пользовался большимъ уваженіемъ въ Аѳинахъ. Самое влияніе этихъ «аттическихъ» ораторовъ неизвѣстно, извѣстна лишь ихъ слава⁹⁾. Многіе замѣтили только, что неудовлетворительнаго у аттическихъ ораторовъ ничего нѣтъ, а нѣкоторые, сверхъ того, видѣли у нихъ много похвальнаго. Вѣдь, если въ содержаніи рѣчи есть что-нибудь безсмысленное или неумѣстное, нестроумное или нѣсколько нелѣпое, — это заслуживаетъ упрека; такъ и въ выраженіяхъ: если есть что-нибудь неизящное или неподходящее, небрежное, грубое или малопонятное, — то и порицають.

8. Такихъ порицаній избѣгли почти все тѣ ораторы, которые или слывутъ за аттическихъ, или говорятъ по-аттически. Однако они были лишь настолько сильны, насколько считались здоровыми и могучими; но такими они были подобно «палестритамъ»¹⁰⁾, посѣщавшимъ мѣсто гимнастическихъ упра-

⁹⁾ Въ текстѣ лучшаго изданія, которымъ мы пользовались (Ciceros Orator. Erklaert von Otto Jahn. Anhang: De optimo genere oratorum. Berlin 1869³), читается: «Est (i. e. genus) autem tale, quale floruit Athenis; ex quo Atticorum oratorum ipsa vis ignota est, nota gloria»; но такъ какъ изъ предыдущаго не видно, что аттическихъ ораторовъ хвалили, не зная какое значеніе имѣли они, то поэтому ex quo является непонятнымъ. Вѣроятно же всего подразумѣвать при «ex quo» genere и все это выраженіе разсматривать, какъ описаніе родительнаго падежа, т. е. ex quo genere = scius generis (i. e. quale floruit Athenis). Согласно данному объясненію мы и сдѣлали переводъ этого мѣста.

¹⁰⁾ Указывая отличительныя качества аттическихъ ораторовъ, Цицеронъ пользуется метафорами, заимствованными отъ гладиаторскаго искусства. Передать на русскій языкъ эти метафорическія выраженія, сохраняя ихъ двойное (собственно

жненій съ тою цѣлью, чтобы имъ позволено было прогуливаться въ крытой галлерей, а не затѣмъ, чтобы потомъ искать награды на олимпійскихъ играхъ.

Поэтому будемъ, по мѣрѣ возможности, подражать именно этимъ (палестритамъ), которые, хотя и не имѣютъ никакого физическаго недостатка, однако какъ бы недовольны хорошимъ состояніемъ тѣла и потому стараются развить мышцы и приобрести силы, свѣжесть и даже нѣкоторую привлекательность формъ. Если же это окажется намъ не по силамъ, то станемъ лучше подражать тѣмъ ораторамъ, которые на самомъ дѣлѣ отличаются здравомысліемъ, что составляетъ свойство ораторовъ аттическихъ, — чѣмъ такимъ, многословіе которыхъ заслуживаетъ порицанія, и какихъ въ большомъ количествѣ произвела Азія¹¹⁾.

9. Поступая такимъ образомъ (если только намъ, какъ это ни трудно, удастся достигнуть цѣли), мы будемъ по мѣрѣ возможности подражать Лизію¹²⁾ и главнымъ образомъ, конечно, простотѣ его слога. Правда, во многихъ мѣстахъ стиль Лизія слишкомъ высокъ: но такъ какъ онъ составлялъ рѣчи преимущественно частнаго характера, притомъ для дру-

«о гладиаторахъ» и переносно «объ ораторахъ») значеніе, оказывается невозможнымъ. Цицеронъ въ данномъ мѣстѣ этого сочиненія, повидимому, съ цѣлью прибѣгнувъ къ языку метафоръ, умѣлое употребленіе которыхъ онъ ставитъ въ похвалу совершенному оратору. Ср. § 4. Palaestrita (παλαιστρίτης), упражняющійся въ палестрѣ, — мѣстѣ гимнастическихъ упражненій, съ цѣлью развить свои физическія силы, а не затѣмъ, чтобы выступить борцомъ на аренѣ, имѣлъ также право пользоваться для прогулокъ крытой галлерей (xystus, ξυστός).

¹¹⁾ Азиатское краснорѣчіе (genus Asiaticum), представителемъ котораго въ Римѣ былъ Кв. Гортензій (114—50 г. до Р. X.), соперникъ Цицерона, въ противоположность простотѣ аттическаго краснорѣчія (genus Atticum), отличалось цвѣтистымъ и напыщеннымъ слогомъ. Цицеронъ, какъ кажется, предлагаетъ здѣсь изучающимъ ораторское искусство слѣдовать по пути, избранному имъ самимъ, а именно взять за образецъ родосское краснорѣчіе (genus rhodium), какъ среднее между аттическимъ и азиатскимъ.

¹²⁾ Ливій (459—378 г. до Р. X.) — одинъ изъ десяти «аттическихъ» ораторовъ; написалъ огромное количество рѣчей, гдѣ онъ проявилъ свой талантъ въ мастерской обрисовкѣ характеровъ (ἡθοποιία), живости (ἐνέργεια) и правдивомъ изображеніи жизни (διατόπωσις).

гихъ и по маловажнымъ дѣламъ, то слогу его (въ такихъ рѣчахъ) кажется слишкомъ вялымъ, хотя самъ онъ нарочно и усовершенствовался сообразно съ родами пустячныхъ дѣлъ.

IV.

10. Оратору часто приходится сообразоваться съ обстоятельствами дѣла.

11. Аттичскіе ораторы должны считаться ораторами въ полномъ значеніи этого слова и образцами подражанія.

12. Говорить хорошо — говорить по аттически.

13. Подражающій Демосѣну будетъ выражаться и по аттически, и наилучшимъ образомъ.

Впрочемъ, пусть считается ораторомъ (но не въ числѣ особенно великихъ) тотъ, кто не сможетъ быть словообильнымъ, если бы и пожелалъ: въ подобныхъ дѣлахъ часто и великому оратору нужно говорить вышеупомянутымъ образомъ.

10. Слѣдовательно, Демосѣнъ, навѣрно, могъ выражаться просто, а Лизій, можетъ быть, не былъ въ состояніи говорить возвышенно. Отсюда понятно: кто полагаетъ, что и намъ произнести рѣчь за Милона¹³⁾ слѣдовало бы такимъ образомъ, какъ будто мы защищали частное дѣло передъ однимъ только судьей, не обращая вниманія на то, что на форумѣ и во всѣхъ храмахъ вокругъ него были размѣщены войска, — тотъ судить о силѣ краснорѣчія по своему дару слова, а не по свойству дѣла.

11. Теперь уже распространилось мнѣніе нѣкоторыхъ о томъ, что они сами говорятъ по аттически, а изъ насъ никто не говоритъ такъ. Поэтому мы оставимъ въ сторонѣ другихъ: имъ самое положеніе дѣла достаточно объясняетъ все, вѣдь ихъ или не приглашаютъ для веденія процессовъ, или, обратившись къ нимъ, надъ ними же издѣваются; ибо

¹³⁾ Рѣчь въ защиту Т. Аннія Милона, убійцы П. Клодія, была произнесена Цицерономъ 8 апрѣля 52 г. до Р. Х. при весьма неблагоприятныхъ обстоятельствахъ. Во время разбирательства дѣла на форумѣ и подлѣ храмовъ, его окружавшихъ, были разставлены войска. Лишь только Цицеронъ началъ говорить, какъ толпа народа, приведенная въ страхъ при видѣ солдатъ, прервала оратора яростнымъ крикомъ, онъ растерялся, и, такимъ образомъ, произнесенная рѣчь уже не имѣла успѣха.

если бы надъ ними только смѣялись, то это было бы свойственно аттическимъ ораторамъ. И тѣ, которые не желаютъ, чтобы мы говорили по-аттически, сами признаются, что они не ораторы, если только имѣютъ тонкій слухъ и развитой эстетическій вкусъ. Эти люди похожи на тѣхъ, которые приглашены для оцѣнки картины, между тѣмъ какъ они не умѣютъ даже судить съ проникаемостью, до извѣстной степени необходимой знатоку.

12. Можетъ быть, они высказываютъ свой вкусъ, не будучи расположены слушать, и ничто возвышенное и величественное не занимаетъ ихъ? Въ такомъ случаѣ, пусть они оправдываются тѣмъ, что желаютъ чего-то тонкаго и изящнаго, и пренебрегаютъ благороднымъ и красивымъ. Пусть же тѣ, которые выражаются остроумно, не думаютъ, что только они одни говорятъ по-аттически: будто бы выразаться просто и правильно, по ихъ мнѣнію, значить также возвышенно, красиво и пространно, съ соблюденіемъ той же самой свойственной аттикамъ чистоты; а такъ какъ аттическіе ораторы взяты нами за образецъ, то выходитъ, что говорить хорошо — все равно, что говорить по-аттически. Что же? Развѣ можетъ быть теперь какое-нибудь сомнѣніе въ томъ, чего желаемъ мы: того ли только, чтобы наша рѣчь была сносною, или же, чтобы она была и достойной удивленія? Вѣдь мы уже спрашиваемъ не о томъ, что значитъ выразаться по-аттически, но о томъ, что значитъ говорить самымъ лучшимъ образомъ.

13. Отсюда понятно, что тотъ будетъ выразаться и по-аттически и наилучшимъ образомъ, кто станетъ подражать Демосоену, такъ какъ онъ безспорно стоитъ во главѣ самыхъ лучшихъ греческихъ ораторовъ, прославившихся въ Аѣинахъ.

V.

14. Характеръ предпринятаго Цицерономъ перевода рѣчей Эсхина и Демосоена.

15. Цѣль этого перевода.

16. Отличіе историческаго краснорѣчія (Фукидида) отъ судебного.

Такъ какъ большое заблужденіе въ томъ, каковъ этотъ (аттическій) родъ рѣчи, то я и счелъ необходимымъ предпринять

трудъ, полезный для изучающихъ (ораторское искусство), для меня же лично совершенно ненужный.

14. Именно, я перевелъ извѣстнѣйшія и взаимно противоположныя рѣчи весьма краснорѣчивыхъ аттическихъ ораторовъ — Эхина и Демосоена; — и перевелъ ихъ не какъ простой переводчикъ, но какъ ораторъ, сохраняя тѣ же мысли, тотъ же видъ и, такъ сказать, тѣ же обороты рѣчи и слова, только приспособленныя къ нашему обычному способу выраженія. Въ этихъ рѣчахъ я не считалъ неизбѣжнымъ переводить слово въ слово, но всецѣло сохранилъ характеръ и смыслъ выраженій, потому что не находилъ нужнымъ пересчитывать эти выраженія для читателя, какъ мелкую монету, а взвѣсить, какъ цѣльный слитокъ золота¹⁴⁾.

15. Предпринятый мною трудъ имѣетъ ту цѣль, чтобы люди, изучающіе краснорѣчіе, поняли, чего требуютъ отъ тѣхъ, которые желаютъ быть аттическими ораторами, и къ какому, такъ сказать, закону рѣчи призываютъ ихъ. Возьмемъ Фукидида¹⁵⁾. Нѣкоторые удивляются его краснорѣчію, — и это, конечно, не безъ основанія, — но въ немъ нѣтъ ничего присущаго оратору, котораго мы стараемся найти. Вѣдь, излагать событія въ рассказѣ не то, что обвинять или оправдывать, приводя доказательства, и плѣнять сердце слушателя рассказомъ — не то, что возбуждать его умъ. А всетаки Фукидидъ выражается очаровательно, — едва-ли даже не лучше Платона.

16. Однако идеальному оратору необходимо излагать судебныя тяжбы такъ, чтобы его рѣчь имѣла характеръ поучительный, плѣнительный и трогательный.

¹⁴⁾ Въ текстѣ стоятъ метафорическія выраженія *annumerare*, *appendere*; первое изъ нихъ употребляется о мелкой монетѣ (отсчитывать), второе о слиткахъ золота и серебра, взвѣшиваемыхъ на вѣсахъ (взвѣшивать). Ср. *Cic. or. pro Rosc. Am.* 49, 144.

¹⁵⁾ Фукидидъ (464—395 г. до Р. Х.), знаменитый авторъ исторіи «пелопонесской войны», писалъ просто, сжато и порывисто. Цицеронъ называетъ его «мастеромъ слога»: *Thucydides omnes dicendi artificio, mea sententia, facile vicit. De or. II, 13, 56.*

VI.

17. Краснорѣчіе Исократы (какъ и Фукидида) непригодно въ гражданскихъ и уголовныхъ процессахъ; наиболее подходящимъ является краснорѣчіе Эскина и Демосоена.

18. Цицеронъ старается оправдать появленіе упомянутого перевода рѣчей Эскина и Демосоена существованіемъ на латинскомъ языкѣ переводовъ (съ греческаго) драматическихъ произведеній.

Итакъ, если кто заявитъ, что намѣренъ говорить о чемъ нибудь на форумѣ, подражая Фукидиду, то даже и не подумаютъ, что такой ораторъ занимается веденіемъ гражданскихъ и уголовныхъ процессовъ; если же онъ будетъ хвалить Фукидиду, то пусть къ своему мнѣнію онъ присоединитъ и наше.

Даже самого Исократы¹⁶⁾, котораго божественный учитель Платонъ почти какъ современника вывелъ въ діалогѣ «Федръ» получающимъ отъ Сократа удивительныя похвалы¹⁷⁾, Исократы, котораго всѣ ученые назвали однимъ изъ величайшихъ ораторовъ, я всетаки не помѣстилъ бы въ числѣ такихъ: произнося свою рѣчь, онъ не находится въ строю съ мечемъ въ рукѣ, но какъ бы только упражняется въ фехтованіи на рапирахъ¹⁸⁾.

Мною же выводится на арену — позволю себѣ сравнить самое ничтожное съ величайшимъ — два одинаково знаменитыхъ гладіатора: Эскинъ, но не «грязный какъ Эзер-

¹⁶⁾ Исократъ (436—338 до Р. Х.), аѳинскій ораторъ, славный учитель краснорѣчія (по Cic. Br. 8, 32 *magnus orator et perfectus magister*), усовершенствовалъ техническую сторону рѣчи обработанными періодами.

¹⁷⁾ Когда юноша Федръ (въ концѣ діалога Платона «Федръ») пожелалъ узнать мнѣніе Сократа объ Исократѣ, философъ сказалъ: «судя по рѣчамъ Лизія, дарованія Исократы кажутся мнѣ выше и нравъ его благороднѣе; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если съ годами онъ сдѣлается совершеннѣе въ томъ самомъ родѣ рѣчей, обработкой котораго онъ теперь занятъ.. Если же онъ не удовлетворится и этимъ, то божественное стремленіе повлечетъ его еще далѣе, потому что способностямъ этого человѣка присуща, другъ мой, какая-то врожденная любовь къ наукамъ».

¹⁸⁾ Въ текстѣ читаемъ: *sed quasi rudibus ejus eludit oratio*. Эта метафора, заимствованная отъ борцовъ, встрѣчается въ томъ же смыслѣ объ ораторѣ и у Тацита *dial. 34 nec adversarii et aemuli ferro, non rudibus dimicantes*.

нинъ», по словамъ Люцилія ¹⁹⁾, а Эсхинъ — «проницательный и ученый человекъ», который сравнивается здѣсь съ Пацидеяномъ (т. е. Демосееномъ), превосходнѣйшимъ изъ людей, такъ какъ, по моему мнѣнію, лучшаго оратора нельзя себѣ вообразить.

18. Этому нашему труду могутъ представить два возраженія: Во первыхъ, такое: «вѣдь греческіе ораторы хороши уже сами по себѣ: чѣмъ же они лучше въ латинскомъ переводѣ», — спросить кто-нибудь. Во вторыхъ: «зачѣмъ я отдамъ предпочтеніе переводу передъ греческимъ подлинникомъ?» Но, вѣдь, допускаютъ же они латинскіе переводы «Андріанки» и «Юныхъ Друзей», а также «Андромахи», «Антіоны» или «Потомковъ?» ²⁰⁾. Поэтому, если нѣтъ съ ихъ стороны никакого пренебреженія къ произведеніямъ драматическимъ, то зачѣмъ же они пренебрегаютъ рѣчами, переведенными съ греческаго?

VII.

19. Обстоятельства, вызвавшія дѣло Ктесифонта.

20—21. Значеніе процесса, поднятаго Эхиномъ, и характеръ представленныхъ имъ обвиненій.

22. Интересъ, возбужденный процессомъ.

23. Переводъ, сдѣланный Цицерономъ, имѣеть въ виду быть мѣриломъ, съ которымъ должны сообразоваться желающіе говорить по-аттически.

Но обратимся къ намѣченной нами задачѣ, если только выше мы выяснили причину, которая привела насъ къ такому рѣшенію.

¹⁹⁾ Люцилій (180—103 г. до Р. X.) римскій сатирикъ, произведенія котораго представляютъ собою соединеніе ѣдкой насмѣшки съ веселою шуткою, въ четвертой книгѣ своихъ сатиръ описываетъ борьбу двухъ извѣстныхъ въ его время гладиаторовъ — Эвернина и Пацидеяна. Этими именами Цицеронъ неоднократно пользуется какъ типами, олицетворяющими собою пороки и добродѣтели, ср. ad. Q. fr. III, 4, 2 и Tusc. II, 17, 41. Въ данномъ мѣстѣ ораторъ подлинныя выраженія Люцилія (въ нѣсколько видоизмѣненной формѣ) вставилъ между своими словами, разумѣя подъ Пацидеяномъ Демосеена.

²⁰⁾ «Андріанка» (Andria), первое произведеніе Теренція, и «Юные Друзья» (Symphebi), извѣстная комедія Цецилія, составлена по Менандру. «Андромаха» Эннія, «Антіона» Пакувія и «Потомки» (Erigoni) Акція, — трагедіи, пользовавшіяся особенно извѣстностью, написаны также по греческимъ образцамъ.

19. Въ Аѣинахъ существовалъ законъ — «чтобы никто не дѣлалъ народнаго постановленія о награжденіи вѣнкомъ какого-либо гражданина, состоящаго на государственной службѣ, прежде чѣмъ тотъ не представитъ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ» и другой: — «тѣ, которыхъ народъ хотѣлъ бы наградить, должны получать награду въ народномъ собраніи, а которыхъ сенатъ, — въ сенатѣ».

Однажды Демосѣенъ наблюдалъ за исправленіемъ городской стѣны и поправилъ ее на свои собственныя средства. Вопреки выше указаннымъ законамъ Ктесифонтъ, не потребовавъ отъ Демосѣена никакихъ отчетовъ, составилъ народное опредѣленіе о награжденіи его золотымъ вѣнкомъ, которое состоялось бы на глазахъ народа, собравшагося въ театрѣ, — мѣстѣ незаконномъ для народнаго собранія, чтобы такимъ образомъ говорили: «Демосѣенъ награжденъ за свою добродѣтель и за расположеніе, какое питалъ онъ къ аѣинскому народу».

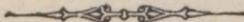
20. И вотъ этого Ктесифонта привлекъ къ суду Эсихинъ за то, что онъ вопреки законамъ постановилъ, чтобы Демосѣенъ, даже не представивъ отчета, былъ награжденъ вѣнкомъ, притомъ въ театрѣ. Кромѣ того Эсихинъ утверждалъ, что Ктесифонтъ распустилъ ложные слухи о добродѣтели Демосѣена и его расположеніи къ народу, такъ какъ, по его мнѣнію, Демосѣенъ не былъ особенно хорошимъ человѣкомъ, и заслуги его по отношенію къ государству не такъ ужъ велики. Конечно, этотъ самый процессъ не согласенъ съ условіями нашей общественной жизни, но онъ всетаки замѣчателенъ, потому что въ данномъ случаѣ (примѣнительно къ такому процессу) тонкости закона можно истолковывать такъ и иначе, и много спорить изъ-за заслугъ государству.

21. Такимъ образомъ, Эсихинъ, который и самъ былъ обвиненъ Демосѣеномъ въ уголовномъ преступленіи за то, что недобросовѣстно исполнилъ возложенныя на него обязанности посла, возбудилъ — съ цѣлью отомстить своему сопернику — процессъ о томъ, чтобы отъ имени же Ктесифонта произведено было судебное разслѣдованіе о заслугахъ Демосѣена, громко

прославленныхъ въ народѣ. Разумѣется, Эсхинъ не такъ много говорилъ о непредставленіи Демосѣеномъ отчета, сколько о томъ, что недобросовѣстный гражданинъ превознесенъ похвалами, какъ примѣръ добродѣтели.

22. Къ такой отвѣтственности Эсхинъ привлекъ Ктесифонта за четыре года до смерти Филиппа Македонскаго (въ 336 г.), но самый разборъ дѣла происходилъ нѣсколько лѣтъ спустя (въ 330 г.), когда Александръ былъ уже обладателемъ Азіи. Передаютъ, что на этотъ процессъ стеклось со всей Греціи множество народа, — это и понятно: вѣдь что же интереснѣе можно было видѣть или слышать, какъ не состязаніе, основанное на почвѣ вражды между знаменитѣйшими ораторами, въ такомъ важномъ дѣлѣ, которое было заранѣе тщательно обдуманно?

23. Поэтому, если я передамъ рѣчи Эсхина и Демосѣена такъ, какъ надѣюсь, — такой переводъ и будетъ критеріумомъ, съ которымъ должны сообразоваться ораторы, желающіе выражаться по-аттически: я приму во вниманіе всѣ ихъ хорошія качества, т. е. мысли, обороты и послѣдовательность въ изложеніи, употребляя по возможности и слова не чуждыя нашимъ понятіямъ, — правда, не все это въ переводѣ съ греческаго будетъ вполне передано на латинскій языкъ, однако я приложилъ къ тому всевозможныя старанія. Но сказаннаго нами совершенно достаточно: когда-нибудь услышимъ мы и самого Эсхина говорящимъ на латинскомъ языкѣ!

ПРИЖОЛНІЯ

Элегіи Секста Проперція.

Перевелъ съ латинскаго

М. Крашенинниковъ, Слуцкъ.

Sextus Propertius родился въ Умбріи. Годъ его рожденія неизвѣстенъ и можетъ быть опредѣленъ только приблизительно: между 54 и 44 г. до Р. Хр. Воспитывался онъ въ Римѣ, гдѣ, сойдясь съ литературнымъ кружкомъ своего времени, сталъ рано писать стихи, въ которыхъ, конечно, льстилъ Августу. Но больше всего онъ писалъ о любви, посвятивъ ей всю свою жизнь, рано угасшую именно вслѣдствіе того, что поэтъ злоупотреблялъ любовными наслажденіями. Отъ него остались четыре книги элегій. Большая часть этихъ элегій изображаетъ страсть поэта къ Цинтіи и посвящена ея прославленію. Никто изъ римскихъ поэтовъ не изобразилъ пылъ страсти съ такою правдивостью, какъ Проперцій. Что Проперцій надѣялся на безсмертіе, доказываютъ многія мѣста его стихотвореній, напр., слѣдующее:

«Меня будетъ прославлять Римъ; я предвижу этотъ день, который наступитъ послѣ моей смерти».

Овидій, современникъ Проперція, высоко цѣнилъ его произведенія и часто подражалъ имъ. Квинтиліанъ говоритъ, что были Римляне, отводившіе Проперцію первое мѣсто среди элегиковъ.

Его стихотворенія отличаются большою живостью, придающею изложенію краткость, которая часто кажется рѣзкою. Поэтому трудно переводить его стихи, такъ какъ пониманіе

связи мыслей дается только послѣ продолжительнаго и самаго тщательнаго анализа отдѣльныхъ словъ; но чѣмъ больше переводишь, тѣмъ болѣе увлекаешься работой. Въ этомъ отношеніи его сочиненія похожи на творенія Тацита.

Въ виду такой трудности перевода переводчикъ надѣется на снисходительность читающей публики.

КНИГА ПЕРВАЯ.

(Текстъ М. Миллера. Лейпцигъ. 1880 г.).

Къ Туллу.

Поэтъ совѣтуетъ Туллу не унывать отъ любви безъ взаимности и стараться заслужить любовь своей возлюбленной. Онъ самъ страдаетъ отъ такой же любви и проситъ друзей избавить его отъ этихъ страданій. Совѣтъ: избѣгать любви и заниматься своимъ дѣломъ).

Цинтія первая своими прелестями очаровала меня несчастнаго, незнакомаго со страстью. Тогда любовь унесла съ собой величіе моей непоколебимой гордости, и я подставлялъ свою голову подъ ея безошадные удары до тѣхъ поръ, пока нечестивый Амуръ не научилъ меня ненавидѣть цѣломудренныхъ женщинъ и жить безъ всякаго плана. Цѣлый годъ не проходитъ у меня страсть къ Цинтіи; а мнѣ приходится воздавать должное и другимъ богамъ, кромѣ Амура.

О Туллъ, Миланіонъ смирилъ жестокость Іасіи *) не тѣмъ, что избѣгалъ трудовъ: онъ или въ безуміи блуждалъ по Паренійскимъ **) пещерамъ или охотился за дикими звѣрями; ему даже пришлось стонать отъ боли и оглашать своимъ воплемъ Аркадскія скалы, когда Гилей избилъ его палкою. Такимъ образомъ ему удалось смирить рѣзвую дѣвушку: такъ

*) Дочь Іаса — аркадянка. Когда отецъ ея, узнавъ, что она его дочь, по требованію, чтобы она вышла замужъ, она согласилась выйти за того, кто побѣдитъ ее въ бѣгѣ; кого же она настигала, того пронзала сзади копьемъ: такимъ образомъ погибло много юношей; наконецъ, она была побѣждена Миланіономъ при помощи Афродиты. Онъ во время бѣга бросалъ подаренныя ему богиней золотыя яблоки одно за другимъ и, такъ какъ Іасія (Атланта) ихъ подбирала, то онъ раньше ея достигъ цѣли. Атланта сдѣлалась женою Миланіона.

**) Въ Иллиріи, въ области Диррахія.

много значать въ любви моленія и подвиги. Поздняя любовь не строитъ уже козней противъ меня и забыла ту дорогу, по которой она шла прежде.

А вы, которые обманываете людей; увѣряя, что можете низвести дуну, и совершаете жертвоприношенія на волшебныхъ жертвенникахъ, ну те-ка, заставьте предметъ моей любви любить меня и сдѣлайте такъ, чтобы ея лицо отъ любви было блѣднѣе моего.

Тогда я повѣрю вамъ, что вы можете низводить созвѣздія и обращать рѣки всячь при помощи Питейскихъ*) стиховъ. Вы же, друзья, поздно ободряющіе меня павшаго, найдите лѣкарство для моего разбитаго сердца: я мужественно перенесу и ударъ меча и прикосновеніе огня, только бы мнѣ можно было свободно высказать то, что я хочу сказать въ гнѣвѣ. Унесите меня въ предѣлы самыхъ отдаленныхъ народовъ, несите меня по волнамъ, чтобы ни одна женщина не знала о моемъ мѣстопребываніи. Вы же, счастливицы въ любви, оставайтесь здѣсь и наслаждайтесь неизмѣнной привязанностью любимой вами женщины. Венера посылаетъ мнѣ несносныя ночи, и любовь безъ взаимности постоянно мучить меня.

Избѣгайте несчастной любви: пусть каждаго занимаетъ своя забота; эта забота должна гнать прочь любовь. Если же кто-нибудь не обратитъ вниманія въ свое время на мои совѣты, съ какою скорбію онъ позже вспомнитъ мои слова!

II.

Къ Цинтію.

(Любовь нельзя приобрести нарядами. Чудныя картины природы не знакомы съ искусствомъ. Примѣры женщинъ, которыхъ любили не изъ-за нарядовъ. Причина, почему поэтъ любить Цинтію).

Почему тебѣ, моя жизнь, пріятно носить головной уборъ и возбуждать во мнѣ любовь своимъ пышнымъ Косскимъ нарядомъ? **)

*) Доридскихъ — въ честь Аполлона и Деметры.

**) Островъ Косъ — въ Эгейскомъ морѣ, доставлялъ легкія ткани изъ туземнаго шелка.

Что хорошаго умащать свои волосы Оронтской *) Миррой, безумно увлекаться иностранными товарами, портить природную красоту покупными средствами и тѣмъ самымъ скрывать свои блестящія внѣшнія качества?

Повѣрь мнѣ, не можетъ быть никакой прикрасы къ твоей фигурѣ: настоящая любовь не покупается придуманной формой. Посмотри, какія чудныя картины найдешь ты во вселенной: плющъ, если его не трогать, растеть пышнѣе, кустарникъ красивѣе въ глубокихъ ущельяхъ; вода прекрасно течеть по совсѣмъ незнакомой ей дорогѣ. Морскіе берега испещрены прекрасными камешками; пѣніе птичекъ доставляетъ невыразимое удовольствіе. Не нарядами Феба, дочь Левкиппа, заставила полюбить себя Кастора, не нарядами оборожила Поллукса и сестра ея Гилаира, не изъ-за наряда дочь Эвена была нѣкогда яблокомъ раздора въ своей странѣ между Идасомъ и влюбленнымъ въ нее Фебомъ; и Гипподамію **) полюбилъ ея мужъ, родомъ Фригіецъ, и увезъ на своей колесницѣ не изъ-за ея уборовъ. Лицо ея не было ничѣмъ прикрашено и всетаки было такого цвѣта, что самъ Апеллесъ срисовалъ бы его. Этимъ женщинамъ чужда была страсть влюблять въ себя каждаго. Для нихъ стыдливость была выше всякой красоты. Я не боюсь теперь, что ты поставишь меня ниже тѣхъ, которые тебя любятъ. Если дѣвушка нравится кому-нибудь, то, значить, она достаточно красива для своего обожателя: тебя же Аполлонъ не лишилъ дара вдохновенія и Калліона дала тебѣ умѣніе владѣть Аонійской ***) лирой. Въ твоихъ сладкихъ словахъ есть необыкновенная грація; ты владѣешь всѣми дарами Венеры и Минервы.

Вслѣдствіе этихъ качествъ ты, питая отвращеніе къ презрѣнной роскоши, навсегда останешься для меня дорогою.

*) Оронтъ -- цѣпь горъ у южнаго берега Каспійскаго моря.

**) Дочь Энома, царя Элиды.

***) Аонія -- область Беотіи; имя это у поэтовъ иногда обозначаетъ всю Беотію, и музы Геликона называются Aonides.

III.

Къ Цинтіи.

(Поэтъ ночью приходитъ къ Цинтіи и застаётъ ее спящей; онъ боится потревожить ее сонъ; Цинтія просыпается и упрекаетъ его за то, что онъ пришелъ такъ поздно).

Когда я, выпивъ больше, чѣмъ слѣдовало, нетвердыми стопами поздно ночью направлялся къ моей возлюбленной, и мои спутники освѣщали мнѣ дорогу факелами, Цинтія такъ-же сладко почивала, подложивъ подъ голову руки, ласкавшія (къ сожалѣнію!) не меня одного только, какъ покойно лежала на отплывавшемъ кораблѣ Тезея Гносіянка Аріадна *), какъ беззаботно покоилась въ первомъ сладкомъ снѣ отвязанная отъ скалы Андромеда **), дочь Кефея, или какъ, наконецъ, на зеленомъ лугу рѣки Апидана ***) отдыхаетъ Эракіянка, уставъ отъ продолжительной пляски. Я, еще не потерявши всеѣхъ чувствъ, пытался подойти къ ней, слегка коснувшись ее ложа. И хотя мною овладѣло страстное желаніе коснуться ее рукою и сорвать сладкій поцѣлуй (Вакхъ и Амуръ, оба жестокіе боги, внушали мнѣ это), однако у меня не хватило духу смутить покой моей возлюбленной: я боялся ее неприятныхъ упрековъ, которые мнѣ часто приходилось выслушивать. Я смотрѣлъ на нее и не сводилъ съ нея глазъ, какъ Аргосъ съ роговъ неизвѣстной ему Іо †). Я снималъ, Цинтія, съ своего чела вѣнокъ и клалъ на твою голову: мнѣ доставляло удовольствіе то поправлять твои разбросавшіеся волосы, то украдкой класть тебѣ во время твоего неприятнаго для меня сна плоды и другіе подарки, вынимая ихъ изъ одежды, и всякій разъ, когда ты, производя движеніе, испускала вздохи, я цѣпенѣлъ отъ страха и боялся, судя по ошибочнымъ этимъ, не доказывающимъ ничего признакамъ, что тебя пугаетъ какое-

*) Аріадна, дочь критскаго царя Миноса. Убилъ Минотавра, Тезей отправился съ ней на корабль въ Аѳины.

**) Андромеда, дочь царя Эѳіопіи; она была прикована къ утесу за то, что ее мать оскорбила Нереидъ, возгордившись своею красотою. Ее спасъ Персей.

***) Апиданъ — рѣка, вытекающая близъ Фарсала.

†) Іо, дочь аргивскаго царя Инаха. Ревнивой Герой она была обращена въ корову и находилась подъ охраною Аргоса.

нибудь необычайное сновидѣніе и что кто-нибудь во снѣ отъ тебя требуетъ признанія противъ твоей воли. Въ такомъ тревожномъ состояніи былъ я все время, пока свѣтъ луны, спутницы и помощницы звѣздъ, проникая въ отверстіе окна, не заставилъ Цинтію открыть смеженные вѣки. Тогда она, опершись локтемъ на мягкое ложе, говоритъ мнѣ:

«Наконецъ-то, ты пришелъ ко мнѣ, будучи прогнанъ другою женщиной, когда она заперла двери передъ твоимъ носомъ.»

«Проведя гдѣ-то цѣлую длинную ночь, ты явился ко мнѣ усталымъ и на разсвѣтѣ, когда ночныя свѣтила небесныя уже свершили свой путь. О если бы ты, безстыдный, проводилъ такія ночи, какія ты постоянно заставляешь проводить меня!»

«Я старалась отогнать сонъ, то занимаясь пряжей, распѣвая пѣсни, то, сидя въ одиночествѣ, проклинала тебя за долгое отсутствіе: наконецъ, пріятный сонъ смежилъ мои усталыя вѣки; такъ я заснула въ слезахъ, и таковы были мои мысли.»

IV.

Къ Бассу.

(Нѣкто Бассъ старался о томъ, чтобы позгъ разлюбить Цинтію. Проперціи говорить, что это ему не удастся: Цинтія не измѣнитъ ему и отомститъ жестоко Бассу).

Зачѣмъ ты, Бассъ, хвалишь мнѣ многихъ дѣвушекъ и хочешь, чтобы я измѣнилъ своей возлюбленной? Пусть уже я буду вѣренъ моей госпожѣ, сколько бы времени мнѣ ни осталось жить: я привыкъ во всемъ ея слушаться. Восхваляй, сколько твоей душѣ угодно, красоту Антіоны, дочери Никтея, или грацію спартанки Герміоны; восхваляй какую угодно изъ молодыхъ дѣвушекъ: Цинтія не ударитъ себя лицомъ въ грязь и затмитъ всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ своими качествами, хотя бы ты призвалъ строгаго судью.

Но наружность Цинтіи не есть главная причина моей страсти: есть, Бассъ, въ Цинтіи нѣчто болѣе дорогое, во что и влюбленъ я: превосходный цвѣтъ кожи, грація движеній и

ревнивая *) ея одежда. Чѣмъ болѣе ты стараешься уничтожить нашу любовь, тѣмъ менѣе это тебѣ удастся, такъ какъ мы не перестаемъ увѣрять другъ друга въ любви. Но тебѣ это не пройдетъ даромъ: когда влюбленная въ меня дѣвица узнаетъ о твоихъ дѣйствіяхъ, она измѣнитъ свои отношенія къ тебѣ и будетъ злостно упрекать тебя: Цинтія не позволитъ мнѣ сходитья съ тобою и будетъ избѣгать тебя; она не забудетъ о томъ, что ты жестоко передъ ней провинился и въ гнѣвѣ постарается выставить тебя въ дурномъ свѣтѣ передъ всѣми дѣвушками; тогда нигдѣ не будутъ принимать тебя. Въ своихъ слезахъ она не пожалѣетъ никакихъ обѣтовъ и прибѣгнетъ ко всякаго рода священнодѣйствіямъ. Больше всего можетъ взволновать Цинтію невниманіе бога любви къ тому, что у нея отнять предметъ любви — въ особенности, если она лишается меня.

Молю боговъ: пусть она останется такою, и пусть мнѣ не придется въ ней найти ничего такого, на что я могъ бы жаловаться.

V.

Къ Галлу.

(Нѣкто Галлъ подсмѣивался надъ привязанностью поэта къ Цинтіи. Проперцій совѣтуетъ ему не раздражать этимъ Цинтію: плохо ему будетъ Цинтія будетъ мучить его, если онъ разсердитъ ее.)

Завистникъ! Перестань, наконецъ, насмѣхаться; пойдемъ лучше дружно по одной и той же дорогѣ! Чего ты желаешь, безумецъ? Разсердить мою возлюбленную? Несчастный! тебѣ хочется испить чашу горькихъ бѣдствій, мучиться отъ ея гнѣвныхъ пламенныхъ рѣчей и выслушивать ея полные яда упреки. Цинтія не похожа на непостоянныхъ дѣвушекъ: плохо тебѣ будетъ, если она разсердится на тебя. Хотя она не будетъ противорѣчить тебѣ, но заставитъ испытать тебя миліонъ терзаній! Она лишитъ тебя сна; ничто не будетъ тебѣ мило: она вооружитъ всѣхъ мужчинъ противъ тебя.

*) Ср. «Падутъ ревнивыя одежды». «Русланъ и Людмила» Пушкина.

А сколько разъ ты будешь приходить ко мнѣ, отвергнутый ею: тогда у тебя не будетъ хватать словъ для выраженія твоей печали; тогда ты узнаешь тотъ ужасъ, который бросаетъ въ дрожь и заставляетъ горько плакать; черты лица твоего исказятся отъ страха, изъ устъ польются всевозможныя жалобы, въ безпамятствѣ ты не будешь сознавать, кто ты и гдѣ ты находишься. Тогда ты узнаешь, что значить быть рабомъ моей Цинтіи и какъ пріятно уйти прогнаннымъ изъ ея дома. Ты уже не будешь такъ часто удивляться моей блѣдности и тому, что я сталъ страшно худымъ. Не поможетъ тебѣ въ любви знатность происхожденія (увы! портреты знатныхъ предковъ ничего не значать для любви). Поэтому, если ты хоть немного провинишься передъ Цинтіей, о тебѣ, столь знатномъ человѣкѣ, пронесется дурная молва. Тогда я не буду въ состояніи утѣшить тебя, такъ какъ я и самъ не могу помочь себѣ въ безнадежной любви: одинаково несчастные отъ любви къ одной и той же женщинѣ мы будемъ плакать на груди другъ у друга.

Поэтому, Галль, не пытайся узнать, что можетъ сдѣлать моя Цинтія: за такой вопросъ она строго тебя накажетъ.

VI.

Къ Туллу, римскому воину.

(Тулль приглашаетъ Проперція отправиться съ нимъ въ Малую Азію; поэтъ отказывается, не желая огорчить своимъ отъездомъ Цинтіи. Цѣль жизни Проперція — любить до могилы.)

Я смѣло рѣшился бы теперь, Тулль, переплыть съ тобою Адриатическое море и плыть по Эгейскому морю, такъ какъ я восходилъ уже съ тобою на Рипейскія *) горы и былъ дальше дворца Мемнона **); но меня удерживаютъ здѣсь ласковыя слова и обьятія любимой мною дѣвы, умоляющей меня, измѣняясь въ лицѣ, остаться съ нею: она по цѣлымъ ночамъ

*) Рипейскія горы. Представленія древнихъ о нихъ были разнообразны. Нѣкоторые видятъ въ нихъ Альпы.

**) По Діодору, Мемнонъ, основатель царскаго дворца въ Сузахъ.

говорить мнѣ о своей страсти; если же она остается одна, то жалуется на то, что боги забыли объ ней; тогда она говоритъ, что уже любить другого и угрожаетъ мнѣ тѣмъ, чѣмъ обыкновенно угрожаетъ разсерженная подруга неблагодарному мужу. Передъ ея жалобами я не могу устоять и минуты: да погибнетъ тотъ, кто можетъ любить хладнокровно! Неужели для меня настолько важно познакомиться съ учеными Афинами и посмотреть на древнія богатства Азіи, что я допущу, чтобы Цинтія проклинала корабль, на которомъ я поѣду, въ безуміи рвала на себѣ волосы и говорила мнѣ съ упрекомъ, что она должна благодарить за мои поцѣлуи стихнувшей вѣтеръ и что нѣтъ ничего хуже вѣроломнаго мужа? ты не долженъ уступать своему дядѣ въ извѣстности: постарайся же возвратить забытымъ союзникамъ ихъ древнія права*).

Вѣдь ты въ продолженіе своей жизни не зналъ любви: война была единственной твоей заботой.

Да не причинить тебѣ божокъ Амуръ столько страданій и слезъ, сколько этотъ богъ принесъ ихъ мнѣ.

Оставь меня въ покоѣ, меня, которому судьба опредѣлила страдать отъ несчастной любви: пусть я отдамъ свою душу самой невѣрной женщинѣ. Многіе люди по своей волѣ долго страдали отъ любви; земля приметъ въ свои нѣдра меня, еще одного такого страдальца. Я рожденъ не для славы и не для битвъ: рокъ опредѣлилъ мнѣ нести тягости любовной службы. Поѣдешь ли, по приказанію начальства, ты по морю или пѣшкомъ направишься туда, гдѣ лежитъ вѣчно цвѣтущая Іонія**), или туда, гдѣ вода Пактола***) орошаетъ Лидійскія поля, то, если ты когда-нибудь вспомнишь обо мнѣ, будь увѣренъ, что я живу подъ жестокимъ созвѣздіемъ.

*) Тулль, къ которому написаны элегіи 1, 6 и 14, былъ племянникъ Люція Волкація Тулла, проконсула Азіи. — Августъ отнялъ у нѣкоторыхъ городовъ Азіи ихъ привилегіи; позднѣе онъ возвратилъ ихъ. Можетъ быть, дядя молодого Тулла посылаетъ его возстановить въ прежнихъ правахъ какую-нибудь провинцію.

**) Малоазіатская область.

***) Рѣка въ Лидіи (въ Малой Азіи).

VII.

Къ поэту Понтику.

(Понтикъ пишетъ на историческія темы. Проперцій пишетъ о любви. Потерпѣвшій неудачу въ любви долженъ читать его произведенія. Юноши не забудутъ его, когда онъ умретъ).

Въ то время какъ ты, Понтикъ, пишешь о Кадмейскихъ Оивахъ и о несчастномъ возстаніи брата на брата*), соперничая съ Гомеромъ (дай Богъ успѣха!), я, по своему обыкновенію, пишу о своей любви и сочиняю что-нибудь о моей владычицѣ. Пишу я не столько по природному влеченію къ писательству, сколько вслѣдствіе мрачнаго настроенія духа, и въ своихъ стихахъ говорю о тяжелыхъ временахъ моей жизни. Въ этомъ занятіи я провожу время и въ этомъ моя слава: отсюда легко придумать названіе для моихъ стиховъ.

Пусть же, Понтикъ, воздадутъ мнѣ похвалу за то, что я одинъ только понравился образованной дѣвушкѣ и выслушивалъ терпѣливо ея несправедливыя упреки.

Пусть прилежно читаетъ мои произведенія тотъ, кто потерпѣлъ неудачу въ любви, и пусть ему принесетъ пользу то, что онъ прочтетъ о моихъ бѣдствіяхъ.

Если божокъ Амуръ своею мѣткою стрѣлою поразитъ и тебя (чего я отъ души не желалъ-бы!), тебѣ придется пожалѣть о томъ, что описываемый тобою лагерь и твои семь полчищъ**) долго лежать въ забвеніи; напрасны будутъ твои усилія составить нѣжный стихъ: поздняя любовь не подскажетъ тебѣ ни одного стиха. Тогда ты часто будешь восторгаться моими стихами и будешь считать меня славнымъ поэтомъ, и я стану выше другихъ римскихъ геніевъ. На моей могилѣ юноши не будутъ стоять молча; они скажутъ: «великій поэтъ любви, ты лежишь здѣсь!»

Не относись, по своей гордости, съ пренебреженіемъ къ моимъ стихамъ:

Поздняя любовь можетъ принести тебѣ много хорошаго.

*) Война Полиника и Этеокла, сыновей Эдипа.

**) Выступавшія противъ Оивъ.

VIII^a.

Къ Цинтіи.

(Поэтъ проситъ Цинтію не уѣзжать отъ него. Его желанія: о если бы зима была вдвое длиннѣе; о если бы подулъ неблагоприятный вѣтеръ для ея плаванія и пр. Гдѣ бы ни была Цинтія, его мысль будетъ вмѣстѣ съ нею).

Въ своемъ ли ты умѣ, если моя любовь не можетъ удержать тебя отъ отъѣзда? Неужели ты меньше думаешь обо мнѣ, чѣмъ о холодной Иллиріи? или, можетъ быть, другой кто-нибудь сталъ для тебя настолько дорогимъ, что тебѣ пріятно безъ меня ѣхать куда бы то ни было?

Можешь ли ты безъ боязни слушать шумъ неумолкающаго моря или оставаться покойной на кораблѣ? Въ состояніи ли ты, Цинтія, будешь своими нѣжными ногами ходить по снѣгу и переносить непривычные для тебя холода? О если бы зимнее время, когда корабли не плаваютъ, удвоилось! тогда морякамъ долго бы пришлось ждать появленія Вергилій *) и не скоро они отвязали бы канатъ отъ Тирренскаго **) берега. О если бы услыхалъ мои мольбы неблагоприятный для твоего плаванія вѣтеръ! тогда бы мнѣ не пришлось остаться на пустынномъ берегу одному съ моими угрозами по отношенію къ тебѣ, жестокая женщина! Вотъ было бы счастье, если бы, при твоёмъ отъѣздѣ, я замѣтилъ, что неблагоприятный для твоего плаванія вѣтеръ не ослабѣваетъ!

Но, вѣроломная, какъ бы ты со мной ни поступала, да даруетъ тебѣ нимфа Галатея счастливый путь! Пусть тебѣ удастся счастливо миновать Керавны ***) и проплыть Орикъ †) при тихой погодѣ!

Никогда, жизнь моя, любовь къ другой женщинѣ не заставитъ меня умолкнуть и не произносить справедливыхъ жалобъ на порогъ твоего дома. Я постоянно буду спрашивать моряковъ: «скажите, въ какой гавани находится моя возлюблен-

*) Vergiliae -- семь звѣздъ; появляются онѣ въ концѣ весны.

**) Западный берегъ Итали.

***) Мысль у Адриатическаго моря; тамошній берегъ опасенъ для мореплавателей.

†) Городъ греческой Иллиріи.

ная?» и скажу имъ: «хотя она находится на Автарійской*) или Гилейской землѣ**), все-таки она составляетъ предметъ моей любви».

VIII б.

Къ Цинтіи.

(Цинтія рѣшила отложить свою поѣздку; радость Проперція по этому поводу; Цинтія любитъ его за его стихи; онъ гордится этою любовью и не боится соперниковъ).

Цинтія останется со мною! Она дала мнѣ клятву, что останется здѣсь! Пусть мои недруги лопнуть съ досады; я настоялъ на своемъ: Цинтія не устояла передъ моими неотступными мольбами. Теперь мои завистники не будутъ злобно радоваться: моя Цинтія оставила свою мысль о поѣздкѣ въ дальнія страны. Я дорогъ ей; поэтому и Римъ для нея весьма привлекателенъ; безъ меня ей не нужны палаты. Она предпочла покой на тѣсномъ ложѣ, лишь бы я былъ недалеко отъ нея, и пожелала лучше остаться вѣрной мнѣ, во что бы то ни шло, чѣмъ владѣть древнимъ царствомъ Гишподаміи***), получившей роскошное приданое, или сокровищами плодоносной Элиды. Она не прельщается чьими бы то ни было подарками и ни на что не промѣняетъ меня. Я заставилъ ее полюбить себя не тѣмъ, что дарилъ ей золотыя вещи или индійскій жемчугъ, а тѣмъ, что писалъ нѣжные стихи ей въ угоду. Такимъ образомъ музы и Аполлонъ быстро оказываютъ помощь влюбленнымъ. Стихи помогаютъ мнѣ въ любви: дорогая Цинтія стала моею. Теперь я счастливъ и могу прыгать отъ радости: день ли царить, тишина ли ночная — она моя. Никакой соперникъ не похититъ у меня преданной мнѣ Цинтіи. Честь быть любимымъ ею пусть принадлежитъ мнѣ до гроба.

*) По Страбону, автарійцы жили на берегу Иллирии.

**) По Геродоту, сѣверный берегъ Чернаго моря къ востоку отъ Днѣпра.

***) См. примѣчаніе ко второй элегии.

IX.

КЪ ПОНТИКУ.

(Проперцій смѣется надъ другомъ своимъ Понтикомъ (см. 7 элегію), который наконецъ самъ сталъ страдать отъ любви, совѣтуетъ ему взяться за элегіи и напоминаетъ, что любовь не легкая вещь).

Я говорилъ тебѣ, насмѣшникъ, что ты когда-нибудь будешь влюбленъ и не вѣчно будешь смѣяться надъ влюбленными; теперь ты влюбленъ и съ мольбами сдаешься на милость любимой тобою женщины, и всякая изъ дѣвушекъ, получивъ отъ тебя подарки, требуетъ твоего повиновенія. Хаонійскія голубки *) (прорицательницы) не смогутъ лучше меня опредѣлить, какія дѣвицы плѣнять тѣхъ или другихъ юношей. Скорбь и слезы не даромъ сдѣлали меня опытнымъ. О если бы я могъ, забывъ о любви, стать незнакомымъ съ этой страстью!

Какую пользу могутъ принести теперь тебѣ несчастному твои важныя стихотворенія и твоя преданность Амфіонійской**) лирѣ? Стихи Мимнерма ***) въ любви имѣютъ болѣе значенія, чѣмъ стихи Гомера: кроткая любовь жаждетъ нѣжныхъ стихотвореній. Перестань описывать печальныя вещи и воспѣвай то, что пріятно слушать какой-либо дѣвушкѣ. Плохо только будетъ, если тебѣ трудно найти матеріалъ для стихотвореній: это похоже на то, какъ если бы ты не нашелъ воды, стоя посреди рѣки.

Теперь еще ты не испытываешь жгучихъ мукъ любви: твое состояніе есть только первая искра того пожара, который скоро запылаетъ въ твоей груди. Немного послѣ ты захочешь скорѣе жить съ арменскими тиграми и испытывать муки Иксіона †), привязаннаго въ подземномъ царствѣ къ

*) Хаонійскія — Додонскія. «Я полагаю, что прорицательницы названы были у Додонянъ голубками потому, что онѣ были варварки и, казалось, говорили по птичьему». Геродотъ, II. 57.

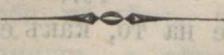
**) Амфіонъ, сынъ Зевса, любилъ пѣсни и игру на лирѣ.

***) Греческій элегикъ.

†) Иксіонъ покусился на любовь Геры; за свое злодѣяніе онъ былъ наказанъ: въ подземномъ царствѣ онъ былъ привязанъ къ огненному колесу руками и ногами.

огненному колесу, чѣмъ постоянно чувствовать, что у тебя въ груди засѣла стрѣла Амура, и не имѣть возможности ни въ чемъ отказать разгнѣванной дѣвушкѣ. Любовь не окрыляетъ человѣка такъ, чтобы иногда его не помучить. Но радуйся особенно, если твоя возлюбленная будетъ говорить тебѣ, что она расположена къ тебѣ: она еще больше доставитъ тебѣ заботъ, Понтикъ, если она тебя любитъ: трудно будетъ отвести отъ нея взоры, и любовь къ ней не позволитъ думать о другой; страшно дѣйствуетъ любовь, когда она доидетъ до мозга костей.

Кто бы ты ни былъ, не слушай льстивыхъ рѣчей: имъ можетъ поддаться и кремень и дубъ; какъ же можешь устоять ты, слабое созданіе? Поэтому, хотя тебѣ и будетъ стыдно, какъ можно скорѣе сознайся въ своей слабости: повѣрь мнѣ, гораздо легче становится на сердцѣ, если о твоей любви знаютъ другіе.

Теперь еще ты не признаешься въ любви, потому что твои друзья не знаютъ твоихъ чувствъ. Но когда ты признаешься имъ, то они будутъ знать твою слабость и будутъ помогать тебе. Не бойся признаться въ своей слабости, потому что это не уменьшитъ твою славу, а только увеличитъ твою любовь.

(*) Христіанство — религія, основанная на любви. Оно учитъ насъ любить друг друга, какъ себя, и любить своихъ ближнихъ, какъ себя. Оно учитъ насъ быть добрыми и честными людьми. Оно учитъ насъ быть смиренными и кроткими. Оно учитъ насъ быть верными и стойкими. Оно учитъ насъ быть справедливыми и честными. Оно учитъ насъ быть любящими и милосердными. Оно учитъ насъ быть добрыми и честными людьми.

(**) Амфилохій, епископъ Селевскій, въ своемъ посланіи къ епископу Кесарійскому, говоритъ: «Любовь — это языкъ истины». Это значитъ, что любовь — это то, что соединяетъ людей и делаетъ ихъ добрыми и честными.

(†) Платонъ, въ своемъ диалогѣ «Симпозіумъ», говоритъ: «Любовь — это стремленіе къ добру и къ совершенству». Это значитъ, что любовь — это то, что заставляетъ насъ стремиться къ тому, что лучше и что совершеннее.

Ибо все то, что изъ многихъ частей состоитъ, то не можетъ
Свойствъ тѣхъ имѣть, чѣмъ частицы начальныя тѣла обладаютъ:
Тяжесть, способность къ удару, различныя связи, движенье,
Также способность къ сближенью, чрезъ что происходятъ всѣ
вещи. 635

Вотъ почему, кто училъ, что огонь былъ началомъ вещей
всѣхъ,

Что изъ огня одного вся вселенная вышла, создавшись,
Сильно, какъ кажется мнѣ, уклонились отъ вѣрной дороги.
Выступилъ первымъ въ борьбу Гераклитъ за свое положенье,
Волѣ славный за темный языкъ межъ людей неразумныхъ,
Чѣмъ среди грековъ ученыхъ, искателей истины, правды. 640
Вѣдь недалекіе больше тому удивляются, то лишь
Любятъ, что скрыто въ неясныхъ словахъ, въ выраженіяхъ
темныхъ,

Вѣрнымъ считая все то, что красиво касается слуха
Ихъ, и затѣмъ, что подкрашено плавностью звучной, пріятной.

Правда, откуда могли появиться столь разныя вещи, 645
Если онѣ изъ огня одного только всѣ создаются?
Какъ и сгущенье огня, такъ его разрѣженье не могутъ
Здѣсь ничего совершить, если пламени части природу
Будутъ такую-жъ имѣть, какъ и самое пламя имѣеть.
Сблизятся части огня — его пламя становится ярче, 650
Врозь разойдутся, разсѣются въ стороны — пламя слабѣеть.

Что-нибудь больше, чѣмъ это, не думай, что можетъ свершаться
Творческой силой огня и конечно возникнуть не могутъ
Изъ разрѣженья его и сгущенья всѣ разныя вещи.

Если признали бы тѣ, что въ вещахъ пустота существуетъ, 655
Чтобъ допустить имъ затѣмъ ужъ сгущенье огня съ разрѣ-
женьемъ!

Ихъ положеніемъ много противнаго вида, проходятъ
Это молчаньемъ они: пустоты избѣгая признанья,
Въ страхѣ предъ трудной дорогой путь истинный ими утерянъ.
Также не видятъ того они, что съ удаленьемъ Пустого 660
Все бы сплотилось, сгустившись, и тѣло одно бы явилось
Изъ остальныхъ всѣхъ вещей, отъ себя ничему не давая
Прочь отторгаться; но пламя и свѣтъ, и тепло испускаетъ,
Такъ что оно состоитъ не изъ плотно сомкнутыхъ частичекъ.

Если-жъ они полагаютъ, что какъ-нибудь пламя потухнетъ, 665
Вмѣстѣ сплотясь, и затѣмъ огневую природу измѣнить,
Если они вообще допускаютъ такую возможность —
Все это пламя, конечно, въ ничто вѣдь должно обратиться:

- Изъ ничего бы тогда создавались тѣ вещи, какія творятся,
 670 Ибо, когда, измѣняясь, природу свою покидаетъ
 Что-либо, гибнетъ тотчасъ же то самое, что было раньше.
 Такъ неизбѣжно, чтобъ что-нибудь было всегда невредимымъ,
 675 Чтобы всё вещи въ ничто у тебя не могли обратиться
 И не являлись онѣ же всё, изъ ничего возраждаясь.
 Нынѣ же, такъ какъ вполне намъ извѣстны такія частицы,
 Что постоянно въ себѣ сохраняютъ все ту же природу —
 Съ ихъ удаленьемъ, съ приходомъ и съ ихъ измѣненъемъ въ
 порядкѣ,
 Сами тѣла всё и вещи природу свою измѣняютъ —
 Эти частицы вещей изъ огня быть, конечно, не могутъ.
 680 Значило что бы прибытье однихъ, иль другихъ удаленье,
 Иль прибавленье иныхъ, а у тѣхъ — измѣненье въ порядкѣ,
 Если-бъ онѣ всё имѣли такую-жъ природу, что пламя?
 Все бы огнемъ тогда было, что только они создавали.
 Мнѣнье мое же такое: тѣла существуютъ, которыхъ
 685 Форма, движенье, сближенье, порядокъ, затѣмъ положенье
 Пламя собой производятъ: мѣняя порядокъ, мѣняютъ
 Съ тѣмъ же природу огня—они съ нимъ совершенно несходны,
 Также съ иною какой-либо вещью, которая можетъ
 Трогать собой наши чувства, свои отдѣляя частицы.
 690 Далѣе, вещи стнемъ признавать всё и думать, что кромѣ
 Пламени быть въ ихъ числѣ ничему невозможно иному,
 Какъ это дѣлаетъ тотъ Гераклитъ, признаю неразумнымъ.
 На основаніи чувствъ нашихъ борется онъ противъ чувствъ же,
 Въ то разрушая всю вѣру, чему мы единому вѣримъ,
 695 Самъ же лишь ими постигнувъ и то, что огнемъ называетъ.
 Думаетъ онъ, что огонь познаютъ ощущенія наши,
 Прочее — нѣтъ, а для насъ все оно вѣдь не менѣе ясно.
 Это все кажется мнѣ и пустымъ, и безумнымъ; чему же
 Вѣрить мы станемъ, что можетъ для насъ быть яснѣе, чѣмъ
 чувства?
 700 Чѣмъ бы отъ ложнаго правду могли отличать мы вѣрнѣе?
 Кромѣ того, почему кто-нибудь отрицать все скорѣе
 Сталь бы, огня одного бытіе оставляя въ природѣ,
 Чѣмъ допустивши все то, онъ огня бытіе не призналъ бы? —
 Вѣдь одинаково будетъ безумнымъ и то, и другое.
 705 Такъ что, какъ тѣ, кто началомъ вещей всёхъ огонь при
 знавали,
 Мысля, что можетъ вселенная вся изъ огня одного быть,
 Также и тѣ всё, кѣмъ воздухъ считался началомъ вселенной,

Вмѣстѣ же съ ними и тѣ, что могли полагать, будто влага
 Вещи сама создала, или, далѣе, будто земля все
 Въ мірѣ рождаетъ, всѣ вещи съ ихъ разной природой со- 710
 здавши —
 Сильно, какъ кажется мнѣ, уклонились отъ вѣрной дороги.
 Къ нимъ же прибавь ты и тѣхъ, кто начала вещей удвоить,
 Воду сближая съ землею, и съ пламенемъ воздухъ сближая;
 Далѣе — мыслящихъ, будто четыре начальныхъ стихіи
 Въ мірѣ все создали: пламень, и воздухъ, и влага съ землею. 715
 Первымъ явился среди нихъ Эмпедокль, гражданинъ Агри-
 Этому мужу отечествомъ земли Сициліи; островъ [гента;
 Тотъ омываютъ собой Іонійскія воды и солью
 Волнъ темносинихъ своихъ берега у него усыпаютъ.
 Въ узкомъ проливѣ предѣлы его отдѣляетъ волнами 720
 Бурномогучее море отъ странъ Италійскихъ Харибда,
 Страхъ наводящая тамъ, угрожаетъ тамъ грохотъ Этнейскій
 Снова обрушиться пламеннымъ гнѣвомъ своимъ, и изъ пасти
 Жерлъ своихъ снова извергнуть потоки расплавленной лавы,
 Снова до неба добросить сверканіе огненныхъ молній. 725
 Людямъ хотя бы во многомъ великой и дивной казалось
 Эта страна и считалась достойною ихъ посѣщенья,
 Полная всякихъ богатствъ, укрѣпленная силой народа,
 Все таки нѣтъ ничего, что бѣ славнѣй того мужа что было
 Въ ней, иль священнѣй, прекраснѣе, иль удивленья достойнѣй. 730
 Такъ, исходя изъ божественной груди, его пѣснопѣнья
 Громко звучать, излагая открытыя великія славой,
 Что едва вѣринь, что онъ происходитъ изъ смертнаго рода.
 Впрочемъ и онъ, какъ и тѣ, о которыхъ мной сказано
 Тѣ, кто и ниже его, и во многомъ его незамѣтнѣй, [раньше, 735
 Сдѣлавши много прекрасныхъ, божественныхъ какъ бы, открытій,
 Словно изъ тайныхъ святилищъ ихъ сердце давая отвѣты
 Много священнѣй, яснѣй и разумнѣе Пиеи той, что,
 Лавромъ главу увѣнчавъ, изрекаетъ съ треножника Феба,
 Сильно однако въ началахъ вещей уклонившись отъ правды, 740
 Сами великими будучи, пали великимъ паденьемъ.
 Такъ допускаютъ движеніе они, но пустого пространства
 Не признаютъ и, въ природѣ неплотное все оставляя
 Воздухъ, огонь, затѣмъ солнце и землю, плоды и животныхъ —
 Не допускаютъ, однако, въ тѣлахъ ихъ пространства пустого. 745
 Далѣе то, что, считая дѣленіе тѣлъ безконечнымъ,
 Не полагаютъ возможнымъ они ихъ дробленію предѣловъ
 Ставить, въ вещахъ наименьшихъ частицъ допускать не желая.

Видимъ межъ тѣмъ, что въ дѣлимости каждаго тѣла предѣльность
 750 Крайняя есть: въ ней частицы для насъ наименьшими будутъ.
 Можешь отсюда теперь заключить ты, что крайнимъ предѣломъ
 Будетъ въ вещахъ наименьшее — видѣть его невозможно.

Кромѣ того признаютъ они мягкими тѣла всѣхъ начала,
 Все же неплотное, видимъ мы, какъ и къ рожденю способно,
 755 Такъ и подвержено смерти и если - бѣ начала вещей всѣхъ
 Были такими, всѣ вещи давно бы въ ничто обратились.
 И возражаясь затѣмъ, всѣ-бы изъ ничего появлялись.
 Знаешь ты самъ, какъ далеко отъ правды и то, и другое.

Часто враждебны другъ другу начала, какія они допускаютъ;
 760 Гибельны даже бываютъ: они или, сблизясь, погибнуть,
 Или разсѣются, какъ при внезапно поднявшейся бурѣ
 Молніи, вѣтры и ливни всѣ въ разныя стороны мчатся.

Если, затѣмъ, все творится изъ тѣхъ четырехъ элементовъ,
 Если всѣ вещи въ природѣ на нихъ разлагаются снова,
 765 То почему же скорѣй они могутъ началами зваться,
 Чѣмъ чтобъ напротивъ считались началами ихъ самихъ вещи?
 Другъ вѣдь изъ друга они происходятъ и форму мѣняютъ,
 Какъ и природу свою постоянно всю; если-жъ случайно
 Думаешь ты, что въ единое тѣло могли бы сплотиться

770 Пламя съ землею, иль съ влагою воздухъ небесный смѣшаться
 Такъ, чтобъ природу свою сохранить неизмѣнной, —
 Вещь ни одна у тебя не могла бы изъ нихъ появиться:

Ни, что съ душою живой, ни, какъ дерево, съ тѣломъ бездушнымъ,
 Такъ какъ въ скопленіи этомъ различныхъ вещей обнаружить
 775 Каждая часть природу свою — ты увидишь, что воздухъ
 Вмѣстѣ съ землею тамъ смѣшанъ, иль пламя тамъ смѣшано
 съ влагой.

Но вѣдь начала вещей, чтобы тѣ создавались, должны быть
 Скрыты по самой природѣ для чувствъ нашихъ, имъ недоступны,
 Чтобъ ничего не являлось, что можетъ препятствовать, чтобы

780 Все, что творится, то свойствами лишь обладало своими.

Тѣ же свои элементы изводятъ отъ неба и молній,
 Прежде всего говоря, что огонь обращается въ воздухъ,
 Воздухъ же влагу рождаетъ, изъ влаги земля создается;
 Далѣе все изъ земли начинаеть твориться — такъ влага

785 Раньше другихъ появляется, воздухъ и пламя за нею.
 Нѣтъ замедленія въ ихъ перемѣнахъ взаимныхъ; нисходятъ
 Съ неба къ землѣ, отъ земли они къ звѣздамъ восходятъ небеснымъ.

Такъ измѣняться, однако, началамъ вещей невозможно —
 Нѣчто должно же въ вещахъ оставаться всегда неизмѣннымъ,

Чтобы онѣ не могли совершенно въ ничто обратиться, 790
 Ибо, когда измѣняясь, природу свою покидаетъ
 Что-либо, гибнетъ тотчасъ же то самое, что было раньше,
 Такъ какъ замѣны свершаются, какъ уже сказано выше, 838
 Въ этихъ началахъ, то имъ изъ того состоять неизбежно,
 Что никогда измѣненью подвержено быть ужъ не можетъ. 795
 Чтобы всѣ вещи въ ничто у тебя не могли обратиться.

Много разумвѣй призналъ бы ты, что существуютъ частицы
 Свойствомъ такія, что если огонь создавать онѣ могутъ, 818
 То съ удаленьемъ немногихъ изъ нихъ, иль немного прибавивъ,
 Способъ движенья другимъ замѣнивъ и порядокъ, онѣ же 800
 Могутъ и воздухъ создать, измѣняясь и въ вещи инныя.

Ясно, однако, ты скажешь, что вещи поднимаются въ воздухъ,
 Всѣ возростая изъ лона земного, оттуда-жъ питаются; 848
 Во время если погода не будетъ удобной, съ дождями,
 Если отъ ливней верхушекъ своихъ не качаютъ деревья, 805
 Если бы землю не стало лелѣять тепломъ своимъ солнце,
 То не росли существа бы живыя, хлѣба и дерева.

Если бъ и насъ поддерживать пища сухая не стала
 вмѣстѣ со влажной, тѣлесныя силы утративъ, и жизнь бы 850

Мы потеряли — она бы исчезла изъ мышцъ и костей всѣхъ. 810
 Такъ какъ питать и поддерживать жизнь свою мы несомнѣнно
 Можемъ вещами извѣстными, тѣ въ свою очередь такъ же,
 Ибо во многихъ вещахъ мы имѣемъ началъ много общихъ,
 Смѣшанныхъ между собою разумно — поэтому вещи 858
 Разнаго рода отъ разныхъ вещей получаютъ питанье. 815

Часто значенія много имѣеть, въ какомъ положеніи
 Или съ какими началами сблизятся тѣ же начала;
 Также, какое движенье даютъ или сами пріемяютъ.

Создали тѣ же начала и небо, и море, и земли, 860
 Рѣки и солнце, все тѣ же — деревья, плоды, все живое; 820
 Двигутся впрочемъ различно, одни сочетаясь съ другими.

Даже въ стихахъ этихъ самыхъ моихъ можешь видѣть ты всюду
 Многіе, общіе многимъ словамъ элементы, или буквы,
 Должно хотя неизбежно признаться тебѣ, что различны 865
 Между собою стихи и слова по значенію и звукамъ: 825
 Такъ эти буквы сильны лишь однимъ измѣненьемъ въ порядкѣ:
 Болѣе свойствъ, сочетаясь, начала вещей проявляютъ —
 Разныя вещи поэтому всѣ создаются отсюда.

Нынѣ изслѣдуемъ Анаксагора подобье частичекъ: 870
 Греки гомэмеріей ученье зовутъ это, намъ же 830
 Выразить словомъ однимъ не даетъ его скудный языкъ нашъ;

Самую сущность ученя, однако, легко изложить намъ,
Что, какъ начало вещей всѣхъ, гомеомеріей назвалъ онъ.

Кости являются тамъ изъ мельчайшихъ костей, наименьшихъ;

835 Внутренность вся создается изъ мелкихъ такихъ же частичекъ;
Кровь возникаетъ, затѣмъ, изъ скопленія между собою
Многихъ числомъ своимъ капель, частичекъ такой же все крови.
Также и золото, думаетъ онъ, состоитъ изъ крупинокъ
Золота; мелкія части земли создаютъ собой землю.

840 Пламя возникло изъ пламени, влага — изъ влаги частичекъ
Мелкихъ, и все остальное считаетъ онъ созданнымъ такъ же.

Онъ же, въ вещахъ пустоты допускать не желая,
Не признаетъ и въ дѣлимости тѣлъ никакого предѣла —
Такъ что въ обоихъ своихъ положеніяхъ онъ заблуждался,

845 Кажется мнѣ, какъ и тѣ, о которыхъ мной сказано выше.

Къ этому слишкомъ непрочныя онъ полагаетъ начала,
Если началами могутъ частицы такой же природы

Быть, что и самыя вещи; для нихъ точно такъ же возможно
Гибнуть — отъ гибели этой ничто удержать ихъ не можетъ,

850 Ибо вѣдь чтѣ изъ нихъ выдержать мощныя смерти объятя

Смогутъ, чтобъ быть въ состояніи гибели тяжкой избѣгнуть?
Чтѣ изъ нихъ? Пламя иль воздухъ, иль влага, иль кровь, или
кости?

Думаю я, что ничто, такъ какъ всякая вещь совершенно
Смертною будетъ на столько, на сколько и то все, что явно,

855 Сломлено силой какой либо, съ нашихъ очей исчезаетъ.

То же, что вещи не могутъ въ ничто обращаться и снова
Изъ ничего возникать — доказательства этому раньше привелъ я.

Далѣе, пища, питая, намъ тѣло собой умножаетъ;

Стало быть, вены у насъ, какъ и кровь, также мышцы и кости
Всѣ состоятъ изъ частицъ, по природѣ ужъ съ ними несходныхъ.

860 Если же скажутъ они, будто смѣшана всякая пища —
Нашего тѣла частицы въ себѣ она всѣ заключаетъ:

Нервовъ частички и жилъ и костей, также крови частицы —
Всякая пища тогда и сухая, и влажная будетъ считаться,

865 Что состоитъ изъ вещей разнородныхъ она и несходныхъ,

Будучи смѣсью изъ нервовъ съ костями, изъ жилъ и изъ крови.
Если въ землѣ заключаются вещи, которыхъ начало

Будетъ въ землѣ, то послѣдней тогда состоятъ неизбежно
Изъ съ ней несходныхъ частицъ, чтѣ изъ той же земли возникаютъ.

870 Ты ко всему примѣнить положенье такое же можешь:

Если скрывается въ деревѣ пламя и дымъ вмѣстѣ съ пепломъ,
То изъ частицъ съ нимъ несхожихъ оно состоитъ несомнѣнно.

Здѣсь оставляется, впрочемъ, и эта возможность скрыватьсѣ —
 Къ ней обращается Анаксагоръ, полагая, что вещи
 Всякаго рода, мѣшаясь со всѣми вещами, въ нихъ скрыты, — 875
 Явно, однако, лишь то, чего больше количество въ смѣси,
 Что на виду, или что на поверхности самой предмета.
 Мнѣнье такое весьма уклонилось отъ вѣрной дороги;
 Слѣдуетъ вѣдь изъ него, чтобы зерна, дробимыя мелко
 Камнемъ, слѣды оставляли бы крови, и также иное, 880
 Чѣмъ все питается, что только въ тѣлѣ находится нашемъ;
 Если мы камень о камень ударимъ, то кровь выступала-бъ;
 Также и травамъ должно-бъ испускать было часто такія
 Сладкія капли молочныя, вкусомъ подобныя тѣмъ, что 885
 Въ вымени носятъ своемъ руноносныя овцы, и часто
 Стало быть въ глыбахъ земли измельченныхъ мы видѣть могли бы
 Травы различныхъ породъ: тамъ частицы и зеренъ, и листьевъ
 Были-бъ разсыяны — въ мелкомъ бы видѣ въ землѣ все скрывалось.
 Пепель и дымъ, наконецъ, мы въ дровахъ могли видѣть тогда бы:
 Если бы ихъ раздробить, тамъ огонь измельченный скрывался-бъ, 890
 Ясно однако мы видимъ, что такъ никогда не бываетъ,
 Нѣтъ и смѣшенья, конечно, такого вещей всѣхъ съ вещами;
 Но сѣмена, находясь въ ихъ различномъ смѣшеньи и общи
 Будучи многимъ вещамъ, неизбѣжно скрываться должны въ нихъ.
 Часто, однако, бываетъ, ты скажешь, на горныхъ вершинахъ 895
 Верхнія части сосѣднихъ деревьевъ отъ тренья другъ съ другомъ —
 Что вынуждаютъ ихъ дѣлать порывы могучіе вѣтровъ —
 Вспыхивать пламенемъ могутъ, когда въ нихъ огонь соберется.
 Будетъ пусть такъ; все-жъ въ деревьяхъ огонь заключаться не
 можетъ, 900
 Но тепловыхъ элементовъ тамъ много сокрыто: отъ тренья
 Сблизившись, тотчасъ они заставляютъ дѣса загораться.
 Если бы столько огня находилось въ деревьяхъ, тогда бы
 Пламени было нельзя и единого мига скрываться — повсюду
 Всѣ бы дѣса истребляло оно, закигая деревья. 910
 Развѣ не видишь ты, что, какъ указано ранѣе мною,
 Часто значенія много имѣетъ, въ какомъ положеньи,
 Или съ какими началами сблизятся тѣ же начала,
 Также, — какое движенье даютъ или сами приѣмлютъ?
 Между собой измѣнивши немного порядокъ, они же
 Пламя изъ нихъ создаютъ, какъ и въ этихъ словахъ даже самыхъ 910
 Ихъ элементы, иль буквы, немного иначе поставивъ,
 Можемъ изъ слова мы lignum иное имѣть слово ignis.

- Если же думаешь ты, наконецъ, что доступные нашимъ
 915 Чувствамъ предметы иначе твориться не могутъ, какъ только
 Если представить начала у нихъ однородными съ ними,
 То при такомъ положеніи начала всего исчезаютъ:
 Были-бъ начала такія, которыя могутъ смѣяться,
 Какъ и такія, что щеки отъ слезъ могутъ влажными дѣлать.
- Нынѣ яснѣе услышь и узнай, что осталось сказать мнѣ;
 920 Нѣтъ, отъ души не укрылось моей, какъ познать это трудно.
 Но мое сердце надежда на славу разить своимъ тирсомъ,
 вмѣстѣ съ тѣмъ въ грудь мнѣ вливаетъ любовь она сладкую
 къ музамъ.
- Этой любовью теперь вдохновленный, я съ бодрой душою
 Въ мѣстности музъ піэриды отдаленной блуждаю, которой
 925 Раньше ничья не касалась стопа; мнѣ пріятно изъ чистыхъ
 Пить тамъ ручьевъ, молодые цвѣты мнѣ пріятно срывать тамъ,
 Чтобы оттуда вѣнокъ принести славный, откуда цвѣтами
 Музы ничьей головы не украсили раньше, вѣнчая.
- Прежде всего, о великихъ вещахъ поучая, стремлюсь я
 930 Души исторгнуть изъ тѣсныхъ религиі узъ, ихъ гнетущихъ;
 Свѣтлыя пѣсни затѣмъ я слагаю о дѣлѣ неясномъ,
 Все орошая ниспосланнымъ музами сладкимъ искусствомъ.
 Съ яснымъ намѣреніемъ дѣлаю такъ я, съ разумною мыслью —
 Словно какъ дѣтямъ врачи, назначая полынную воду
 935 Горькую, прежде чѣмъ пить подають имъ, края у бокала
 Сладкой, златистою влагой медвяной кругомъ орошаютъ,
 Такъ чтобы дѣти въ обманъ введены были губъ ощущеніемъ —
 Горькую влагу полыни они, беззаботныя, выпьютъ
 И, въ заблужденіе введенныя этимъ, вреда не потерпятъ,
- Но, подкрѣпленныя средствомъ такимъ, они только окрѣпнутъ.
 940 Такъ же и я — потому что ученіе это для многихъ,
 Кто еще завяты имъ не былъ, сухимъ показалось бы слишкомъ,
 Прочь и толпа отъ него отстранилась бы — сладкою пѣснью
 Музъ піэриды пожелалъ изложить предъ тобой мои мысли,
- Ихъ оросивши какъ будто бы музъ этихъ сладостныхъ медомъ.
 945 Если бы такъ мнѣ вниманье души твоей было возможно
 На пѣснопѣньи моемъ удержать до тѣхъ поръ, пока яснымъ
 Станетъ тебѣ совершенно природы вещей устроеніе!
- Такъ какъ сказалъ я — частицы матеріи плотныя вѣчны,
 950 Все безконечное время онѣ нерушимо проходить.
 Нынѣ рассмотримъ: конецъ совокупности ихъ существуетъ.
 Или же нѣтъ? а затѣмъ, такъ какъ мы пустоту отыскали,
 Или пространство — какъ мѣсто, въ которомъ свершаются вещи,

То мы посмотримъ теперь: у вселенной найдутся-ль границы
Иль безконечна она и нигдѣ не имѣеть предѣловъ.

955

Миръ весь, какъ есть онъ, черты пограничной нигдѣ не
Ибо тогда у вселенной предѣлы бы крайніе были; [имѣеть,
Крайнимъ предѣламъ однако навѣрное быть невозможно,
Если не будетъ чего-нибудь, можно бы было откуда

Видѣть ихъ, дальше чего не могли-бъ наши взоры проникнуть.

960

Такъ какъ должны допустить мы, что нѣтъ ничего за вселенной,
Нѣтъ у ней крайнихъ предѣловъ — ее безконечной признаемъ,
Такъ что значенія нѣтъ, въ какомъ мѣстѣ ея ты ни сталъ бы,
Или какую бы область кто занялъ въ ней: все таки долженъ
Въ стороны всѣ онъ пространство равно безпредѣльное видѣть.

965

Если бы, кромѣ того, ограниченнымъ миръ признавался —
Что, если кто-нибудь, крайнихъ предѣловъ вселенной достигнувъ,
Вздумалъ бы бросить оттуда копье свое быстрое? Съ силой
Мощной оно, полагаешь ты, вдаль полетѣвъ понеслось бы,
Въ сторону ту направляясь, куда оно послано было?

970

Или полету его что-нибудь воспрепятствовать можетъ?

Что-либо должно одно допустить тебѣ, вѣрнымъ принявши;

То и другое, однако, тебѣ заграждаетъ возможность

Мира конечность признать — ты допустишь, что онъ безпредѣленъ,

Такъ какъ иль есть что-нибудь, что мѣшать и препятствовать
можетъ,

975

Чтобы копье долетѣло, куда оно брошено было,

Или же вдаль бы умчалось оно, не достигнувши цѣли.

Если ты гдѣ-либо крайній предѣлъ помѣщаешь, спрошу я —

Что-жъ, наконецъ, полагаешь ты, будетъ съ копьемъ тѣмъ?

Будетъ лишь то, что предѣла ему положить невозможно,

Такъ какъ пространство всегда вѣдь позволить летѣть ему
дальше.

980

Если бы, кромѣ того, отовсюду пространство вселенной

Было въ предѣлахъ извѣстныхъ и точныхъ границъ заключеннымъ,

Если бы было конечнымъ оно — вещества всѣ частицы

Тяжестью самой своей должны были бъ внизъ устремиться.

Вещь ни одна не могла бы рождаться подъ сводомъ небеснымъ,

Не было самого неба тогда бы и не было солнца.

Ибо начала всего, въ одну груду сплотившись, лежали-бъ,

Падая внизъ другъ за другомъ въ теченье вѣковъ безконечныхъ.

Нынѣ же нѣтъ никакого покоя начальнымъ частицамъ,

Такъ какъ въ природѣ нѣтъ мѣста такой голубины безпредѣльной,

Гдѣ бы могли тѣ начала, ниспавши, остаться на мѣстѣ.

Вѣчно, въ движеніи всегда постоянномъ рождаются вещи

990

- Всѣ, и во всѣхъ частяхъ міра для ихъ созиданья берутся
 995 Изъ безпредѣльной вселенной частицы матеріи вѣчной.
 Ясно для нашихъ очей, что одна вещь граничитъ съ другою:
 Воздухъ граничитъ съ горами, и съ воздухомъ горы граничатъ,
 Морю границей земля, и всѣ земли граничатся моремъ.
 Нѣтъ ничего впрочемъ, что бы могло быть границей вселенной:
 1000 Такъ безпредѣльна вѣдь область всего мірового пространства;
 Что и великія, быстрыя рѣки вѣка за вѣками
 Скорымъ теченьемъ своимъ постояннымъ ее не могли бы
 Всѣ пробѣжать, или сдѣлать, чтобъ меньше имъ течь оставалось.
 Столь необъятно великимъ является это пространство,
 1005 Въ стороны всѣ безъ конца, безъ границъ простираясь повсюду.
 Дѣлаетъ даже Природа сама, что не можетъ предѣла
 Быть у вселенной: она положила, чтобъ тѣлу границей
 Было пустое пространство, оно же — граничило-бъ съ тѣломъ;
 Эти границы другъ съ другомъ и дѣлаютъ міръ безконечнымъ.
 1010 Если изъ нихъ бы одно не служило границей другому,
 Все безпредѣльнымъ однимъ чѣмъ-нибудь тогда будетъ въ при-
 Морѣ тогда и земля, какъ и ясное неба пространство [родѣ.
 Племя людей, даже боги тогда не могли бы, конечно,
 Самую малую времени часть пребывать во вѣденной,
 1015 Такъ какъ частицы тогда-бъ вещества другъ отъ друга отторглись
 Всѣ и разсѣяться были должны въ пустотѣ безграничной;
 Или скорѣй вещество ничего и создать не могло бы,
 Ибо частицы его не могли-бъ собираться, разсѣясь.
 Эти начала безъ всякаго плана, конечно, безъ всякой
 1020 Мысли разумной въ такомъ всѣ порядкѣ своемъ размѣстились,
 Между собой не рѣшая, какое принять имъ движенье,
 Но, измѣняясь различно, они въ безконечномъ пространствѣ
 Многимъ и разнаго рода случайнымъ удагамъ подверглись,
 Способы всѣ испытавши движеній и также сближеній,
 1025 Приняли лишь наконецъ положенья такія, въ которыхъ
 Эту вселенную всю состоящей находимъ мы нынѣ.
 Многое, долгое время природа хранитъ положенья
 Этихъ начальныхъ частицъ, разъ онѣ всѣ сплотились удобно,
 Дѣлая, что обновляется морѣ рѣчными волнами,
 1030 Почва, согрѣтая теплыми солнца лучами, рождаетъ
 Снова плоды каждый годъ; существа, одаренныя жизнью,
 Могутъ являться; плывущія звѣзды ээира не гаснутъ.
 Такъ не могло бы свершаться, когда бъ не являлось
 Множество этихъ начальныхъ частицъ изъ вселенной, откуда
 1035 Можетъ всегда замѣняться все то, что утрачено будетъ.

Какъ все живое, лишнее пищи, убавившись въ тѣлѣ
 Мало по малу, погибнетъ — исчезнуть всему остальному
 Такъ же должно, если бѣ, въ сторону прочь отклонившись съ
 дороги,

Атомы всѣ перестали являться другимъ на замѣну.
 Но и удары частичекъ извнѣ содержатъ отовсюду 1040
 Всю совокупность вселенной въ предѣлахъ, однако, не могутъ.
 Частыми могутъ удары тѣ быть, и затѣмъ имъ возможно
 Атомовъ часть удержать, пока явятся для созиданья
 Прочіе; но имъ должно иногда отражаться взаимно,
 Мѣсто началамъ вещей доставлять и для бѣга ихъ время, 1045
 Чтобъ въ состояніи были они разноситься повсюду.
 Слѣдуетъ такъ имъ, конечно, являться однимъ за другими,
 Но, чтобъ могли наполнять они сами пространство вселенной,
 Должно повсюду тогда для матеріи быть безпредѣльной.

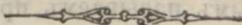
Въ этомъ всемъ, Мемміи, тому избѣгай, впрочемъ вѣрить,
 что будто 1050
 Все устремляется, какъ помнютъ, къ срединѣ вселенной;
 Будто поэтому міру возможно держаться безъ всякихъ
 Внѣшнихъ ударовъ, и части его разрушаться не могутъ
 Верхнія такъ же, какъ нижнія: все устремляется къ центру.
 Вѣрить ли кто, что держаться своей силой что-нибудь можетъ 1055
 Или, что вещи къ намъ, съ той стороны земли вверхъ поднимаясь,
 Здѣсь, на поверхности почвы, становятся въ видѣ обратномъ,—
 Какъ отраженья вещей всѣхъ къ водѣ мы обратными видимъ?

Учатъ иные, что такъ же на той сторонѣ, какъ на этой,
 Ходятъ животныя—внизъ съ земли въ небо однако же падать 1060
 Вовсе не болѣе могутъ, чѣмъ нашимъ тѣламъ своей волей
 Можно отсюда, съ земли, подниматься въ пространство эира;
 Звѣзды мы видимъ ночныя, когда они видятъ тамъ солнце;
 Сутокъ же время у нихъ переменное съ нами и ночи, 1065
 Такъ же какъ дни, у нихъ точно такія жъ бываютъ, какъ наши.

Создано мнѣнье такое однимъ заблужденьемъ: избрали
 Путь совершенно невѣрный они уже въ самомъ началѣ —
 Гдѣ безпредѣльно пространство, тамъ быть невозможно для центра.
 Или ужъ если тотъ центръ гдѣ нибудь существуетъ, то все же
 Именно тамъ почему оставаться должны скорѣй вещи, 1070
 Чѣмъ быть въ какой-нибудь части вселенной, иной совершенно?
 Мѣсто, которое мы міровымъ называемъ пространствомъ,
 Равнаго вѣса вещамъ уступать должно путь—черезъ центръ ли,
 Иль внѣ его устремятся куда либо тѣ въ ихъ движеньи.

Нѣтъ также мѣста такого, котораго вещи достигнувъ, 1075

- Вѣсь свой теряли-бъ, затѣмъ въ пустотѣ удержаться могли бы.
 Мѣсто пустое не можетъ поддерживать ихъ, но лишь только
 Что дозволяетъ природа его—давать путь ихъ движенью.
 Стало быть, такъ находиться въ скопленіи вещи не могутъ,
 1080 Если-бъ онѣ и охвачены были стремленьемъ къ срединѣ.
 Кромѣ того говорятъ, что не всѣ тѣла, впрочемъ, стремятся
 Къ центру, но тѣ только, что изъ земли состоятъ и изъ влаги—
 Воды морскія и рѣки, которыя съ горъ ниспадаютъ,
 Также все прочее, что лишь земную природу имѣетъ;
 1085 Но утверждаютъ однако, что тонкій по сущности воздухъ,
 вмѣстѣ со жгучимъ огнемъ, устремляется прочь отъ средины:
 Звѣздами блещетъ отсюда своими эфиръ весь, и пламень
 Солнца питаніе свое получаетъ въ лазури небесной,
 Ибо весь жаръ, убѣгая отъ центра, собираетъ тамъ пламя.
 1090 Такъ и земли существа всѣ живыя собою питаютъ;
 Самыя вѣтви деревьевъ совсѣмъ зеленѣть не могли бы,
 Если бы мало по малу для каждой изъ нихъ не давала
 1095 Пищи земля; а потомъ, говорятъ, окружаетъ все сверху
 Небо затѣмъ, чтобъ летучимъ огнемъ не умчались внезапно
 1095 Верхнія части вселенной, разсѣясь въ великомъ пространствѣ;
 Чтобы и все остальное за ними во слѣдъ не упало,
 Сверху не рухнуло чтобы гремящее грохотомъ небо,
 1095 Чтобы земля не исчезла внезапно у насъ подъ ногами;
 Все же живое, погибнувъ средь смѣшанныхъ вмѣстѣ обломковъ
 1100 Неба съ землею, неслось бы въ пространствѣ пустомъ и бездонномъ,
 Такъ что въ мгновеніе одно ничего не осталось бы, кромѣ
 Мѣста пустого, а съ нимъ и незримыхъ, начальныхъ частичекъ.
 1095 Ибо лишь только съ какой-либо части начнется все это,
 Эта часть будетъ вратами для гибели цѣлой вселенной:
 1105 Тамъ вся матерія тотчасъ толпой унесется въ пространство.
 Если ты послѣ труда небольшого себя уяснишь все
 1095 Это — одно тебѣ станетъ яснѣй изъ другого, дороги
 Темная ночь предъ тобою не скроетъ: ты взоромъ проникнешь
 Въ глубь всей природы—такъ вещи однѣ бросать свѣтъ на другія.

многу вкрадывается неуваженіе къ Божеству и мірское настроеніе, которое послѣ очень трудно и въ иномъ вовсе не можетъ быть искоренено. Потому пророкъ, обличая свой народъ въ безбожіи, взываетъ: никого не осталось, кого можно было бы учить боговѣдѣнію, кромѣ отнятыхъ отъ грудного молока, отлученныхъ отъ сосцовъ матери, т. е. меньшихъ дѣтей (Ис. 28, 9). О другихъ говоритъ другой пророкъ, что они не могутъ исправиться, чтобы дѣлать доброе, такъ какъ привыкли дѣлать злое (Иер. 13, 23).

11. II. Дѣти съ первымъ пользованіемъ глазами, языкомъ, руками, ногами должны учиться взирать на небо, возносить руки, выговаривать имя Бога и Христа, преклоняться передъ невидимымъ величіемъ Божиимъ и прославлять его.

Дѣти не такъ неспособны къ этому, какъ представляютъ тѣ, которые пренебрегаютъ этимъ столь важнымъ дѣломъ и не столько, сколько необходимо, заботятся о томъ, чтобы освободить насъ отъ рабства діаволу, міру и самимъ себѣ. Дѣти сначала, конечно, не знаютъ, въ чемъ тутъ дѣло, такъ какъ пользованіе разумомъ у нихъ еще слабо, но важно то, что они знаютъ, что они должны дѣлать и что они этому научатся самымъ дѣломъ. Послѣ того какъ они самымъ дѣломъ научились, что должны дѣлать, будетъ легче внушить имъ пониманіе того, что бываетъ, какъ бываетъ и какъ должно быть правильно. Всѣ первенцы по опредѣленію закона должны быть посвящены Богу, почему не первенцы мышленія, говоренія, движенія, дѣйствованія?

12. III. Дѣтямъ уже въ самомъ раннемъ ихъ возрастѣ должно внушать, что мы существуемъ не для этой жизни, а что вѣчность есть наша послѣдняя цѣль; земная жизнь есть только переходное состояніе, въ которомъ мы должны приготовляться къ достойному вступленію въ вѣчныя обители.

Это легко можетъ быть изучено на ежедневныхъ примѣ-

рахъ тѣхъ, кто смертію уносятся отсюда въ другую жизнь, грудныхъ младенцевъ, дѣтей, юношей, старцевъ. Объ этомъ нужно неоднократно имъ напоминать, чтобы имъ имѣть въ себѣ мысль о томъ, что никто не имѣетъ здѣсь устойчиваго мѣстопробыванія.

13. IV. Всегда необходимо имъ напоминать, что здѣсь не должно ставить никакой другой цѣли, кромѣ приготовленія къ вѣчной жизни.

Было бы неразуміемъ увлекаться тѣмъ, что скоро должно быть покинуто, и пренебрегать тѣмъ, что сопровождаетъ насъ въ вѣчность.

14. V. Затѣмъ должно ихъ учить, что есть двойкая жизнь, въ которую люди идутъ отсюда: одна — блаженная съ Богомъ, другая — несчастная въ аду, обѣ вѣчны.

Это объясняется на примѣръ Лазаря и богатаго, души которыхъ были унесены — перваго ангелами на небо, послѣдняго діаволами въ адъ.

15. VI. Далѣе, что тѣ счастливы и въ высшей степени счастливы, которые такъ проведутъ свою жизнь, что окажутся достойными придти къ Богу.

Внѣ общенія съ Богомъ, источникомъ свѣта и жизни, существуютъ только мракъ, ужасъ, мученіе и вѣчная жизнь безъ конца; такъ что лучше было бы, еслибы никогда не родились тѣ, которые уклоняются отъ Бога и падаютъ въ бездну вѣчной гибели.

16. VII. Что тѣ придутъ къ Богу, кто здѣсь жили съ Богомъ,

(каковы Енохъ и Илія, оба живыми, другіе послѣ своей смерти. Быт. 5, 24 и т. д.).

17. VIII. И что тѣ живутъ съ Богомъ, которые имѣютъ Его передъ глазами, Его боятся и исполняютъ Его заповѣди.

Это все для человѣка (Екклес. 12, 13), то все, о чемъ Христосъ говоритъ: «одно, что нужно» (Лук. 10, 42); это

всѣ христіане всегда должны имѣть передъ глазами и въ сердцѣ, чтобы они никогда по примѣру Марѳы не слишкомъ предалися заботамъ этой жизни.

18. IX. Потому они должны приучаться все, что видятъ, слышатъ, что воспринимаютъ чрезъ осязаніе, что дѣлаютъ и страдаютъ, относить къ Богу непосредственно или посредственно.

Это можетъ быть объяснено примѣрами. Именно тѣ, кто занимаются науками и преданы созерцательной жизни, должны такъ направляться, чтобы вездѣ и во всемъ видѣли силу, премудрость и благодать Божию, и чрезъ то возжигалась въ нихъ любовь къ Богу, чтобы они чрезъ эту любовь все тѣснѣе соединялись съ Богомъ и навѣки остались соединенными съ Нимъ. Тѣ же, которые занимаются внѣшними работами, земледѣліемъ, ремеслами и т. п., заботятся о хлѣбѣ и другихъ жизненныхъ потребностяхъ и это для того, чтобы спокойно жить; спокойно же они должны жить, чтобы спокойнымъ и радостнымъ сердцемъ служить Богу, чрезъ служеніе угождать Ему и чрезъ угожденіе достигнуть вѣчнаго соединенія съ Нимъ. Кто занимается дѣлами для другихъ цѣлей, тѣ удаляются отъ воли Божіей и отъ самаго Бога.

19. X. Они съ ранней юности должны учиться по большей части заниматься тѣмъ, что непосредственно приводитъ къ Богу: чтеніемъ Священнаго Писанія, религіозными упражненіями и внѣшними добрыми дѣлами.

Чтеніе Свящ. Писанія напоминаетъ о Богѣ, религіозныя упражненія представляютъ Бога присутствующимъ при чловѣкѣ и соединяютъ его съ Нимъ; добрыя же дѣла подкрѣпляютъ эту связь съ Богомъ, такъ какъ показываютъ, что мы дѣйствительно ходимъ путями Божіими. Эти три вещи серьезно рекомендуются всѣмъ ищущимъ благочестія (а таково все юношество, чрезъ крещеніе посвященное Богу).

20. XI. Потому Свящ. Писаніе для всѣхъ христіанскихъ школъ должно быть альфою и омегою вещей.

Если Гиперій¹⁾ говоритъ, что богословъ рождается чрезъ Писаніе, то у апостола Петра мы находимъ дальнѣйшее выясненіе этого; онъ говоритъ: дѣти Божіи рождаются отъ нетлѣннаго сѣмени, отъ слова Божія, живаго и пребывающаго въ вѣкъ (1 Петр. 1, 23). Слѣдовательно, во всѣхъ христіанскихъ школахъ эта книга Божія предпочтительно передъ всѣми другими книгами должна имѣть мѣсто, чтобы, по примѣру Тимофея, всѣ христіанскіе юноши, съ дѣтства знающіе священныя писанія, умудрились во спасеніе (2 Тим. 3, 15), питаемые словомъ вѣры (1 Тим. 4, 6). Прекрасно объ этомъ предметѣ въ свое время выражался Эразмъ²⁾ въ своемъ «Параклезисѣ» или увѣщаніи къ занятіямъ христіанскою философіею; онъ говоритъ: «Священное Писаніе ко всѣмъ равно подходитъ; оно снисходитъ къ малымъ дѣтямъ и примѣняется къ ихъ потребностямъ, питаетъ ихъ млеко, оберегаетъ, хранитъ и дѣлаетъ все, чтобы мы возросли во Христѣ. Но какъ оно заключаетъ въ себѣ все для самыхъ малыхъ, такъ удивительнымъ образомъ и для самыхъ большихъ; для малыхъ оно крошечно, для большихъ слишкомъ большое. Никакимъ возрастомъ жизни, никакимъ поломъ, никакимъ состояніемъ, никакимъ званіемъ оно не пренебрегаетъ. Солнце не настолько обще и не настолько открыто для всѣхъ, какъ ученіе Христа. Оно вообще никого не удаляетъ отъ себя, кромѣ тѣхъ, кто сами удаляются отъ него» и т. д. Онъ прибавляетъ: «О, чтобы оно было переведено на всѣ языки всѣхъ народовъ, чтобы его читали не одни только шотландцы и ирландцы, но также турки и сарацины. Вѣдь это возможно! Многіе стали бы надсмѣхаться надъ нимъ, но нѣкоторые стали бы и на его сторону. О, чтобы изъ него пѣлъ поселянинъ за сохою, ткачъ за своею работою, чтобы его рассказами странникъ прогонялъ скуку путе-

шествія, чтобы изъ него почерпались всѣ разговоры христіанъ! Ибо мы всегда бываемъ таковыми, каковы наши обыденные разговоры. Пусть всякій пользуется имъ и примѣняетъ въ жизни, сколько можетъ. Кто отстааетъ отъ другого, тотъ не завидуй тому, кто идетъ впереди; кто обогналъ другого, тотъ не презирай его, а поощрай слѣдовать за собою. Зачѣмъ намъ ограничивать общее дѣло только немногими?» И въ концѣ онъ говоритъ: «О еслибы всѣ мы, въ крещеніи поклявшіеся Слову Христову, уже въ объятіяхъ родителей и ласкахъ нянекъ были посвящаемы въ ученіе Христово! Ибо глубже всего проникаетъ и долже всего держится то, что съ самаго начала впиталъ въ себя нетронутый еще сосудъ духа. Имя Христа должно быть первымъ лепетомъ ребенка, Его благовѣстіемъ должно быть образовываемо первое дѣтство, и Онъ прежде всего долженъ быть такъ представленъ дѣтямъ, чтобы они возымѣли любовь къ Нему. Затѣмъ дитя въ послѣдующихъ занятіяхъ постепенно должно вырости мужемъ совершеннымъ во Христѣ. Счастіе, если при этихъ занятіяхъ постигнетъ смерть. О, еслибы мы всѣ посему всею душою жаждали изученія ученія Христова, всегда этимъ занимались, находили въ этомъ наслажденіе себѣ и наконецъ за этимъ дѣломъ умерли» и т. д. Тотъ же Эразмъ въ своемъ учебникѣ богословія говоритъ: «по моему мнѣнію, не было бы никакой нелѣпости священныя книги дословно заучивать наизусть, даже не понимая ихъ, какъ говоритъ блаженный Августинъ» и т. д. — Вообще, не имена Плавта, Теренція, не Овидія и Аристотеля должны раздаваться въ христіанскихъ школахъ, а Моисея, Давида, Христа, и должны быть найдены средства сдѣлать біблію посвященному Богу юношеству (всѣ дѣти христіанъ святы, 1 Кор. 7, 14) столь же извѣстною, какъ азбука.

«Какъ изъ звуковъ и буквъ слагаются цѣлыя рѣчи, такъ изъ элементовъ Свящ. Писанія составляется все зданіе религіи и богобоязненности».

21. XII. Что изучается изъ Св. Писанія, то должно быть относимо къ вѣрѣ любви и надеждѣ.

Это три высшія отдѣленія, къ которымъ должно быть относимо все, что Богъ открылъ намъ въ Своемъ Словѣ. Ибо одно открываетъ намъ Богъ для нашего знанія; другое повелѣваетъ намъ, чтобы мы дѣлали; третье Онъ обѣщаетъ намъ, чтобы мы ожидали его отъ Его благодати въ этой и будущей жизни. И ничего не встрѣчается въ цѣломъ Свящ. Писаніи, что не могло бы быть отнесено къ этимъ тремъ подраздѣленіямъ. Это всѣмъ должно быть извѣстно, чтобы знать, какъ разумно относиться къ Божественнымъ изреченіямъ.

22. XIII. Вѣра, любовь и надежда должны быть изучаемы для практическаго примѣненія.

Мы имѣемъ цѣлю образовывать практическихъ христіанъ, а не теоретическихъ³⁾, и именно должны начинать это съ первоначальнаго воспитанія, если желаемъ имѣть истинныхъ христіанъ. Религія есть нѣчто живое, а не мертвое; ея жизненная сила должна выражаться въ ея развитіи, какъ живое сѣмя, брошенное въ хорошую землю, тотчасъ всходитъ. Здѣсь Писаніе требуетъ дѣятельной вѣры (Гал. 5, 6), которую оно иначе называетъ мертвою (Іак. 2, 20), какъ требуетъ и живой надежды (1 Петр. 1, 3). Отсюда и часто повторяющееся въ законѣ выраженіе, что открываемое съ неба для того открывается, чтобы мы такъ дѣлали. И Христосъ говоритъ: если это знаете, блаженны вы, когда исполняете (Іоан. 13, 17).

23. XIV. Вѣра, любовь и надежда изучаются для практическаго примѣненія, когда дѣтей (и именно всѣхъ) приучаютъ всему, что Богъ открылъ, твердо вѣрить, все, что Онъ повелѣваетъ, исполнять и на все, что Онъ обѣщаетъ, надѣяться. Это нужно замѣтить и прилежно внушать юношеству

для того, чтобы если оно желаетъ, чтобы Слово Божіе сообщило ему силу Божію для блаженства, то должно имѣть смиренное и покорное сердце, всегда вездѣ во всѣхъ вещахъ готовое подчиниться Богу, да и фактически уже подчиненное Ему. Какъ солнце своимъ свѣтомъ ничего не показываетъ тому, кто не желаетъ открыть свои глаза, и предложенныя кушанья не насытятъ того, кто къ нимъ не прикоснется, такъ и свѣтъ, данный Богомъ разсудку, заповѣди, данныя для нашихъ дѣйствій, и блаженство, обѣщанное тѣмъ, кто Бога боятся, будутъ напрасны, если мы не воспримемъ ихъ готовою вѣрою, горячею любовью и твердою надеждою. Такъ Авраамъ, отецъ вѣрующихъ, довѣряя Словамъ Божиимъ, повѣрилъ тому, что разсудку казалось невѣроятнымъ; онъ съ покорностью исполнилъ самое жестокое, что Богомъ ему было приказано (оставить свое отечество, принести сына въ жертву и т. д.); тамъ, гдѣ не на что было надѣяться, онъ повѣрилъ божественнымъ обѣтованіямъ. И такая живая дѣятельная вѣра была вмѣнена ему въ праведность. Всѣ преданные Богу должны быть такъ руководимы, чтобы они на себѣ испытали подобное же.

XV. 24. Что христіанское юношество должно изучать еще кромѣ свящ. Писанія (науки, искусства, языки и т. п.), то должно быть разсматриваемо какъ подчиненное Писанію, чтобы оно вездѣ замѣчало и могло ясно видѣть, что все, что не относится къ Богу и вѣчной жизни, есть одна пустая видимость.

Изъ древнихъ Сократу⁴⁾ ставится въ заслугу, что онъ философію отъ голыхъ и бесполезныхъ спекуляцій перевелъ въ область морали; такъ и апостолы были призваны христіанъ отъ бесполезныхъ мелочныхъ изслѣдованій закона привести къ любви Христовой (1 Тим. 1, 5—6, 7 и т. д.), и нѣкоторые новѣйшіе благочестивые богословы отвлекаютъ людей отъ непонятныхъ, больше разрушающихъ, чѣмъ созидающихъ церковь спорныхъ вопросовъ, направляя вниманіе ихъ на благочестіе. О еслибы Богъ умили-

вился надо мною и далъ мнѣ найти общій способъ, какъ научить людей все, чѣмъ кромѣ Бога занимается человѣческой разсудокъ, относить къ Богу и какъ все занятія этой жизни, въ которыя впутывается и углубляется мѣръ, превращать въ стремленіе къ небесному! Это была бы святая лестница, по которой наши души чрезъ все, что въ жизни бываетъ, свободно всходили бы къ высшему и вѣчному Покровителю всѣхъ, къ источнику вѣчнаго блаженства!

25. XVI. Всѣ должны быть научены добросовѣстнѣйшимъ образомъ исполнять законъ внутренняго и внѣшняго богопочитанія, чтобы внутреннее богопочитаніе не охладѣвало безъ внѣшняго, и внѣшнее безъ внутренняго не превратилось въ лицемеріе.

Внѣшнее богопочитаніе состоитъ въ разговорахъ о Богѣ, въ проповѣданіи и слушаніи Его Слова, въ молитвѣ и колѣнопреклоненіи, въ пѣніи хвалебныхъ пѣсней, въ пристуваніи къ св. таинствамъ и въ другихъ общественныхъ и домашнихъ упражненіяхъ. Внутреннее богопочитаніе заключаетъ въ себѣ постоянную мысль о присутствіи Бога, богобоязненность и любовь къ Богу, самоотверженіе и преданность волѣ Божіей, именно постоянную готовность дѣлать и терпѣть все, что Богу угодно. То и другое почитаніе должны быть связаны и не могутъ быть другъ от друга отрываемы, не только потому, что справедливо, что Богъ долженъ быть прославляемъ и въ тѣлахъ нашихъ и душахъ нашихъ, которыя Божіи (1 Кор. 6, 20), но также потому, что они не могутъ быть безъ опасности другъ от друга отрываемы. Внѣшнія упражненія безъ внутренней истины презираетъ Богъ и говоритъ: кто требуетъ сего отъ рукъ вашихъ? (Ис. 1 и др. м.). Такъ какъ Богъ есть Духъ, то должно ему кланяться духомъ и истиною (Іоан. 4). Но съ другой стороны, такъ какъ мы не вполне духовны, а

тѣлесны и чувственны, то необходимо, чтобы наши чувства иногда возбуждались внѣшнимъ образомъ для обнаруженія внутренняго духа и истины. И потому Богъ, хотя Онъ по преимуществу смотритъ на внутреннее, установилъ также внѣшнее и хочетъ, чтобы оно исполнялось. Самъ Христосъ, хотя Онъ культъ новаго завѣта освободилъ отъ обрядности и училъ, что Богу должно служить духомъ и истиною, всетаки съ поникшимъ лицомъ молился къ Отцу и такую молитву Онъ продолжалъ цѣлыя ночи, посѣщалъ священныя собранія, слушалъ книжниковъ и отвѣчалъ имъ, проповѣдывалъ Слово Божіе, воспѣвалъ хвалебныя пѣсни и т. д. Слѣдовательно, когда мы воспитываемъ юношество къ религіозности, то должны дѣлать это какъ внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ образомъ, чтобы не выростить лицемѣровъ, почитающихъ Бога только внѣшнимъ образомъ, но и не мечтателей, восхищающихся своими мечтами и чрезъ презрѣніе къ внѣшнему служенію разрушающихъ порядокъ и блескъ церкви; ни, наконецъ, равнодушныхъ, у которыхъ внѣшнее внутреннему не придаетъ никакой прелести, и внутреннее внѣшнему не даетъ жизни.

26. XVII. Прилежно должно приучать дѣтей къ внѣшнимъ Богомъ заповѣданнымъ дѣламъ, чтобы они знали, что истинное христіанство состоитъ въ томъ, когда вѣру исповѣдаютъ дѣлами.

Таковыя дѣла суть упражненія въ умѣренности, справедливости, милосердіи и они никогда не должны быть опускаемы изъ виду. Когда вѣра не производитъ такихъ дѣлъ, то она является мертвою (Іак. 2); но она должна быть живою, чтобы быть спасительною.

27. XVIII. Они также должны учиться точно различать цѣли благодѣяній и наказаній Божіихъ, чтобы дѣлать изъ нихъ правильное употребленіе для себя, а не злоупотреблять ими. Фульгенцій⁵) (въ своемъ 2 письмѣ къ Галласу) дѣлитъ благодѣянія Божіи на три рода; объ однихъ онъ говоритъ, что

они продолжаютъ въ вѣчность, другія служатъ къ достиженію вѣчности и, наконецъ, третьи служатъ для пользованія въ настоящей жизни. Перваго рода благодѣянія: познаніе Бога, радость о Духѣ Святомъ, любовь къ Богу, обнаруживающіяся въ нашемъ сердцѣ. Ко второму роду, говоритъ онъ, принадлежатъ: вѣра, надежда, милосердіе къ ближнимъ. Къ третьему: здоровье, богатство, друзья и все внѣшнее, что не дѣлаетъ насъ ни счастливыми, ни несчастными.

Также наказанія Божіи можно раздѣлить на три рода. Одни люди (которыхъ Богъ шадитъ для вѣчности) поражаются наказаніями здѣсь въ видѣ креста для очищенія (Дан. 11, 35, Апокал. 7, 14), какъ напр. Лазарь. Другіе здѣсь шадятся для того, чтобы быть наказанными въ вѣчности, какъ богачъ въ притчѣ. Для третьихъ наказанія начинаются здѣсь и продолжаютъ въ вѣчности, каковы Саулъ, Антиохъ, Иродъ, Иуда и др. Потому люди должны быть научены все правильно различать, чтобы они, увлекаясь земными благами, не предпочитали то, что служитъ только къ этой жизни; далѣе, чтобы они не столько страшились нынѣшнихъ бѣдъ, сколько адскихъ мукъ; болѣе всего не тѣхъ боялись, кто могутъ убивать только тѣло и больше ничего не могутъ сдѣлать, но того, кто не только можетъ тѣло погубить, но и душу ввергнуть въ геену (Лук. 12, 4, 5).

28. XIX. Также должно имъ напоминать, что вѣрнѣйшій путь жизни есть путь креста; по нему прошелъ Христосъ, начальникъ жизни, подавая собою примѣръ другимъ; на этотъ путь онъ призывалъ другихъ и по нему ведетъ тѣхъ, кого больше всего любитъ.

Тайна нашего спасенія совершена на крестѣ и состоитъ въ крестѣ; чрезъ него умерщвляется древній Адамъ, чтобы жилъ новый, созданный по образу Божію. Кого любитъ Богъ, тѣхъ наказываетъ и распинаетъ со Христомъ, чтобы они, воскресенные со Христомъ, возсѣли на небѣ одесную Его. Это слово креста есть сила Божія для тѣхъ,

кто вѣруютъ, а юродство и соблазнъ для плоти (1 Кор. 1, 18). Слѣдовательно, совершенно необходимо, чтобы христіане это правильно уразумѣли, чтобы изъ этого познать, что они не могутъ быть учениками Христовыми, когда не отрекаются самихъ себя и не берутъ на плеча свои крестъ Христовъ (Лук. 14, 26), и когда во всю свою жизнь не чувствуютъ въ себѣ готовности слѣдовать туда, куда ведетъ ихъ Богъ.

29. XX. Должно о томъ заботиться, чтобы во время изученія всего этого дѣтямъ не встрѣтился ни одинъ противорѣчащій примѣръ.

Т. е. должно охранять дѣтей, чтобы имъ не случилось видѣть и слышать богохульства, ложной клятвы, поруганія имени Божія и прочаго безбожія, но чтобы вездѣ, куда бы они ни обращались, видѣли благоговѣніе передъ Высшимъ Существомъ, соблюденіе религіи и совѣстливость. Если же случается что-нибудь противное этому или дома, или въ школѣ, то они должны видѣть, что это не проходитъ безнаказанно, а серьезно отмщается; чтобы наказаніе за оскорбленіе Божества являлось болѣе страшнымъ, чѣмъ за погрѣшность противъ Прискіана⁶⁾ или за какое-нибудь другое внѣшнее преступленіе, которое потому въ особенности и по преимуществу должно быть избѣгаемо.

30. XXI. Наконецъ, такъ какъ при испорченности міра и природы мы никогда не дѣлаемъ такихъ успѣховъ, какъ должно, и такъ какъ, когда мы только нѣсколько подвинулись впередъ, наша развращенная плоть легко впадаетъ въ самоугожденіе и духовное высокомеріе, то нашему спасенію грозитъ высшая опасность (такъ какъ Богъ противится гордымъ), и всѣ христіане своевременно должны быть научаемы тому, что наши стремленія и наши добрыя дѣла по причинѣ ихъ несовершенства ничто, если къ намъ не приходитъ на помощь въ своемъ совершенствѣ Христось, тотъ агнецъ Божій, который принялъ на себя грѣхи міра, повинуваясь только Отцу и т. д. Онъ одинъ, слѣдовательно, долженъ быть призываемъ, и на Немъ одномъ должно строить.

Только такимъ образомъ мы можемъ увѣриться въ надеждѣ на спасеніе, такъ какъ мы основали его на Христѣ, краеугольномъ камнѣ, который, какъ вершина всякаго совершенства на небѣ и на землѣ, есть также Начальникъ и Совершитель вѣры, любви, надежды и нашего спасенія, притомъ единственный. Его для того Отецъ послалъ съ неба, чтобы Онъ, сдѣлавшись Иммануиломъ (богочеловѣкомъ), соединилъ людей съ Богомъ и, принявъ человѣчество, жилъ святѣйшимъ образомъ и такимъ образомъ далъ людямъ образецъ божественной жизни; чтобы Онъ, невинно умирая, искупилъ на Себѣ вину міра и своею кровію омылъ отъ насъ наши грѣхи; наконецъ, чтобы Онъ своимъ воскресеніемъ показалъ, что Онъ побѣдилъ смертію смерть; и чтобы Онъ вознесся на небо и оттуда ниспослалъ Святого Духа, залогъ нашего спасенія, чрезъ Котораго Онъ живетъ въ насъ, какъ въ своемъ храмѣ, управляетъ нами и ведетъ ко спасенію, пока мы живемъ на землѣ; чтобы Онъ насъ воскресилъ и взялъ къ Себѣ, чтобы гдѣ Онъ находится и мы тамъ были и видѣли славу Его и т. д.

31. Сему единому вѣчному Избавителю всѣхъ, вмѣстѣ съ Отцомъ и Святымъ Духомъ похвала, честь, слава и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

32. Способъ выполнить все это до подробностей нынѣ и долженъ быть показанъ всѣмъ отдѣльнымъ школьнымъ классамъ.

Глава XXV.

Если мы желаемъ преобразованія школъ по началамъ истиннаго христіанства, то должны или совершенно удалить изъ нихъ языческія книги, или по крайней мѣрѣ пользоваться ими съ большею осторожностью, чѣмъ до сихъ поръ было.

1. Неотразимая необходимость принуждаетъ меня подробнѣе изслѣдовать предметъ, о которомъ въ предъидущей главѣ было только упомянуто. Если мы желаемъ имѣть истинно христіанскія школы, то изъ нихъ должна быть удалена куча языческихъ писателей. Сначала я приведу основанія, кото-

рыя меня къ этому принуждаютъ; затѣмъ я покажу, какая осторожность необходима въ обращеніи съ мірскими мудрецами, чтобы ихъ прекрасныя мысли, изреченія и дѣла можно было обратить на нашу пользу¹⁾.

2. Любовь къ Богу и людямъ принуждаетъ меня ревностно приняться за этотъ предметъ, ибо я вижу, что самыя важныя школы для христіанъ только по имени исповѣдуютъ Христа, въ остальномъ же онѣ занимаются только Теренціемъ, Плавтомъ, Цицерономъ, Овидіемъ, Катулломъ и Тибулломъ, музами и граціями. Оттого и происходитъ то, что мы лучше знаемъ міръ, чѣмъ Христа, и что среди христіанства нужно искать христіанъ. Даже у самыхъ образованныхъ мужей, представителей богословія, Христосъ служитъ только маскою, Аристотель же и вся толпа язычниковъ образуютъ плоть и кровь. Это страшное злоупотребленіе христіанскою свободою, поруганіе святыни и дѣло великой опасности. Ибо:

3. (Причины, почему языческія книги должны быть исключены изъ школъ и введены божественныя). (Первая причина). Во первыхъ: для неба рождены и возрождены Духомъ Святымъ наши дѣти; небесными гражданами они должны быть воспитываемы; потому они прежде всего должны познакомиться съ небеснымъ: съ Богомъ, Христомъ, ангелами, Авраамомъ, Исаакомъ, Іаковомъ и т. д. Пренебрегать всѣмъ другимъ побуждаютъ какъ неизвѣстность этой жизни, и возможность быть унесеннымъ отсюда не подготовленнымъ, такъ и то, что первыя впечатлѣнія глубже всего врѣзываются въ память и (если это священныя впечатлѣнія) все остальное, что еще въ жизни необходимо, ставятъ на вѣрномъ основаніи.

4. (Вторая). Затѣмъ Богъ, много заботившійся о своемъ избранномъ народѣ, мѣсто школы указалъ ему въ своемъ домѣ, гдѣ Онъ самъ является учителемъ, мы — учениками и Голосъ Его Откровенія — учениемъ. Такъ Онъ говорилъ Моисею: Слушай Израиль, Господь Богъ нашъ единъ есть. И люби Господа Бога твоего всѣмъ серд-

цемъ твоимъ и всею душою твоею и всѣми силами твоими. И да будутъ слова сіи, которыя я заповѣдаю тебѣ сегодня, въ сердцѣ твоемъ (и въ душѣ твоей). И внушай ихъ дѣтямъ твоимъ и говори объ нихъ, сидя въ домѣ твоемъ, и идя дорогою, и ложась спать, и вставая и т. д. (Второз. 6, 4 и слѣд.). И чрезъ пророка Исаію: Я Господь Богъ твой, научающій тебя полезному, ведущій тебя по тому пути, по которому должно тебѣ итти (48, 17)²). Далѣе: не должно ли народу обращаться къ своему Богу? (8, 19). И Христосъ говоритъ: Изслѣдуйте Писанія (Іоан. 5, 39).

5. (Третья). Что именно этотъ голосъ Божій есть самый ясный свѣтъ для нашего разсудка, самое совершенное правило для нашихъ дѣйствій и въ обоихъ направленіяхъ самая лучшая подпора для нашихъ немощей, это Богъ свидѣтельствуется слѣдующими словами: вотъ я научилъ васъ постановленіямъ и законамъ, какъ повелѣлъ мнѣ Господь Богъ мой, дабы вы такъ поступали въ той землѣ, въ которую вступаете, чтобы овладѣть ею. Итакъ храните и исполняйте ихъ; ибо въ этомъ мудрость ваша и разумъ вашъ предъ глазами народовъ, которые, услышавъ о всѣхъ сихъ постановленіяхъ, скажутъ: только этотъ великій народъ есть народъ мудрый и разумный. (Второз. 4, 5, 6). И у Іисуса Навина онъ говоритъ: да не отходитъ сія книга закона отъ устъ твоихъ; но поучайся въ ней день и ночь, дабы въ точности исполнять все, что въ ней записано: тогда ты будешь успѣшенъ въ путяхъ твоихъ и будешь поступать благоразумно (1, 8). Далѣе чрезъ Давида: Законъ Господа совершенъ, укрѣпляетъ душу; откровеніе Господа вѣрно, умудряетъ простыхъ (Пс. 18, 8). Апостоль, наконецъ, свидѣтельствуется, что все Писаніе богодухновенно и полезно для наученія и т. д. да будетъ совершенъ Божій человекъ (2 Тим. 3, 16, 17). Это равнымъ образомъ признавали и мудрейшіе между людьми (именно, истинно просвѣщенные хрістіане). Такъ Златоустъ

говорить: Чему необходимо учиться и чему не учиться, это мы узнаемъ изъ Писанія. И Кассіодоръ: небесная школа, наученіе жизненному пути, единственная вѣрная наука есть Писаніе, заключающее въ себѣ полное смысла ученіе, а не пустыя слова и т. д.

6. (Четвертая). Ясно Богъ запрещаетъ Своему народу ученіе и обычаи язычниковъ, когда Онъ говоритъ: вы не должны учиться путемъ язычниковъ (Іер. 10, 2), — и: развѣ нѣтъ Бога въ Израилѣ, что вы идете вопрошать Вельзевула, божество Аккаронское? (4 Цар. 1, 3). Не долженъ ли народъ обращаться къ своему Богу? спрашивать ли мертвыхъ о живыхъ? Обращайтесь къ закону и Откровенію. Если они не говорятъ, какъ это слово, то нѣтъ въ нихъ свѣта (Ис. 8, 19, 20). И почему? Всякая мудрость отъ Господа и вѣчно у Него находится. Коему открыты корни мудрости (Экклез. 1, 1. 6)? Хотя они видѣли свѣтъ и жили на землѣ, но пути мудрости не познали; не уразумѣли стезей ея и т. д. Не было слышно о ней въ Ханаанѣ и не было видно ея въ Ѡеманѣ. Сыновья Агари искали земного знанія, и баснословы и изслѣдователи знанія; но пути премудрости не познали. Но знающій все знаетъ ее. Онъ нашелъ всѣ пути премудрости и даровалъ ее рабу своему Якову и возлюбленному Своему Израилю (Варух. 3, 20. 22. 23. 32. 37). Такъ Онъ не сдѣлалъ никакому другому народу, и судовъ Его не знаютъ (Пс. 147, 9).

7. (Пятая). Когда иногда Его народъ, увлекаемый прелестями человѣческаго воображенія, уклонялся отъ Его закона, тогда Богъ не только ставилъ имъ на видъ ихъ ослѣпленіе и оставленіе кладязя мудрости (Вар. 3, 12), но и двойной грѣхъ ихъ, что они оставили источникъ воды живой и высѣкли себѣ водоемы разбитые, которые не могутъ держать воды (Іер. 2, 13). И чрезъ Осію Онъ жалуется, что Его народъ слишкомъ близко

сошелся съ язычниками, и прибавляетъ: написалъ Я ему важные законы, но они сочтены имъ за чужіе (Ос. 8, 12). И что другое — спрашиваю я васъ — дѣлаютъ тѣ христіане, которые день и ночь имѣютъ въ рукахъ книги язычниковъ, священнымъ же Писаніемъ пренебрегаютъ, какъ чужимъ дѣломъ, ихъ не касающимся? Вѣдь не пустое слово, а наша жизнь, говоритъ Богъ.

8. (Шестая). Потому истинная церковь и истинные почитатели Бога никогда не требовали другой школы, кромѣ Слова Божія, изъ котораго можетъ быть обильно почерпаема истинная божественная мудрость, превосходящая всякую мудрость міра. Давидъ говоритъ о себѣ: Заповѣдію твоею Ты сдѣлалъ меня мудрѣе враговъ моихъ. Я сталъ разумнѣе всѣхъ учителей моихъ: ибо размышляю объ откровеніяхъ твоихъ (Пс. 118, 98). Подобнымъ же образомъ говоритъ Саломонъ, мудрѣйшій между смертными: «Господь даетъ мудрость; и изъ устъ Его знаніе и разумъ» (Притч. Сол. 2, 6). Также Сирахъ свидѣтельствуетъ (въ предисловіи къ своей книгѣ), что его мудрость, во всякомъ случаѣ высокая, почерпнута изъ чтенія закона и пророковъ. Отсюда радость святыхъ, когда они «во свѣтѣ Божіемъ видятъ свѣтъ» (Пс. 35, 10). «Блаженны мы, Израиль, потому что Богъ открылъ намъ Свою волю» (Вар. 4, 4). «Господи, къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни» (Іоан. 6, 88).

9. (Седьмая). Примѣры всѣхъ вѣковъ показываютъ, что сколь часто церковь отступала отъ этихъ источниковъ Израилевыхъ, столь же часто она имѣла поводъ къ упадку и заблужденіямъ. Въ отношеніи церкви Израильской это достаточно извѣстно изъ жалобъ пророковъ; въ отношеніи христіанской мы знаемъ изъ исторіи, что до тѣхъ поръ, пока апостолами и апостольскими мужами ревностно проповѣдывалось чистое ученіе евангелія, поддерживалась чистота вѣры. Коль скоро же язычники толпами вошли въ церковь и первоначальная ревность и стремленіе къ отличенію чистаго отъ

нечистаго охладѣли, то мы замѣчаемъ, что стали читать сочиненія язычниковъ, сначала только частнымъ образомъ, а потомъ и публично, послѣдствіемъ чего было смѣшеніе ученія. Ключъ мудрости потерялся у тѣхъ, кто считали его своею исключительною собственностью. Отсюда вмѣсто членовъ вѣры возникло безчисленное множество мнѣній; отсюда произошли раздѣленія и споры, конца которыхъ нельзя еще и предвидѣть; отсюда охлажденіе любви и уменьшеніе благочестія. И такимъ образомъ подъ именемъ христіанства снова ожило язычество и господствуетъ нынѣ. Должна исполниться угроза Еговы Господа, что тѣ, кто не обратятся къ закону и откровенью, не будутъ имѣть свѣта (Ис. 8, 20). Потому навелъ на нихъ Господь духъ усыпленія и сомкнулъ глаза ихъ, такъ что всякое пророчество для нихъ то же, что слова въ запечатанной книгѣ и т. д. (Ис. 29, 10. 11). О, какъ истинно исполнится на нихъ также то, что Святой Духъ свидѣтельствуетъ о языческихъ философахъ, что они осуетились въ умствованіяхъ своихъ и омрачилось несмысленное ихъ сердце (Рим. 1, 21). Потому если церковь должна быть очищена отъ нечистоты, то для этого нѣтъ другого вѣрнаго пути, какъ если мы оставимъ предательское руководство людей и обратимся къ единственно чистымъ источникамъ Израилевымъ, и самихъ себя и своихъ дѣтей отдадимъ въ обученіе и воспитаніе Богу и Его слову. Тогда будетъ то, что сказано: до всѣхъ сыновья твои будутъ научены Господомъ». (Ис. 54, 13).

10. (Восьмая). Въ самомъ дѣлѣ, наше достоинство какъ христіанъ (которые чрезъ Христа сдѣлались дѣтьми Божиими и наслѣдниками вѣчной жизни) не позволяетъ намъ, чтобы мы настолько не дорожили самими собою и своими дѣтьми, что стали бы входить въ тѣсное общеніе съ нечестивыми язычниками и питать къ нимъ большое благоволеніе. Вѣдь не имѣютъ обыкновенія къ

сыновьямъ королей и князей ставить воспитателями глупцовъ, шутовъ и негодяевъ, а людей достойныхъ, мудрыхъ и благочестивыхъ. И мы не стыдимся малымъ сыновьямъ Царя царей, братьямъ Христа, наследникамъ вѣчности давать воспитателями шута Плавта, соблазнительнаго Катутла, нечистаго Овидія, безбожнаго Лукіана, мерзкаго Марціала и другихъ изъ той толпы, которой чужды истинное знаніе и страхъ Божій — людей, которые, такъ какъ сами прожили безъ надежды на лучшую жизнь и только валяются въ грязи этой жизни, болѣе ни на что не способны, какъ втягивать въ ту же грязь тѣхъ, кто съ ними обращается! Довольно, христіане, довольно и этой глупости! Здѣсь пусть будетъ предѣлъ! Богъ призываетъ насъ къ лучшему; справедливость требуетъ, чтобы мы послѣдовали Его зову. Христось, вѣчная Премудрость Божія, дѣлалъ Божіимъ въ Своемъ домѣ открылъ школу, руководителемъ и высшимъ начальникомъ которой состоитъ Св. Духъ, профессорами и учителями пророки и апостолы, всѣ одаренные истинною мудростью, всѣ словомъ и примѣромъ ясно показывающіе путь истины и спасенія, святые мужи; школѣ, ученики которой только избранные Божіи, первенцы людей, приобрѣтенные Богомъ и Агнцемъ; надзирателями и охранителями которой состоятъ ангелы и архангелы, начальства и власти небесныя (Евр. 3, 10). И что тамъ преподается, то обнимаетъ собою мудрость, которая, превышая всѣ выводы человеческого мозга, истинна, вѣрна и совершенна и простирается на всѣ случаи и этой и будущей жизни. Ибо уста Божіи тотъ источникъ, изъ котораго текутъ всѣ ручьи истинной мудрости; лицо Божіе единственный факель, изъ котораго исходятъ лучи истиннаго свѣта; Слово Божіе единственный корень, изъ котораго выходятъ всходы истиннаго знанія. Потому блаженны тѣ, ко-

торые взирають на лицо Божіе, прислушиваются къ устамя Его и Слово Его воспринимають въ свое сердце! Ибо это единственный, истинный и неложный путь истинной и вѣчной мудрости, кромѣ которой никакой другой нѣтъ.

11. (Девятая). Нельзя обойти молчаніемъ того, съ какою серьезностью Богъ своему народу запрещалъ имѣть памятники язычниковъ, и что постигало тѣхъ, которые угрозу Божію оставляли безъ вниманія: и будетъ Господь Богъ твой изгонять передъ тобою народы сіи и т. д. «Кумиры боговъ ихъ сожгите огнемъ; не пожелаеи взять себѣ серебра или золота, которое на нихъ, дабы это не было для тебя сѣтью: ибо это мерзость для Господа Бога твоего. И не вноси мерзости въ домъ твой, дабы не подпасть заклятію, какъ она». (Второз. 7, 22. 25. 26). «Когда Господь Богъ твой истребитъ отъ лица твоего народы, къ которымъ ты идешь, то берегись, чтобы ты не попалъ въ сѣть, послѣдуя имъ, по истребленіи ихъ отъ лица твоего, и не искалъ боговъ ихъ говоря: какъ служили народы сіи богамъ своимъ, такъ буду и я дѣлать». Но «все, что я заповѣдую вамъ, старайтесь исполнять: не прибавляй къ тому и не убавляй отъ того». (Второз. 12, 29. 30. 32). Хотя Исусъ Навинъ послѣ побѣды объ этомъ имъ снова напоминалъ и далъ совѣтъ удалить чужихъ боговъ (Ис. Нав. 24, 23), но всетаки, такъ какъ они совѣту не послѣдовали, языческіе остатки послужили для нихъ сѣтями, и они постоянно впадали въ идолопоклонство до паденія обоихъ царствъ. Не слѣдуетъ ли намъ образумиться отъ чужихъ примѣровъ?

12. (Языческія книги—идолы.) Но вѣдь книги не идолы, скажетъ иной. Отвѣтъ: это остатки отъ тѣхъ народовъ, которые Господь Богъ нашъ погубилъ отъ лица Своего христіанскаго народа, какъ тамъ; но они опаснѣе, чѣмъ тамъ. Тамъ падали только тѣ, которые обезумѣли въ сердцахъ своемъ (Іер. 10, 14), здѣсь же могутъ пасть и мудрѣйшіе (Колосс. 2, 8). Тамъ это были только дѣла человѣческихъ

рукъ (какъ обыкновенно называетъ ихъ Богъ, когда хочетъ показать идолопоклонникамъ ихъ безуміе); здѣсь произведенія чловѣческаго духа. Тамъ блескъ золота и серебра поражалъ глаза; здѣсь пріятность плотской мудрости ослѣпляетъ духъ. И какъ же? Еще хотятъ отрицать, что языческія книги идола? Кто сдѣлалъ императора Юліана отступникомъ отъ Христа? Кто папу Льва X сдѣлалъ безумнымъ до того, что онъ исторію Христа сталъ считать сказкою? Какимъ духомъ водимый кардиналъ Вембо³⁾ отговаривалъ Самолето отъ чтенія Священнаго Писанія (съ замѣчаніемъ, что для такого великаго чловѣка не подходитъ такой вздоръ)? И что и въ настоящее время столь многихъ итальянцевъ и другихъ приводитъ къ атеизму? Развѣ нѣтъ и въ реформированной церкви Христовой людей, которыхъ какой-нибудь Цицеронъ, Плавтъ, Овидій мертвящимъ дыханіемъ можетъ оторвать отъ Свящ. Писанія и увлечь за собою?

13. (Увертка.) Еслибы кто-нибудь сталъ говорить, что злоупотребленіе должно приписать не вещамъ, а лицамъ; что есть также благочестивые христіане, которыхъ чтеніе языческихъ писателей не беспокоитъ, то я отвѣчаю съ апостоломъ: мы знаемъ, что идолъ ничто; но не увсѣхъ такое знаніе; берегитесь, чтобы эта свобода ваша не послужила соблазномъ для немощныхъ, (1 Кор. 8, 4. 7. 9). Хотя милосердый Богъ и охранилъ многихъ отъ паденія, но всетаки для насъ нѣтъ никакого извиненія въ томъ, когда мы завѣдомо и добровольно терпимъ такіе соблазны (различныя изобрѣтенія чловѣческаго мозга или сатанинскаго лукавства) подъ предлогомъ свободы и изящества; вѣдь извѣстно, что (многіе, даже большинство, чрезъ) нихъ лишились разсудка и попали въ сѣти сатаны. Итакъ, послѣдуемъ Богу, чтобы намъ не вносить въ свои дома идоловъ, чтобы намъ вмѣстѣ съ Дагономъ⁴⁾ не ставить ковчегъ завѣта, чтобы намъ мудрость, сходящую свыше, не смѣшавъ съ земною, животною, діавольскою, чтобы мы наконецъ не подали повода излиться гнѣву Божію на дѣтей нашихъ.

14. (Сравненіе.) Можетъ быть, сюда принадлежитъ также тотъ случай, о которомъ упоминаетъ Моисей въ одномъ сравненіи. Надавъ и Авіудъ, сыновья Аарона, которые были новичками въ священнической должности (не знали еще своего служенія), вмѣсто священнаго огня вложили въ кадилаицы другой, т. е. обыкновенный огонь, для того чтобы кадить передъ Господомъ, но были попалены огнемъ Божиимъ и остались мертвыми предъ Господомъ. (Лев. 10, 1 слѣд.). Что другое дѣти христіанъ, какъ не новое священство, уже освященное для того, чтобы принести Богу духовныя жертвы? (1 Петр. 2, 5). И когда мы кадилаицы ихъ, сердца, наполнимъ чуждымъ огнемъ, то не подвергаемъ ли ихъ всей силѣ гнѣва Божія? Ибо не чуждо ли христіанскому сердцу то, что происходитъ не отъ Духа Божія, а изъ другого источника? Но таково большинство бредней языческихъ философовъ и поэтовъ. (Рим. 1, 21. 22. Колос. 2, 8. 9). И поэтическое искусство Іеронимъ не безъ основанія называлъ дѣвольскимъ виномъ, которое опьяняетъ неопытныя души, погружаетъ ихъ въ глубокой сонъ и вызываетъ въ нихъ самыя странныя мнѣнія, самыя опасныя искушенія и самыя скверныя пожеланія. Есть, слѣдовательно, основаніе опасаться этого волшебнаго напитка сатаны.

15. (Ефесянамъ нужно подражать.) Если мы не послѣдуемъ увѣщанію Божію и не изберемъ вѣрнѣйшее, то на судъ Божию противъ насъ будутъ свидѣтельствовать тѣ ефесяне, которые, какъ только для нихъ возшелъ свѣтъ божественной мудрости, сожгли всѣ нескромныя книги, такъ какъ онѣ имъ, христіанамъ, уже были бесполезны. (Дѣян. Ап. 19, 19). И хотя новогречки владѣютъ философскими и поэтическими произведеніями своихъ предковъ, считавшихся умнѣйшимъ народомъ въ мірѣ, но греческая церковь воспретила чтеніе ихъ своимъ членамъ подъ угрозою отлученія отъ церкви. Отсюда и произошло, что хотя они съ теченіемъ времени впали въ невѣжество и суевѣріе, но до сихъ поръ сохранили Бога отъ грязи заблужденій антихриста. Въ этомъ отношеніи имъ слѣдуетъ вполне подражать, чтобы (по установленіи основа-

тельнаго изученія Свящ. Писанія) оставшійся отъ язычества мракъ запутанности былъ устраненъ. Ибо во свѣтѣ Господнемъ мы видимъ свѣтъ. (Пс. 35, 10). «О, домъ Іакова! Приидите и будемъ ходить во свѣтѣ Господнемъ». (Ис. 2, 5).

16. (Опроверженіе возраженій.) Теперь посмотримъ, какими основаніями противъ сказаннаго возстаетъ чело-вѣческой разумъ; онъ извивается подобно змѣѣ, что-бы не склониться на послушаніе вѣрѣ и не предаться Богу. Возражаютъ слѣдующее:

17. (1. Большая мудрость въ языческихъ книгахъ.) Заключающаяся въ сочиненіяхъ философовъ, ораторовъ и поэтовъ мудрость велика. Отвѣтъ: мрака достойны тѣ, кто отвращаютъ глаза свои отъ свѣта. Совѣ и сумерки кажутся полднемъ; но созданія, родившіяся въ свѣтѣ, думаютъ иначе. Безумный чело-вѣкъ, который ищешь яснаго свѣта во тьмѣ чело-вѣческихъ выводовъ, открой глаза! Съ неба сходитъ истинный свѣтъ, отъ Отца свѣтовъ! Если у людей что-нибудь свѣтитъ и блеститъ, то это искры, которыя могутъ мерцать для тѣхъ, кто находятся во мракѣ; — но что эти искры могутъ значить для насъ, которымъ даны въ руки горячіе факелы (именно ярко свѣтящееся Слово Божіе)? Когда люди спорятъ о природѣ, то они не прикладываютъ ли къ губамъ стаканъ, не касаясь вина? А въ Свящ. Писаніи самъ Богъ, Господинъ природы, объясняетъ великія тайны Своего творенія, такъ какъ открываетъ и начало и конецъ всѣхъ созданій, видимыхъ и невидимыхъ⁵). Когда философы говорятъ о нравственности, то дѣлаютъ то же, что птицы, крылья которыхъ покрыты клеемъ, и которыя дѣлаютъ большое напряженіе для движенія, но не сдвигаются съ мѣста. Но Писаніе даетъ истинное описаніе добродѣтелей вмѣстѣ съ сильными увѣщаніями и живые примѣры для всего. Когда язычники хотятъ учить богобоязненности, то учатъ суевѣріямъ, такъ какъ они не знаютъ ни Бога, ни Его воли. Тьма покрываетъ землю и мракъ народы, а надъ Сіономъ возсіяетъ Господь, и слава Его явится здѣсь. (Ис. 60, 2). Если дѣтямъ свѣта и позволительно иногда ходить

къ дѣтямъ тьмы, для того, чтобы увидѣвъ различіе, они тѣмъ радостнѣе шли путемъ свѣта и сожалѣли о мракѣ другихъ, то однако желаніе предпочитать искры нашему свѣту есть ослѣпленіе, преступное въ отношеніи къ Богу и нашимъ душамъ. «Что пользы дѣлать успѣхи въ мірскомъ ученіи и ослабѣвать въ божественномъ — гнаться за призрачными образами и пренебрегать небесными тайнами? Должно остерегаться такихъ книгъ и изъ любви къ Св. Писанію избѣгать ихъ, которыя внѣшнимъ образомъ блистаютъ богатствомъ словъ, внутри же пусты отъ добродѣтели и мудрости», говоритъ Исидоръ. Какая похвала этимъ книгамъ! Онѣ скорлупа безъ зерна. — Сужденіе Филиппа Меланхтона слѣдующее: «Что учать философы вообще, когда тѣ, которые лучше всего учать, проповѣдуютъ ничего больше, какъ самонадѣянность и самолюбіе? Цицеронъ въ своемъ сочиненіи: «О границахъ добра и зла» всякій родъ добродѣтели цѣнитъ съ точки зрѣнія самолюбія. Сколько надутости и гордаго презрѣнія у Платона! Мнѣ кажется невозможнымъ, чтобы самъ по себѣ сильный и высокій духъ, когда онъ напалъ на чтеніе Платона, не позаимствовалъ себѣ чего-нибудь изъ платоновскаго честолюбія. Способъ обученія Аристотеля въ общемъ есть родъ страсти спорить, потому мы ему въ числѣ писателей паренетической (практической) философіи не можемъ дать и послѣдняго мѣста» и т. д. (Очеркъ богословія, отдѣлъ о грѣхѣ.)

18. (2. Необходимость философіи.) Далѣе говорятъ: «Если означенные писатели богословію неправильно учать, то они учать философіи, которой нельзя почерпнуть изъ Св. Писанія, даннаго для цѣли спасенія». Я возражаю: источникъ премудрости — Слово Бога Всевышняго. (Сир, 1, 5). Истинная философія есть ничто иное, какъ истинное знаніе Бога и Его дѣль, которое истинно исходитъ только изъ устъ Божіихъ. Посему Августинъ, похваляя Св. Писаніе,

говорить: здѣсь философія, такъ какъ причины всего сотвореннаго находятся въ Богѣ Творцѣ; здѣсь этика, такъ какъ честная и добродѣтельная жизнь не иначе возможна, какъ когда любить тѣхъ, кого должно любить, именно Бога и ближнихъ; здѣсь логика, такъ какъ Богъ одинъ есть истина, свѣтъ разумной души; здѣсь великое благо государственное, такъ какъ государство тогда лучше всего охраняется союзомъ довѣрія и твердаго согласія, когда общественное благо составляетъ предметъ общей любви; но высшее и истиннѣйшее общее благо есть Богъ. Также уже въ нынѣшнемъ вѣкѣ нѣкоторые доказали, что основаніе всѣхъ философскихъ наукъ и искусствъ въ наиболѣе истинномъ видѣ содержится въ Писаніи, такъ что должно удивляться ученію Св. Духа, который, хотя главнымъ образомъ учитъ о невидимомъ и вѣчномъ, но въ то же время раскрываетъ основанія естественнаго и искусственнаго и даетъ правила для всякаго мудраго мышленія и дѣйствованія. У языческихъ философовъ нѣтъ и тѣни чего-либо подобнаго. Если одинъ изъ теологовъ совершенно правильно замѣтилъ, что славная мудрость Соломона состояла въ томъ, что онъ Божій законъ ввелъ въ дома и школы, то что мѣшаетъ намъ думать, что мы будемъ обладать мудростью Соломоновою, т. е. истинною божественною мудростью, когда мы юношество вмѣсто языческихъ сочиненій будемъ обучать закону Божію и на основаніи сего будемъ предписывать необходимыя правила для всѣхъ жизненныхъ отношеній? Слѣдовательно, къ тому должны мы направлять свои усилія, чтобы намъ дома имѣть то, что дѣлаетъ мудрыми, также въ отношеніи внѣшней, такъ сказать, мірской мудрости, которую называютъ философією. Могутъ наступить тѣ несчастныя времена, когда дѣти Израиля принуждены были ходить къ филистимлянамъ оттачивать свои сошники, свои заступы, свои топоры и косы, такъ какъ во всей землѣ Израиля не было ни одного кузнеца. (1 Цар. 13,

19. 20). Но необходимо ли, чтобы израильтяне всегда такимъ образомъ были стѣсняемы и угнетаемы? Въ особенности когда это приноситъ вредъ: какъ тамъ филистимляне хотя точили израильтяне заступы, но не давали имъ въ руки оружія противъ себя, такъ и отъ языческой философіи мы имѣемъ общеизвѣстные выводы разума и цвѣты краснорѣчія, но не получаемъ оружія для борьбы съ безбожіемъ и суевѣріемъ. Потому мы желаемъ лучше имѣть тѣ Давидовы и Соломоновы времена, когда филистимляне были унижены, а Израиль господствовалъ и наслаждался своими благами.

19. (3. Ради стилия.) (1 отвѣтъ). Учащимся по крайней мѣрѣ для стилия должно позволить читать Теренція, Плавта и другихъ. Должны ли мы своихъ дѣтей для того, чтобы они научились говорить, заставлять обращаться въ кабакахъ, шинкахъ, харчевняхъ, и въ подобныхъ клоакахъ? Ибо куда ведутъ юношество какой-нибудь Теренцій, Плавтъ, Катуллъ, Овидій и др., какъ не въ подобныя нечистыя мѣста? Что другое они представляютъ въ себѣ, какъ не пустыя остроты и шутки, описаніе пирушекъ и попоекъ, нечистой любви и безчестія, тонкаго обмана и подобныхъ вещей, отъ которыхъ глаза и уши христіанъ должны быть отвращаемы, когда они случайно встрѣчаются? Неужели мы думаемъ, что человѣкъ самъ въ себѣ мало еще испорченъ, и что извнѣ ему нужно представлять гнусныя картины всякаго рода и толкать его на погибель? — Говорятъ: «не все въ тѣхъ писателяхъ худо». Я возражаю: но злое всегда легче пристаетъ, и потому опасно вести юношество туда, гдѣ зло смѣшано съ добромъ. Желаящіе лишить жизни другихъ не въ чистомъ видѣ даютъ имъ ядъ, да и не могутъ этого сдѣлать, но даютъ его, примѣшавъ къ самой дорогой пищѣ и питью; однако ядъ производитъ свое дѣйствіе и убиваетъ того, кто его принялъ. Подобнымъ же образомъ древній человѣкоубійца, когда желаетъ кого-нибудь опутать, долженъ свой адскій ядъ подслащивать сахаромъ красивой поэзіи и изящной рѣчи, и

мы, которые это дѣло знаемъ, не должны разрушать этотъ страшный аппаратъ? Возражаютъ: «не всё же такъ нечисты и негодны: Цицеронъ, Виргилій, Горацій и др. почтенные и достойные люди». Я отвѣчаю: и однако они слѣпые язычники, отвращающіе души читателей отъ истиннаго Бога къ богамъ и богинямъ (Юпитеру, Марсу, Нептуну, Венерѣ, Фортунѣ и другимъ измышленнымъ божествамъ). (И однако Богъ сказалъ своему народу: имени другихъ боговъ не упоминайте; да не слышится оно изъ устъ твоихъ. (Исх. 23, 13). И какой хаосъ противорѣчивыхъ суевѣрныхъ взглядовъ, превратныхъ мнѣній, мірскихъ пожеланій мы находимъ тамъ! Совсѣмъ другимъ духомъ наполняютъ они своихъ учениковъ, чѣмъ духъ Христовъ. Христосъ учитъ самоотверженію, они самолюбію; Христосъ призываетъ насъ къ смиренію, они рекомендуютъ великодушіе; Христосъ ищетъ кроткихъ, они дѣлаютъ людей дикими; Христосъ рекомендуетъ простоту голубя, они представляютъ искусство хитрости на тысячу ладовъ; Христосъ совѣтуетъ скромность, они требуютъ увеселеній; Христосъ любитъ вѣрующихъ, они же лучше желаютъ быть недовѣрчивыми, упрямыми и склонными къ спорамъ. Закончу коротко словами апостола: Какое согласіе между Христомъ и Велиаромъ? Или какое соучастіе вѣрнаго съ невѣрнымъ? (2 Кор. 6, 15). Превосходно выражается также Эразмъ (въ своихъ сравненіяхъ): Увядшіе цвѣты избѣгаются пчелами, такъ не должно прикасаться и къ книгѣ, имѣющей сухое содержаніе. Подобнымъ же образомъ: Какъ безопаснѣе всего спать въ клеверѣ, такъ какъ въ этой травѣ нѣтъ никакихъ змѣй, такъ должно заниматься тѣми книгами, въ которыхъ не приходится опасаться присутствія яда.

20. (2 отвѣтъ). Между тѣмъ, какую такую особенную прелесть заключаютъ въ себѣ тѣ языческіе писатели въ сравненіи съ нашими духовными писаніями? Мастера ли они хотя бы въ

красотѣ слога? Совершеннѣйшій учитель языка есть тотъ, кто самъ насадилъ его, Св. Духъ, слова котораго слаще меда, пронизательнѣе, чѣмъ обоюдоострый мечъ, дѣйствительнѣе, чѣмъ огонь, расплавляющій металлы, тяжеловѣснѣе, чѣмъ молотъ, разбивающій скалы, какъ это знаютъ и возвѣщаютъ Святые Божіи. Повѣствуютъ ли язычники одни о замѣчательныхъ событіяхъ? Наша священная Книга полна такими, которыя гораздо болѣе истинны и гораздо чудеснѣе. Они ли одни имѣютъ въ себѣ тропы, фигуры, искусныя намеки, аллегоріи, загадки и сильныя мѣста? Высшая точка ихъ однако у насъ. Болѣзнь⁶⁾ должна быть сила воображенія, предпочитающая рѣки Дамаска Авану и Фарфаръ Иордану и видамъ Израиля (5 Цар. 5, 12)⁶⁾; тусклый долженъ быть глазъ, для котораго Олимпъ, Геликонъ и Парнасъ представляются болѣе пріятнымъ зрѣлищемъ, чѣмъ Синай, Сіонъ, Аэрмонъ, Фаворъ и Масличная гора; глухо должно быть ухо, для котораго лира Орфея, Гомера и Виргилія звучитъ пріятнѣе, чѣмъ Давидова арфа; испорчено должно быть небо, которое больше прельщаютъ сказочный нектаръ и сказочная амброзія и кастальскій источникъ, чѣмъ истинная небесная манна и источники Израиля; извращено то сердце, которое больше радуютъ имена боговъ и богинь, музъ и харитъ, чѣмъ божественное имя Іеговы, Спасителя Христа и различныхъ даровъ Св. Духа; слѣпая должна быть надежда, которая охотнѣе блуждаетъ по полямъ Элизіума, чѣмъ витаетъ въ садахъ райа. Ибо въ первомъ случаѣ все сказка, только тѣнь истины; въ послѣднемъ все фактъ, именно, истина сама.

21. (3 отвѣтъ.) Но согласимся: они могутъ имѣть свои сильныя мѣста, достойныя того, чтобы мы ихъ усвоили; свои красивые обороты рѣчи, поговорки и моральныя сентенціи: не должны ли мы ради этихъ цвѣтовъ краснорѣчія отсылать къ нимъ своихъ дѣтей? Не позволительно ли обирать египтянъ и уносить ихъ украшенія? Безъ сомнѣнія, позволи-

тельно и это должно дѣлать по повелѣнію Божию, (Исх. 3, 22). По праву все владѣніе язычниковъ принадлежитъ церкви⁷⁾. «Слѣдовательно», ты скажешь, «нужно пойти и взять!» Я отвѣчаю: когда Манассія и Ефремъ хотѣли завоевать землю язычниковъ для Израиля, то они пошли вооруженными и одни только мушцины; толпа же дѣтей и невооруженное большинство оставались дома въ безопасномъ мѣстѣ. (Ис. Нав. 1, 14). Такъ и мы хотимъ сдѣлать: Чтобы обезоружить тѣ страны, мы возьмемъ съ собою языческихъ писателей — мы мужи, подкрѣпленные образованіемъ, разсудительностью и христіанскою богобоязненностью; юношество же мы не желаемъ подвергать опасности. Что было бы, если бы нашихъ молодыхъ людей изрубили, изранили, если бы ихъ взяли въ плѣнъ? Увы, печальные примѣры предъ нами налицо, сколько многихъ философія языческой толпы отвлекла отъ Христа и повергла въ атеизмъ! Слѣдовательно, безопаснѣе всего будетъ посылать вооруженныхъ, чтобы они отъ подпадшихъ проклятію отняли все ихъ золото и серебро и раздѣлили между наслѣдіемъ Господнимъ. О если бы Богъ пробудилъ смѣлыя души, которыя собрали бы все цвѣты внѣшней красоты въ тѣхъ дикихъ пустыняхъ и обильно разбросали ихъ въ садахъ христіанской философіи, такъ чтобы дома не оставалось ничего больше желать!

22. (4 отвѣтъ.) Если наконецъ тотъ или другой изъ язычниковъ долженъ быть допущенъ, то это Сенека, Эпиктетъ, Платонъ⁸⁾ и подобные учителя добродѣтелей и нравственности, у которыхъ меньше замѣтно заблужденій и суевѣрныхъ взглядовъ. Это совѣтъ великаго Эразма, который къ тому же совѣтовалъ, чтобы христіанское юношество было воспитываемо на Свящ. Писаніи, и къ этому прибавилъ: если нужно заниматься языческими писателями, то такими изъ нихъ, которые болѣе родственны Свящ. Писанію (руководство богословія). Но и эти должны быть даваемы въ пользованіе юношеству только послѣ того,

когда духъ его утверждёнъ въ христіанствѣ, и именно сочиненія предварительно должны быть очищены, чтобы имена боговъ и все, отзывающееся суевѣріемъ, было удалено. Богъ позволилъ языческихъ дѣвущекъ брать въ жены съ условіемъ, чтобы у нихъ были острижены волосы и обрѣзаны ногти. (Второз. 21, 12.) Чтобы быть ясно понятымъ, я прямо скажу, что не воспрещаю совершенно языческихъ сочиненій для христіанъ, ибо очень хорошо знаю то небесное преимущество, которымъ Христосъ надѣлилъ своихъ вѣрующихъ (нужно замѣтить: уже вѣрующихъ!), и въ силу котораго они безвредно могутъ обращаться даже съ змѣями и ядомъ. (Мрк. 16, 18), но я только желаю, чтобы соблюдалась осторожность, и потому и прошу и заклинаю, чтобы слабыя еще въ вѣрѣ дѣти Божіи не были отданы змѣямъ, и чтобы въ безпечной довѣрчивости не былъ данъ имъ поводъ принять въ себя ядъ. Чистымъ молокомъ Слова Божія должно питать дѣтей Божіихъ, сказалъ Духъ Христовъ. (Петр. 2, 2; 2 Тим. 3, 15).

23. (4. Трудность Св. Писанія для юношества.) (1 отвѣтъ.) Далѣе тѣ, которые безразсудно ведутъ дѣло сатаны противъ Христа, говорятъ: «книги Св. Писанія для юношества слишкомъ трудны; потому на время нужно давать ему въ руки другія книги, пока сужденіе созрѣетъ».

Отвѣтъ: это ошибочныя рѣчи; такъ говорятъ тѣ, которые не знаютъ ни Писанія, ни силы Божіей, какъ это я намѣренъ доказать троякимъ образомъ. Во первыхъ: извѣстна исторія о музыкантѣ Тимоееѣ, который имѣлъ обыкновеніе всякій разъ, когда бралъ къ себѣ новаго ученика, сначала спрашивать его: началъ ли онъ уже учиться у другого учителя. Когда оказывалось, что ученикъ уже учился въ другомъ мѣстѣ, то онъ бралъ съ него двойную плату за ученіе, указывая на то, что въ обученіи этихъ учениковъ ему предстоитъ двойная работа, именно сначала искоренить то, что было ложно заучено, и затѣмъ учить правильному искусству.

Такъ какъ въ Иисусѣ Христѣ мы имѣемъ такого учителя и наставника, который былъ посланъ всему человѣческому роду, кромѣ котораго мы не должны искать никакого другого (Мѡ. 17, 5. 23, 8), и который сказалъ: пустите дѣтей приходитъ ко мнѣ и не препятствуйте имъ (Мрк. 10, 14), то должны ли мы противъ Его воли идти и вести дѣтей къ другому? Это могло бы быть умѣстно тогда, когда мы боялись бы, что у Христа имъ придется быть праздными, и что у Христа они очень легко измѣняются. Мы и водимъ ихъ по чужимъ мастерскимъ, гдѣ попало, какъ говорится, по шинкамъ и трущобамъ, чрезъ всякую грязь и, только когда они испорчены и уже заражены, приводимъ ихъ ко Христу, чтобы Онъ ихъ измѣнилъ. А кому здѣсь наносится вредъ, какъ не бѣдному юношеству, которое ни въ чемъ не виновно? Оно или всю жизнь должно бороться, чтобы отучиться отъ того, что внушено было ему въ первомъ возрастѣ жизни, или оно просто отталкивается отъ Христа и идетъ на служеніе діаволу. Ибо что посвящено Молоху, не должно ли быть то мерзостью для Бога? Это страшная истина. Во имя милосердія Божья прошу я, чтобы христіанскія начальства и предстоятели церквей самымъ серьезнымъ образомъ заботились о томъ, чтобы христіанское, во Христѣ рожденное и чрезъ крещеніе освященное юношество не было приносимо въ жертву Молоху.

24. (2 отвѣтъ.) Невѣрно, когда жалуются, будто Писаніе слишкомъ высоко и превышаетъ силу пониманія дѣтскаго возраста. Неужели Богъ не умѣлъ Свое Слово примѣнить къ нашей способности пониманія? (Второз. 31, 11. 12. 13). Не свидѣтельствуетъ ли Давидъ, что законъ Господа умудряетъ простыхъ? (Пс. 18, 8). Развѣ не говоритъ Петръ, что Слово Божіе есть молоко, данное для возрожденныхъ дѣтей Божіихъ, чтобы они возростали? (1 Петр. 2, 2). Итакъ млеко Божіе, самая нѣжная, сладкая и спасительная пища есть Слово Божіе для только-что родившихся дѣтей

Божіихъ! Слѣдовательно, зачѣмъ противорѣчить Богу, когда именно языческое ученіе есть твердая пища, требующая зубовъ и иногда даже ломающая ихъ? Потому Духъ Святой чрезъ Давида призываетъ малыхъ дѣтей въ свою школу: «Приидите дѣти, послушайте меня; страху Господню научу васъ» (Пс. 33, 12).

25. Наконецъ, я охотно сознаю, что въ Писаніи есть глубины, но такія, въ которыхъ слоны тонуть, а овцы плаваютъ, какъ прекрасно выражается Августинъ, обозначая этимъ различіе между мудрыми міра, которые дерзко нападаютъ на Писаніе, и простыми послѣдователями Христовыми, которые приступаютъ къ нему со смиреннымъ и любознательнымъ духомъ. И зачѣмъ нужно сейчасъ идти въ глубину? Вѣдь можно подвигаться впередъ по степенямъ. Сначала слѣдуетъ извѣдять катихизисъ, затѣмъ неглубокія мѣста, изучая библейскіе рассказы, нравственные изреченія и тому подобное, что не превышаетъ силы пониманія, но служитъ переходомъ къ слѣдующимъ ступенямъ. Наконецъ они будутъ въ состояніи проникать въ тайны вѣры. Такимъ образомъ съ дѣтства обученные въ Св. Писаніи легче будутъ охраняемы отъ искушеній міра сего и мудро достигнутъ блаженства чрезъ вѣру, которое во Христѣ Іисусѣ. (2 Тим. 3, 15). Ибо на того, кто предается Богу и, сидя у ногъ Христа, открываетъ свой слухъ сходящей свыше мудрости, изливается духъ благодати, чтобы освѣтить его свѣтомъ истиннаго познанія и со всею ясностью указывать ему пути спасенія.

26. (Обратное возраженіе). О томъ я умолчу, что писатели, которыхъ вмѣсто Библии хотятъ дать въ руки христіанскому юношеству (Теренцій, Цицеронъ, Виргилій и др.), имѣютъ то свойство, которое неправильно приписываютъ Св. Писанію, именно, трудны и малопонятны для юношества. Они написаны не для дѣтей, а для людей съ зрѣлымъ сужденіемъ, обращающихся на сценѣ жизни. Другимъ, слѣдовательно, они не приносятъ никакой пользы, какъ это очевидно изъ самаго дѣла. Взрослый

больше вынесеть изъ однократнаго чтенія Цицерона, чѣмъ мальчикъ изъ заученія его наизусть. Почему же изученіе его не отодвигается на правильное время для тѣхъ, кому это необходимо, если вообще можетъ быть необходимо? Но болѣе зрѣлаго обсуждения требуетъ то, что я уже сказалъ, что въ христіанскихъ школахъ должно образовывать гражданъ для неба, а не для міра, и что потому имъ должны быть даны такіе учителя, которые больше обучаютъ небесному, чѣмъ земному, больше внушаютъ святое, чѣмъ мірское.

27. (Заключеніе). Заключаемъ словами ангела: не можетъ устоять человѣческой домъ на томъ мѣстѣ, гдѣ начинаетъ образовываться градъ Всевышняго. И такъ какъ Богъ хочетъ, чтобы мы были насажденіемъ Іеговы во славу Его (Ис. 61, 3), то не нужно, чтобы наши дѣти были отростками изъ Аристотелева, Платонова, Плавтова или Туллиева разсадника. Въ другомъ мѣстѣ уже было приведено изреченіе: всѣ растенія, которыя не Отецъ мой небесный насадилъ, искоренятся. (Мф. 15, 13). Итакъ, оглянись назадъ ты, который не перестаешь роптать и возставать противъ познанія Бога. (2 Кор. 10, 5).

Глава XXVI.

О школьной дисциплинѣ.

1. (Школьная дисциплина необходима). Очень обычная въ Богеміи поговорка: «школа безъ дисциплины то же, что мельница безъ воды», совершенно справедлива. Если отъ мельницы отвести воду, то она остановится, и когда въ школѣ не достаетъ дисциплины, то все придетъ въ застой. Какъ поле, когда оно не засѣяно, тотчасъ же зарастаетъ пагубною для сѣмени сорною травою, такъ обростають и деревья, когда ихъ не чистятъ, и выпускають бесполезные отростки.

митр. Симону просить походатайствовать предъ вел. кн. Іоанномъ III о заведеніи школъ для образованія духовенства. «Приведутъ ко мнѣ мужика, писалъ онъ, и я ему велю Апостолъ дати чести, а онъ и ступить не умѣетъ; я ему велю Псалтирь дати, а онъ и потому едва бредетъ; и я его отреку (откажу), а они извѣтъ творять: «земля, господине, такова: не можемъ добыти, кто бы гораздъ грамотѣ», ино всю землю излаялъ, что нѣтъ челоуѣка на землѣ, кого бы избрати на поповство. Да мнѣ челомъ бьютъ: «пожалуй, господине, вели учить»; и я прихожу учить ихъ эктениі, а онъ и къ слову не можетъ пристать; ты говоришь ему то, а онъ говоритъ иное. Я велю имъ учить азбуку, а они поучатся мало азбукѣ, да просятся прочь и не хотятъ ее учить... а хотя и учатся, то не отъ усердія и живутъ долго; а на меня брань бываетъ отъ ихъ нерадѣнія; а моей силы нѣтъ, что ми ихъ не учивъ ставити. И я для того бью челомъ государю, чтобы велѣлъ училища учинити, да его разумомъ и грозою, а твоимъ благословеніемъ, то дѣло исправится; а ты бы, господинъ отецъ нашъ, государямъ нашимъ, а своимъ дѣтямъ, великимъ князьямъ, печаловался, чтобы велѣли училища учинити; а мой совѣтъ учить въ училищахъ первое азбука граница истолкована совсѣмъ, да и подтительныя слова, да Псалтиря съ слѣдованіемъ накрѣпко; а какъ то изучать, могутъ послѣ того проучивая и конархати и чести всякія книги. А то мужики невѣжи учать робятъ да рѣчь ему испортить, да первое изучать ему вечерню, а за эту мастеру принести каши да гривну денегъ, за заутреню также да и больше того, а за часы особо, да поминки (подарки) кромѣ того, что рядилъ отъ него. А какъ отойдетъ отъ мастера, то ничего не умѣетъ, только по книгѣ бредетъ, а церковнаго устава ничего не знаетъ. А какъ государь укажетъ изучить Псалтирь съ слѣдованіемъ да и все то, что выше писано, и укажетъ, что брать отъ того, то учащимся будетъ легко, и не посмѣютъ отказываться. Да чтобы и поповъ ставленныхъ велѣлъ учить, занеже то нерадѣніе въ землю

вошло. И какъ услышать то учащіяся, то съ усердіемъ примуть ученіе *).

Изъ приведенныхъ словъ арх. Геннадія видно, что существовавшія въ XV в. частныя школы учителей - мастеровъ были на чрезвычайно низкой ступени «какъ отойдетъ отъ мастера, то ничего не умѣетъ, только по книгѣ бредеть» (т. е. еле читаетъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ Геннадій указываетъ, чему слѣдуетъ учить въ школахъ: «а мой совѣтъ учить въ училищахъ первое азбука граница истолкована совсѣмъ, да и подтительныя слова, да Псалтиря съ слѣдованіемъ накрѣпко».

Вслѣдствіе низкой степени образованія въ народѣ мало по малу начало распространяться мнѣніе, что не дѣло мірянъ «чести книги», а въ XVI в. стали даже побаиваться чтенія книгъ: многіе боялись взять въ руки даже апостолъ и евангеліе; сребролюбивые и невѣжественные мастера, боясь, чтобы ихъ заработки не уменьшились, способствовали распространенію такого мнѣнія и говорили, что «грѣхъ простымъ (свѣтскимъ) чести апостолъ и евангеліе» и, когда находились любознательныя лица, которыя хотѣли «навыкати писанія», они отговаривали ихъ, замѣчая «не чтите книгъ многихъ, чтобы не сойти съ ума и не впасть въ ересь **). Поэтому лучшимъ людямъ, ревнителямъ просвѣщенія, приходилось писать въ защиту книгъ и доказывать ихъ пользу. Сохранилось и отъ XV вѣка не мало отдѣльныхъ наставленій и даже поученій о почитаніи книжномъ, которыя обыкновенно помѣщались въ предисловіи къ различнымъ сборникамъ. Въ нихъ говорилось, что «добро есть почитаніе книжное», что «книгами достоинъ искати пути спасенія», что онѣ «наведутъ на истинный путь и разрѣшаютъ духовныя соузы». Къ книжному чтенію приходилось даже побуждать и бѣлое духовенство.

Хотя почитаніе книжное, любовь и охота къ чтенію и списыванію книгъ процвѣтали только въ монастыряхъ, въ народѣ такъ привыкли къ развитію книжнаго чтенія въ мо-

*) Акт. истор. Т. 1, № 104.

**) Объ этомъ можно найти у Курбскаго и Артемія Преображенскаго.

настыряхъ, что считали это прямо и исключительно «чернеческимъ дѣломъ». И дѣйствительно, въ большихъ монастыряхъ иноки были истинными книжниками, обладавшими большою начитанностью. Такъ, напр., Іосифъ Волоцкій въ своемъ «Просвѣтителѣ» дѣлаеть многочисленныя ссылки на отцовъ церкви; митр. Даниилъ, кромѣ отцовъ церкви, ссылается на многія книги богослужебныя, кормчія, прологи, патерики и приводитъ множество выдержекъ изъ житій Святыхъ.

Къ XV вѣку относятся сочиненія пр. Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго. Пр. Іосифъ Санинъ, прозванный Волоцкимъ (1440—1515), представляетъ образецъ строгаго инока и древняго русскаго богослова. Какъ почти все древне-русскіе люди, Іосифъ образовался самоучкой; при помощи одного чтенія книгъ онъ пріобрѣлъ обширныя богословскія свѣдѣнія. Во время борьбы съ ересью жидовствующихъ Іосифъ написалъ нѣсколько посланій къ разнымъ лицамъ, которыя потомъ вошли въ составъ его извѣстнаго сочиненія «Просвѣтителя», представляющаго первое обширное русское оригинальное богословское сочиненіе, въ которомъ разсматриваются все истины христіанской вѣры и дѣятельности.

Пр. Нилъ Сорскій (1433—1508) былъ постриженникъ Кириллова монастыря. Онъ долгое время прожилъ на Афонской горѣ и изучилъ писанія отцовъ пустынниковъ. По возвращеніи въ Россію, онъ положилъ начало скитской жизни, при чемъ особенное вниманіе обратилъ на внутренній смыслъ иноческой жизни. Нилъ Сорскій предписывалъ инокамъ стремленіе къ внутреннему духовному совершенству.

Отъ XV в. дошло до насъ много посланій, которыя въ то время были главною формою сочиненій. Въ этихъ посланіяхъ выражаются заботы нашихъ пастырей и учителей о современныхъ дѣлахъ церкви и государства, о прекращеніи княжескихъ раздоровъ и утвержденіи власти московскаго царя, объ искорененіи народныхъ пороковъ, предразсудковъ и суевѣрій. Особенно замѣчательны посланіе къ вел. кн. Ивану III на Угру митрополита Геронтія съ духовенствомъ и ростов-

скаго архіеп. Вассіана, по случаю нашествія Ахмата. Своими авторитетными посланіями, смѣлымъ и властнымъ словомъ своимъ духовенство направляло нравственную и историческую жизнь Руси.

Источники и пособія: Акты историческіе. Т. I. — Соболевскій. Образованность Московской Руси въ XV—XVII вѣкахъ. СПб. 1892 г.

Глава VIII.

Максимъ Грекъ. XVI вѣкъ.

Уже въ XVI вѣкѣ начинаютъ сознавать недостатки простой грамотности. Упадокъ строгой монастырской жизни, нравственныя нестроенія въ обществѣ, размноженіе ересей, — все вызывало необходимость реформы въ дѣлѣ тогдашняго образованія.

Повсемѣстный упадокъ нравственности, ослабленіе истинной вѣры, остатки язычества, суевѣріе, возведеніе обрядовъ на степень догматовъ, смѣшеніе апокрифовъ съ истинными писаніями, ошибочные переводы и искаженные списки богослужебныхъ книгъ — всѣ эти нестроенія свидѣтельствовали о большихъ недостаткахъ образованія и просвѣщенія.

Нужны были люди съ широкимъ философскимъ, научнымъ и богословскимъ образованіемъ, способные поднять тяготу, накопившуюся вѣками, а такихъ-то людей въ современномъ обществѣ не было, такъ какъ доселѣ всѣ русскіе писатели, самые даровитые и просвѣщенные, много что обладали богословскими свѣдѣніями, но почти вовсе не были знакомы ни съ наукой, ни съ философіей.

Такимъ лицомъ, сыгравшимъ значительную роль въ исторіи нашего просвѣщенія XVI вѣка, былъ Максимъ Грекъ (род. 1480 г., ум. 1556 г.), аеонскій инокъ (родомъ албанскій грекъ), приглашенный въ Россію для описи греческихъ рукописей, хранившихся въ библіотекѣ вел. князя Василя Іоанновича и

для перевода нѣкоторыхъ изъ нихъ на церковно - славянскій языкъ. Время пребыванія его въ Россіи относится къ 1516—1556 гг.

Максимъ Грекъ первый явился у насъ съ образованіемъ научнымъ и съ богатымъ запасомъ свѣдѣній не только въ богословскихъ, но и въ свѣтскихъ наукахъ, какія тогда существовали. Послѣ первоначальнаго ученія на своей родинѣ, онъ получилъ дальнѣйшее образованіе въ Италіи, бывшей тогда центромъ умственнаго движенія всей Западной Европы, долго жилъ тамъ въ своей ранней юности «у мужей, премудростью много украшенныхъ», слушалъ въ разныхъ школахъ «нарочитыхъ учителей», основательно изучилъ языки греческій и латинскій, французскій и итальянскій, науки — грамматику, піитику, риторику, діалектику, древне-классическія литературы — греческую и римскую. Древне-греческихъ писателей называлъ онъ своими первыми наставниками. Арх. Макарій говоритъ, что Максимъ Грекъ основательно изучилъ системы древнихъ философовъ, особенно Платона и Аристотеля. Хорошее филологическое образованіе принесло пользу Максиму впоследствии при его многочисленныхъ переводахъ съ греческаго, отличающихся строгою отчетливостью, и при повѣркѣ чужихъ переводовъ. Оно дало ему возможность скоро усматривать характеристическія черты писателя и, познакомивъ его съ началами здоровой критики, помогало ему легко отличать подлинное отъ подложнаго въ писаніяхъ древнихъ.

Но не однимъ научнымъ образованіемъ обязанъ Максимъ Грекъ Италіи: въ лицѣ Геронима Савонаролы, знаменитаго доминиканскаго проповѣдника, она показала ему примѣръ дѣятельности, одушевленной религіознымъ рвеніемъ. Максимъ лично зналъ Савонаролу, слушалъ его проповѣди, удивлялся его твердости въ вѣрѣ. Рассказывая въ одномъ сочиненіи о сожженіи Савонаролы съ двумя его послѣдователями, онъ прибавляетъ: «я же съ радостью сравнилъ бы ихъ, если бы они не были латиняне вѣрою, съ древними защитниками благочестія». Видно, что личность Савонаролы произвела глубокое впечатлѣніе на Максима и, конечно, имѣла большое

вліяніе на образованіе его характера; и въ Максимѣ Грекѣ мы видимъ ту же ревность по вѣрѣ и ту же смѣлость въ обличеніи пороковъ, какимъ онъ удивлялся въ Савонаролѣ. Около 1507 г. Максимъ отправился на Аѳонскую гору и поступилъ въ Ватопедскую обитель. Монастырь Ватопедскій въ то время славился книжными сокровищами, особенно для ищущаго богословскаго образованія. Объ этомъ мы можемъ заключить по множеству рукописей, оттуда вывезенныхъ въ Москву при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и составляющихъ донинѣ украшеніе московской синодальной бібліотеки. Ученые путешественники прошедшаго столѣтія и нынѣшняго отзываются о Ватопедской бібліотекѣ, какъ о лучшей на Аѳонѣ. Здѣсь то постригся Максимъ Грекъ и посвятилъ себя по преимуществу занятіямъ богословіемъ, читаль и изучаль творенія Василия Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златуста и Іоанна Дамаскина. Въ трудахъ для обители, въ подвигахъ жизни иноческой и въ ученыхъ занятіяхъ Максимъ проведъ на Аѳонѣ около десяти лѣтъ, какъ въ это время получено было изъ Россіи неожиданное приглашеніе, на имя одного изъ старцевъ Ватопедскаго монастыря. Въ письмѣ къ игумену, начальствующему въ Кареѣ, Симону, вел. князь московскій, Василій Іоанновичъ, просилъ прислать къ нему на время переводчика, книжнаго старца Савву. Симеонъ, съ согласія братіи ватопедской, рѣшилъ послать вмѣсто престарѣлаго Саввы инока Максима. Игумень ватопедскій Анеимъ, въ посланіяхъ къ великому князю и къ митрополиту, свидѣтельствовалъ о немъ, что онъ «свѣдуецъ въ божественномъ Писаніи и способенъ къ изъясненію и переводу всякихъ книгъ, и церковныхъ, и такъ называемыхъ эллинскихъ, т. е. языческихъ. «Правда, писалъ онъ, Максимъ не знаетъ языка русскаго, а только греческій и латинскій; но мы надѣемся, что онъ скоро научится и русскому языку». Великій князь принялъ Максима весьма радушно: назначилъ ему пребываніе въ Чудовомъ монастырѣ и содержаніе отъ своего двора. Митр. Варлаамомъ онъ былъ принятъ также весьма благосклонно.

Послѣ осмотра великокняжеской бібліотеки, Максиму

поручено было заняться переводомъ толкованія на Псалтырь. Псалтырь, какъ мы говорили, была любимою книгою древнерусскихъ людей. Съ нея начиналась грамота. Къ ней всего чаще обращались въ церковномъ богослуженіи. Она же служила и для домашняго благочестиваго упражненія и уединенному подвижнику и простому мірянину.

Такъ какъ Максимъ еще не былъ свѣдущъ въ русскомъ языкѣ и тѣмъ менѣе былъ знакомъ съ особенностями нашего церковнаго языка, то дали ему двухъ переводчиковъ, знающихъ латинскій. Они должны были передавать то на церковно-славянскомъ языкѣ, что слышали отъ него на латинскомъ. Оба они были изъ числа переводчиковъ, которыхъ правительство употребляло для сношеній съ иностранцами. То были: Димитрій Герасимовъ, бывший въ разныхъ посольствахъ при дворахъ, и Власій. Въ пособіе переводчикамъ назначены двое писцовъ: Михайло Медоварцевъ и инокъ Силуанъ.

Дм. Герасимовъ писалъ своему знакомому: «а нынѣ, господине, переводить Максимъ псалтырь съ греческаго толковую великому князю, а мы съ Власомъ у него сидимъ, перемѣняясь; онъ сказываетъ по латыньски, а мы сказываемъ по русски писаремъ».

Вотъ кто, справедливо замѣчаетъ арх. Макарій, были настоящіе переводчики этой псалтыри на нашъ языкъ.

Когда Псалтырь была переведена черезъ 15 мѣсяцевъ и Максимъ хотѣлъ возвратиться на Аѳонъ, князь Василій Иоанновичъ и митр. Варлаамъ упросили его заняться исправленіемъ богослужебныхъ книгъ. Максимъ началъ исправлять тріодь, а потомъ перевелъ съ греческаго толкованіе на Дѣянія Апостольскія и Златоустовы бесѣды, на евангелія отъ Матѳея и отъ Иоанна.

Изъ оригинальныхъ сочиненій наибольшаго нашего вниманія заслуживаютъ нравоучительныя сочиненія Максима Грека. Въ нихъ онъ подвергаетъ самому строгому разбору и осужденію всѣ недостатки религіозно-нравственной жизни народа во всѣхъ его сословіяхъ: неправосудіе и мздоимство судей и на-

чальниковъ, грабежи, разбой и всякаго рода насилія, фарисейство, лицемеріе, отсутствіе истиннаго благочестія въ средѣ самаго духовенства. Сочиненія Максима представляютъ собою какъ бы зеркало, въ которомъ до нѣкоторой степени отразилась и современная ему Россія, съ нравственной стороны, и его собственная судьба. Въ Россіи въ то время жива еще была ересь жидовствующихъ, хотя уже осужденная и подвергшаяся жестокому преслѣдованію. Максимъ подаль свой голосъ противъ этой ереси и ея проповѣдниковъ. Русскихъ сильно беспокоили тогда происки придворнаго врача Николая Нѣмчина, старавшагося распространить между ними и латинство и астрологию; въ обличеніе его Максимъ написалъ нѣсколько сочиненій. Между грамотеями русскими были тогда въ большомъ ходу апокрифы, и число ихъ еще увеличивалось переводомъ новыхъ подобныхъ книгъ съ латинскаго языка. Максимъ, разбирая эти апокрифы, показывалъ ихъ нелѣпость и несостоятельность. Максимъ смѣло обличалъ все эти недостатки и училъ всехъ, какъ жить и дѣйствовать по христіански. Однимъ изъ главныхъ вопросовъ времени былъ вопросъ о монастырскихъ имуществвахъ; Максимъ твердо и открыто высказался и по этому вопросу. Сочиненія Максима весьма многочисленны (ихъ насчитываютъ до 134) и разнообразны, но не велики по объему; изложены они то въ формѣ размышленій и разсужденій, то въ видѣ посланій, разговоровъ, историческихъ разсказовъ, молитвъ и священныхъ пѣснопѣній. Слогъ въ сочиненіяхъ Максима нельзя назвать ни чистымъ, ни правильнымъ. Сначала, по пріѣздѣ къ намъ, Максимъ не зналъ русскаго языка; потомъ, хотя изучилъ его и писалъ на немъ, но не владѣлъ имъ въ совершенствѣ. Самое видное мѣсто въ ряду его статей занимаютъ сочиненія догматико-полемическія, написанныя въ защиту вѣры православной христіанской противъ иновѣрцевъ и неправославныхъ: іудеевъ, язычниковъ, магометанъ, армянъ и латынчанъ. Максимъ строго держится того самаго воззрѣнія на науку и философію, какое образовалось еще въ первые вѣка христіанства, когда отцами церкви греко-римская наука была принята въ нособіе при утвержденіи христіанскаго ученія. Наука должна быть слу-

жительницею Вѣрѣ, работою Евангелія и Богословія, какъ называлъ ее еще Іоаннъ Дамаскинъ. «Философія, говоритъ Максимъ, священна, потому что она говоритъ о Богѣ, Его правдѣ и промыслѣ, на все простирающемся и непостижимомъ. И хотя не во всемъ она успѣваетъ, потому что не имѣетъ вдохновенія, какимъ обладали св. пророки, но показываетъ достоинство кротости и мудрости, устанавливаетъ гражданственность («гражданство составляетъ») и вообще украшаетъ нравы добрыми правилами.» Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что хорошо знать словесныя науки («словесъ внѣшнихъ вѣдѣній») для того, чтобы правильно говорить, развивать и совершенствовать умъ («къ навывченію еже правѣ глаголати и очищенію»), а не для того, чтобы отрицать божественныя догматы и разсуждать о нихъ, потому что они выше помышленія и выше зрѣнія всякаго и «только познаются вѣрою.» Вслѣдствіе этого отъ философовъ Максимъ Грекъ совѣтовалъ заимствовать только то, что способствовало бы «утверженію благочестія и христіанской вѣры», а философіею «вездѣ понужати и аки рабынею истины водити и нещевати.»

Свой взглядъ на занятіе древними писателями Максимъ Грекъ выразилъ такъ: «Ученіе древнихъ мужей слѣдуетъ приобрѣтати, если оно содѣйствуетъ славѣ Божіей, возбуждаетъ насъ большою божественною любовью и не противорѣчитъ священному писанію.» По его понятію, самый разумъ есть порожденіе вѣры («отродъ бо вѣры разумъ есть») Съ религіозной же стороны смотритъ Максимъ и на событія міра: по его понятію, возвышеніе царей, побѣды, войны, паденіе царствъ и. т. п. бываетъ или выраженіемъ благодѣянія Божія или наказаніемъ за грѣхи людей. Онъ не допускаетъ даже разсужденій о природѣ, если только они противорѣчатъ «богодуховенному писанію», а потому совѣтуетъ «крѣпцѣ держатися Дамаскиновы книги» и «будещи, прибавляетъ онъ, великъ богословець и естествословецъ». Примѣняя философію къ религіи и считая ее только «рабой» послѣдней, Максимъ Грекъ и свои возраженія противъ нея основываетъ на словахъ священнаго писанія и вмѣстѣ съ апостоломъ Павломъ называетъ

ее «тщетною прелестью, крадущею простых разумы». Даже признавая «внѣшнія науки («оужняія ученія») добрыми и нужными челоѣческому житію», онѣ прибавляетъ, «множайшая нѣкая вредна и пагубна въ нихъ крыются, яже аще по единому исчитати восхощемъ, книгу цѣлу счинити понудимся. Толика въ нихъ многа лжа и нечистота».

«Не подумайте однако, говоритъ онѣ въ другомъ мѣстѣ, что я укоряю внѣшнее ученіе, польза котораго засвидѣтельствована . . ., не такой я неблагодарный его ученикъ, но я осуждаю только чрезмѣрное испытаніе разума». Въ своихъ сочиненіяхъ Максимъ Грекъ нерѣдко приводитъ мѣста изъ греческихъ и римскихъ писателей и съ особенною похвалою отзывается о Платонѣ; объ Аристотелѣ онѣ отзывается рѣзко, потому что западные ученые, преклоняясь предѣ авторитетомъ Аристотеля, старались всякій догматъ вѣры согласить съ его ученіемъ и тѣмъ ризу церкви, истканную отъ вышняго богословія раздирали «лютѣ діалектическими софизмами». «Обратись мысленно», говоритъ Максимъ, «къ италіанскимъ училищамъ и ты увидишь тамъ, какъ Платонъ и Аристотель, подобно потокамъ потопляютъ всѣхъ. И никакой догматъ, ни божественный, ни челоѣческий, не считается твердымъ, если не будетъ утвержденъ силлогизмами Аристотеля».

Великая заслуга Максима Грека предѣ русскимъ просвѣщеніемъ заключается въ томъ, что онѣ раскрывалъ истинныя начала христіанской вѣры и точныя научныя понятія. Онѣ первый показалъ русскимъ, что въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ исправленіе богослужебныхъ книгъ, не достаточно простой грамотности, что для этого необходимы солидныя научныя познанія; Максимъ старался объяснить русскимъ, что лица, которыя пожелали бы приняться за исправленіе книгъ, должны имѣть познанія не только въ грамматикѣ, но и шитикѣ, риторикѣ и самой философіи, а переписчики книгъ должны знать, по крайней мѣрѣ, грамматику. Неудивительно, если нѣкоторые даже преувеличивали значеніе Максима Грека и считали его челоѣкомъ выше своего вѣка по уму и образованію, а другіе, водясь иногда духомъ партіи, только одного Максима

и признавали человѣкомъ умнымъ и просвѣщеннымъ и безъ мѣры превозносили его переводы и исправленіе книгъ и его сочиненія.

Однажды въ разговорѣ Максимъ спрашивалъ Берсеня: «какой отъ меня польза быти?», на что Берсень отвѣчалъ: «ты человѣкъ разумной и можешь насъ пользоваться и пригоже было намъ тебя выспрашивать, какъ устроить государю землю свою, и какъ людей жаловати, и какъ митрополиту жити*)». Такъ смотрѣли на Максима тѣ, которые хотѣли видѣть въ немъ общественнаго дѣятеля.

Но духовное поборничество навлекло Максиму много враговъ и способствовало его паденію. Явились люди, недовольные его трудами, говорившіе, что онъ посягаетъ на старыя книги и портитъ ихъ, вредить вѣрѣ; къ этому присоединилось недовольство многихъ духовныхъ лицъ на его обличенія недостатковъ современной монастырской жизни. Въ числѣ недовольныхъ были митр. Даміанъ и иноки Волоколамскаго монастыря. На соборѣ 1525 г. Максимъ былъ судимъ и осужденъ на заключеніе въ Волоколамскій монастырь; потомъ онъ былъ переведенъ въ Тверской Отрочъ монастырь. Нѣсколько разъ тщетно просилъ онъ освободить его и отпустить на Аeonъ. Его освободили только въ 1553 году и перевели въ Троице-Сергіеву лавру, гдѣ онъ и скончался черезъ три года.

Но дѣло Максима Грека не погибло; сѣмена были брошены въ невоздѣланную русскую почву; нужно было время, чтобы взойти имъ и окрѣпнуть. Вотъ почему мы считаемъ Максима Грека однимъ изъ почтенныхъ и выдающихся дѣятелей въ исторіи русскаго просвѣщенія. Онъ не только для насъ важенъ своими сочиненіями, но и тѣмъ нравственнымъ вліяніемъ, тѣмъ учительствомъ, которымъ онъ способствовалъ образованію многихъ русскихъ людей. На допросахъ келейникъ Максима Грека показалъ, что къ Максиму приходили: князь Иванъ Токмаковъ, Василій Михайловичъ Тучковъ, Иванъ Даниловичъ Сабуровъ и Юрій Тютинъ «и говаривали съ нимъ книгами и спиралися межъ себя о книжномъ.» Ѳеодоръ Жареный бралъ у него для себя «тетрадки.» Къ Максиму же на бесѣды, ходилъ Петръ Шуйскій.

*) Акты экспед. № 172.

Самъ Максимъ образовалъ нѣсколько учениковъ: Сильвана, Савву, архимандрита новоспасскаго, Михаила Медоварцева, Нила Курметева, Дмитрія Герасимова (переводчика), Зиновія Отенскаго, Германа, архіеп. Казанскаго и князя Курбскаго.

Источники и пособія: Арх. Макарій. Исторія русской церкви. — В. С. Иконниковъ. Максимъ Грекъ. Киевск. Унив. Изв. 1865—1866. — Порфирьевъ. Исторія русской словесности, т. I. Казань. 1886 г. — А. Галаховъ. Исторія русской словесности древней и новой.

Глава IX.

Заботы Стоглава объ образованіи. XVI вѣкъ.

(Состояніе образованія и просвѣщенія въ XVI в. Идеаль женщины).

Въ XV и XVI вѣкахъ, какъ извѣстно, шло медленное, но постоянное дѣло объединенія Сѣверо-Восточной Руси; во время этой упорной борьбы нѣкогда было думать о просвѣщеніи — «поиспатались обычаи и самовластіе учинилось по своимъ волямъ и предніе законы порушились» — и вотъ для исправленія этого, по приказанію царя Іоанна IV Васильевича, собираются соборы. Въ 1547 и 1549 гг. собирается соборъ съ цѣлью собрать и пересмотрѣть мѣстныя житія святыхъ, установить нарочитые дни чествованія святыхъ государства русскаго, а въ 1551 г. новый соборъ «во исправленія церковнаго благочинія, государственнаго управленія и всякаго земскаго строенія». Этими соборами государственная власть соединялась съ церковной затѣмъ, чтобы соборнѣ уложить и утвердить обиходъ жизни по правиламъ св. апостоль и св. отецъ и по прежнимъ законамъ праотеческимъ. Памятникомъ дѣяній этого собора

есть книга Стоглавъ или соборныя постановленія, раздѣленная на сто главъ. Стоглавъ обнимаетъ не всю жизнь челоуѣка XVI вѣка, но только тѣ стороны, которыя поисшатались, а поисшатались тогда, однако, чуть не важнѣйшія явленія общественной жизни; замѣчалось большое паденіе нравовъ, грубость и невѣжество. Недаромъ же на соборѣ твердо признана была мысль о необходимости образованія, объ учрежденіи училищъ. Несмотря на существовавшія школы грамотности, просвѣщеніе все-таки было въ печальномъ состояніи. Не только народъ былъ грубъ, невѣжественъ и необразованъ, но даже священники еле умѣли читать, и некого было ставить во священники.

Изъ посланія арх. Геннадія мы видѣли, что по малому числу грамотныхъ людей некого было ставить во священники; ставленники едва умѣли разбирать псалтырь. Но все старанія и заботы Геннадія о заведеніи прочно организованныхъ училищъ не имѣли успѣха. Въ народѣ, напротивъ, распространились невѣжество и гибельныя суевѣрія; отъ невѣжества усилилась порча богослужебныхъ книгъ и произошелъ крайній упадокъ нравственности. Стоглавому собору предстояло на все эти неурядки обратить вниманіе. Засѣданія собора происходили въ царскихъ палатахъ подъ предсѣдательствомъ митрополита Макарія «пастыря мудраго и просвѣщеннаго» и открыты были рѣчью царя, гдѣ онъ особенно жаловался на небрежное ученіе, какъ причину крайней малограмотности ставленниковъ. Соборъ въ отвѣтахъ своихъ приводитъ свидѣтельство ставленниковъ, что они учатся у своихъ отцовъ и мастеровъ затѣмъ, что имъ больше негдѣ учиться, но что родители ихъ и мастера сами мало знаютъ, тогда какъ прежде въ разныхъ городахъ существовали училища, въ которыхъ обучали чтенію, письму и церковному пѣнію. Въ главѣ 25 «о дьяцѣхъ хотящихъ въ діаконы и въ попы становитися» *) читаемъ: «иже есть діяки которіи хотящїи діаконства и священства, а грамотѣ мало умѣють... да и о томъ ихъ святители

*) Стоглавъ. Изд. Д. Е. Кожанчикова. 1863.

истязаютъ съ великимъ запрещеніемъ. Почему мало умѣютъ грамотѣ, и они отвѣты чинять: мы де учимся у своихъ отцовъ, или у своихъ мастеровъ, а индѣ де намъ учитесь негдѣ. Колько отцы наши и мастера умѣютъ потому и насъ учать, а отцы ихъ и мастера сами потому же мало умѣютъ и силы въ божественномъ писаніи не знаютъ, да учится имъ негдѣ. А прежде сего училища бывали въ Россійскомъ царствіи на Москвѣ и въ великомъ Новѣградѣ, и по инымъ градомъ многіе грамотѣ, писати и пѣти, и чести учили. Потому тогда и грамотѣ гораздыхъ было много, но писцы, и пѣвцы, и четцы славны были во всей земли и до днесъ». Обсудивъ вопросы и отвѣты, соборъ постановилъ учинить въ домахъ священниковъ и дьяковъ училища, гдѣ бы дѣти могли учиться грамотѣ, церковному пѣнію, чтенію божественныхъ книгъ.

Въ главѣ 26-й находится: «отвѣтъ соборной о училищахъ книжныхъ по всѣмъ градомъ». «И мы о томъ соборнѣ уложили, по царскому совѣту. Въ царствующемъ градѣ Москвѣ, и по всѣмъ градомъ, тѣмъ протопопомъ и старѣйшимъ священникомъ, со всѣми священники и дьяконы, коемуждо въ своемъ градѣ по благословенію своего святителя, избрати добрыхъ духовныхъ священниковъ и дьяконовъ, и дьяковъ женатыхъ и благочестивыхъ, имущихъ въ сердцыхъ страхъ Божій, могущихъ и иныхъ пользоваться и грамотѣ чести и пѣти и писати гораздивы, и у тѣхъ священниковъ и у дьяконовъ и у дьяковъ учинити въ домѣхъ училища, чтобы священники и дьяконы и всѣ православные христіяне, въ коемуждо градѣ, давали своихъ дѣтей на ученіе грамотѣ, книжнаго писма и церковного пѣнія и чтенія надойного, и тѣ бы священники, и дьяконы, и дьяки избранные учили своихъ учениковъ страху Божію и грамотѣ и писати, и пѣти и чести со всякимъ духовнымъ наказаніемъ, но и паче же всего учениковъ бы своихъ берегли и хранили во всякой чистотѣ и блюли бы отъ всякаго плотскаго разлѣнія... но и паче же ото всякія нечистоты, чтобы имъ вашимъ береженіемъ и поученіемъ пришедъ въ возрастъ достойнымъ быти

священническому чину, да учениковъ бы есте своихъ и во святыхъ божіихъ церквахъ наказывали и поучали страху Божию и всякому благочинію, псалмопѣнію, и чтенію и конарханію по церковному чину, и учили бы учениковъ грамотѣ довольно, коль сами умѣете, и силы бы имъ писанія сказывали, по данному вамъ отъ Бога таланту, ничтоже скрывающе, чтобы ученицы ваши всѣ книги учили».

Итакъ, для поднятія просвѣщенія соборъ считалъ нужнымъ завести училища въ каждомъ городѣ въ домахъ священниковъ и дьячковъ; причемъ поставлялъ на видъ, чтобы священники и дьячки учили бы дѣтей со всякимъ духовнымъ наказаніемъ, болѣе же всего учениковъ своихъ берегли и хранили во всякой чистотѣ.

Относительно иконописанія соборъ постановилъ: писать живописцамъ иконы съ древнихъ образцовъ, какъ греческіе живописцы писали, а отъ своего замышленія ничего не измѣнять, причемъ соборъ обращалъ особенное вниманіе на нравственныя качества живописца: «подобаетъ бо быти живописцу смирену и кротку. благоговѣну. не празднословцу. ни смѣхотворцу. ни сварливу. ни завистливу. ни пѣяницы. ни убійцы. но же всего хранить чистоту душевную и тѣлесную и съ превеликимъ тщаніемъ писати и вообразать на иконѣхъ и на декахъ Господа нашего Ісуса Христа и пречистую его Богоматерь . . . и всѣхъ святыхъ по образу и по подобію и по существу смотря на образъ древнихъ живописцовъ и знаменити съ добрыхъ образцовъ».*)

Относительно богадѣльныхъ домовъ соборъ предлагалъ: «царь да повелитъ по всѣмъ городамъ переписать немощныхъ, престарѣлыхъ, кромѣ здравыхъ строевъ (молодыхъ, способныхъ къ работѣ людей); устроить въ каждомъ городѣ богадѣлни мужскія и женскія, и не имѣющихъ гдѣ главу подклонити помѣщать туда, и снабжать всѣмъ содержаніемъ, принимать для поддержанія сихъ богадѣленъ и доброхотную милостыню; приставить къ нимъ крѣпкихъ тѣломъ рабочихъ людей и жен-

*) Глава 43 «о живописцѣхъ и честныхъ иконахъ».

щинъ, для приготовленія пищи, сколько будетъ нужно; поручить надзоръ надъ богадѣльнями добрымъ священникамъ, цѣловальникамъ или и другимъ гражданамъ, чтобы они имѣли попеченіе о соблюденіи порядка въ богадѣльняхъ и спокойствіи призрѣнныхъ, а сверхъ того, священникамъ вмѣнить въ обязанность, чтобы они приходили въ богадѣльни и поучали живущихъ тамъ благочестію и доброй нравственности, исповѣдывали и приобщали больныхъ, погребали умершихъ, и поминали ихъ на церковныхъ службахъ».

Для исторіи народныхъ обычаевъ, вѣрованій и суевѣрій интересна глава 41, гдѣ указывается на обычай ѣздить въ церковь къ вѣнчанію съ арганниками, гусельками и пѣніемъ бѣсовскихъ пѣсень, на гаданія въ Аристотелевы врата и Рафли, по звѣздамъ и по планетамъ, на суевѣрное почитаніе среды и пятницы, на суевѣрныя и гадательныя книги: Рафли, Шестокрыль, Воронограй, Острономій, Зодѣй, Альманахъ, Звѣздочетъ, Аристотелевы врата, на языческіе обычаи и игры и пр. Причину всѣхъ нестроеній, суевѣрій и пороковъ отцы собора видятъ въ упадкѣ древнихъ преданій, въ отступленіи отъ древнихъ уставовъ и правилъ благочестія, и потому средствомъ къ исправленію считаютъ возстановленіе упавшихъ уставовъ. «Соборъ стремится возстановить древніе церковныя правила и уставы, справедливо замѣчаетъ г. Порфирьевъ*), но въ немъ самомъ не видно твердаго знанія этихъ правилъ и уставовъ; онъ указываетъ на нихъ большею частью въ общихъ фраззахъ «по священнымъ правиламъ», «по преданію св. апостоль и св. отецъ», «по уставу»; а если и приводятся самыя правила, то не полно и не ясно и часто въ искаженномъ видѣ». Соборъ предписываетъ пастырямъ церкви учить народъ, но это предписаніе, разумѣется, было мертвой буквой при той неграмотности пастырей, о которой засвидѣтельствовалъ самъ же соборъ. Послѣ этого неудивительно, что благія намѣренія Стоглава искоренить развившіеся въ русской жизни пороки и заблужденія остались безуспѣшными. Отцы собора мало

*) Исторія русской словесности. Часть I. Древній періодъ. Казань. 1886 г. ст. 538. — Макарій. Ист. Рус. Ц. т. VI ст. 233—235.

обратили вниманія на внутренній источникъ всѣхъ суевѣрій и пороковъ, а остановились на вѣшнихъ безпорядкахъ. Эти внѣшніе безпорядки, разумѣется, больше всего поражали; но они были слѣдствіемъ внутреннихъ недостатковъ — слѣдствіемъ упадка въ русской жизни духа вѣры и благочестія, подавленнаго невѣжествомъ и мертвою обрядностью; а между тѣмъ на исправленіи этой обрядности отцы собора преимущественно и остановили свое вниманіе. Въ этомъ отношеніи Максимъ Грекъ стоялъ выше отцовъ собора; онъ лучше и глубже понималъ корень всѣхъ нестроеній въ русской жизни и требовалъ не внѣшняго, но внутренняго, нравственнаго исправленія, разумнаго пониманія духа вѣры и благочестія и истиннаго христіанскаго просвѣщенія.

Что касается вообще произведеній словесности XVI в., то мы должны сказать, что въ нихъ выражается съ одной стороны стремленіе къ критическому разбору недостатковъ русской жизни, вмѣстѣ съ заботою объ ихъ исправленіи, а съ другой — стремленіе подвести итогъ подъ выработанныя издавна начала, правила и обычаи. Такъ Максимъ Грекъ сдѣлалъ строгій разборъ всѣхъ недостатковъ современной жизни, умственной, религіозной и нравственной. Такой же разборъ религіозно-церковной жизни произведенъ отцами Стоглаваго собора. Такой же кодексъ древнихъ правилъ, издавна сложившихся обычаевъ въ частной домашней жизни представляетъ въ себѣ Домострой (о чемъ ниже). Въ области литературной такое же значеніе итога или свода имѣетъ сборникъ митр. Макарія—Великія Четьи Минеи, въ которомъ собраны почти всѣ книги, находившіяся въ употребленіи у нашихъ предковъ, и въ которомъ слѣд. подведенъ итогъ къ богатствамъ древней письменности. Главное богатство въ ней составляли житія Святыхъ, которыя до сихъ поръ разсѣяны были по разнымъ мѣстамъ; Москва, собравшая всѣ областныя силы русскаго государства, становится центромъ и всѣхъ мѣстныхъ Святыхъ, собирая сказанія о нихъ въ одинъ сборникъ.

Изъ жизни Святыхъ больше всего возбуждали интересъ, какъ и слѣдовало ожидать, житія русскихъ Святыхъ. На нихъ

преимущественно и обратилъ вниманіе Макарій при составленіи своихъ Четій-Миней. Большую часть остальныхъ входящихъ въ ихъ составъ сочиненій Макарій находилъ готовыми, и ему пужно было только заняться исправленіемъ и перепиской ихъ, но не то было съ житіями русскихъ Святыхъ. Онъ долженъ былъ заботиться объ исправленіи старыхъ редакцій житій, составленіи новыхъ, и вообще дѣятельность его въ этомъ отношеніи столь важна, что цѣлый современный ему періодъ въ русской агіографіи можно назвать Макарьевскимъ. Трудъ Макарія имѣетъ громадное значеніе въ русской литературѣ, такъ какъ безъ него множество замѣчательныхъ русскихъ сочиненій остались бы намъ неизвѣстны. Но еще больше заслуги Макарія для русской литературы въ томъ, что онъ своими Четвыми-Минейми представилъ намъ яркую картину тогдашней образованности. Въ нихъ помѣщена вся сумма знаній тогдашняго образованнаго человѣка, энциклопедія всѣхъ извѣстныхъ ему наукъ. По нимъ можно судить, что не широкъ былъ умственный горизонтъ образованнаго человѣка XVI вѣка. Библия, творенія отцовъ церкви, преимущественно Василія Великаго и Дамаскина, книги въ родѣ сочиненія Косьмы Индикоплова, множество отдѣльныхъ статей о великихъ и невѣроятныхъ явленіяхъ природы — вотъ и весь матеріалъ для знаній, которыя приобрѣталъ образованный тогдашній человѣкъ объ окружающей его природѣ. Путевыя записки въ родѣ странника Даніила и т. п. давали ему свѣдѣнія по географіи, а съ исторіей онъ знакомился по библейскимъ рассказамъ, хронографамъ, хроникамъ и всякаго рода житіямъ Святыхъ. Эти послѣднія были болѣе всего распространены въ массѣ и для тогдашняго общества отчасти замѣняли и нынѣшнюю беллетристику.

Въ XVI вѣкѣ было положено начало типографскому искусству въ Россіи.

Какъ Максимъ Грекъ, такъ и Стоглавый соборъ обратили вниманіе на искаженіе богослужебныхъ книгъ невѣжественными переписчиками. Для пресѣченія этого зла, одной изъ лучшихъ мѣръ являлось однообразное ихъ изданіе, и потому

царь Іоаннъ, по совѣту митр. Макарія, рѣшилъ завести въ Москвѣ типографію.

Въ 1563 г. два мастера печатныхъ дѣлъ, дьяконъ Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимоѳеевъ Мстиславецъ, начали заниматься книгопечатаніемъ, и въ мартѣ 1564 г. окончено было печатаніе «Дѣянія Апостольска и посланія соборная и Святаго Апостола Павла посланія», а въ 1566 г. былъ отпечатанъ Часословъ.

На первыхъ же порахъ книгопечатанія пришлось бороться съ предразсудками невѣжественныхъ людей. Кромѣ этого въ то время въ Москвѣ существовалъ обширный классъ «доброписцевъ», которые занимались перепискою книгъ. Книгопечатаніе отнимало у нихъ работу и лишало доходовъ. Все это было причиною, что первыхъ типографщиковъ обвинили въ ереси и волшебствѣ, въ связи съ нечистою силою. Ѳедоровъ и Тимоѳеевъ бѣжали изъ Москвы въ Литву. Однако устроенная ими въ Москвѣ типографія уцѣлѣла, книги печатались и мало по малу распространялись въ народѣ.

Для того, чтобы ознакомиться съ идеальными личностями древне-русской жизни, необходимо обратиться къ житіямъ Святыхъ. Здѣсь изображается тотъ высшій, нравственный міръ, къ которому тяготѣли наши предки.

Начиная свой разсказъ, авторъ житія тотчасъ же переносится своимъ восторженнымъ духомъ къ высокому идеалу нравственнаго совершенства въ лицѣ того угодника, о которомъ повѣствуетъ.

Въ началѣ XVII столѣтія сыновья любовь вдохновила нѣкогого Каллистрата Осорьина описать житіе своей матери Юліаніи Лазаревской. Особенный интересъ этого житія состоитъ въ томъ, что оно переноситъ насъ въ боярскую семью XVI вѣка, такъ мало намъ извѣстную, и вращается около особы, которая составляетъ ея средоточіе, около вѣрной жены и нѣжной матери. Мы приведемъ здѣсь главнѣйшія черты этого житія *).

*) См. Ѳ. Буслаевъ. Древне-русская народная литература и искусство, т. II, ст. 238. Идеальные женскіе характеры древней Руси.

«Въ г. Муромѣ отъ Іустина Недюрева ключника родилась блаженная Юліанія. По смерти своей матери, она осталась шести лѣтъ; ее взяла бабка и воспитывала ее шесть лѣтъ во всякомъ благовѣріи и чистотѣ. Блаженная же отъ молодыхъ лѣтъ возлюбила Бога и Пречистую Его Матерь, премного почитала тетку свою и сестеръ (у которыхъ потомъ жила) и во всемъ была имъ послушна, любила смиреніе и молчаніе, молитвѣ и посту прилежала. И за то тетка много ее бранила, а сестры надъ ней смѣялись. Отъ смѣха и всякой игры удалялась.. Только о пряжѣ и пяличномъ дѣлѣ прилежаніе великое имѣла; сиротъ и вдовъ, и немощныхъ въ веси той всѣхъ обшивала, и всѣхъ нуждающихся и больныхъ не оставляла безъ призрѣнія, и всѣ дивились ея разуму и благовѣрію. Не было въ той веси церкви, ни вблизи ея, а была версты за двѣ. И не случилось блаженной въ дѣвственномъ возрастѣ ни разу быть въ церкви, ни слышать божественныхъ словесъ читаемыхъ, ни учителя, учащаго на спасеніе. Только смысломъ благимъ наставляема была праву добродѣльному.

Когда ей минуло 16 лѣтъ, она отдана была замужъ въ г. Муромѣ мужу добродородну и богату, именемъ Георгію Осорьину. Вѣнчалъ ихъ іерей Пименъ, который и научилъ ихъ страху Божію, по правиламъ Святыхъ Апостоловъ и Святыхъ Отецъ, какъ жить мужу съ своею женою, и о молитвѣ, и о постѣ, и о милостынѣ, и о прочихъ добродѣтеляхъ. Она же внятно, со всѣмъ прилежаніемъ послушала божественнаго ученія... и дѣломъ все исполнить старалась. Свекоръ (богатый и добродородный) поручилъ ей править все домовое хозяйство. Она же со всѣмъ смиреніемъ послушаніе и повиновеніе имѣла къ нимъ (роднымъ мужа), ни въ чемъ не ослушивалась, не перечила, но много почитала ихъ, и все повелѣнное ими непрекословно совершала; такъ что и свекоръ и свекровь дивились, и всѣ родственники ихъ. И многіе испытывали ее въ рѣчахъ и отвѣтахъ; она же на всякій вопросъ давала благочестный и смысленный отвѣтъ; и всѣ дивились ея разуму и славили Бога. Ея мужъ, занятый царскою службою, хотя и зналъ грамотѣ, но до женитьбы своей мало упражнялся въ дѣлахъ

благочестія. Юліанія не только сама молилась, но и мужа своего учила прилежно молиться, такъ какъ видѣла въ этомъ свой святой долгъ. Она постоянно занималась дѣломъ, какъ говоритъ житіе, «прилежно локти свои на веретено утверждала и на пяличное дѣло». И продавая работу свою, деньги раздавала нищимъ. Была она хитра пяличному дѣлу. Многую милостыню тайно отъ свекра и свекрови творила. И все это дѣлала по ночамъ, чтобы никто не узнавалъ. А днемъ домовное хозяйство безъ лѣности правила. О вдовахъ и сиротахъ, какъ настоящая мать, заботилась; своими руками кормила и поила, обмывала и обшивала.

Всѣ въ домѣ ея были одѣты и насыщены, и каждому дѣло, по силѣ его, давала; а гордости и величанья не любила. Простымъ именемъ никого не называла и не требовала, чтобы ей кто на руки воды подалъ, или отъ ногъ ея сапоги отрѣшилъ, но все сама собою творила. Развѣ по нуждѣ, когда гости приходили, тогда ей рабыни по чину предстояли и служили. Когда же уходили гости, и то она себѣ въ тяжесть вмѣняла, и всегда со смиреньемъ укоряя душу свою говорила: «кто же я сама убогая, что предстоятъ мнѣ такіе же человѣки, созданье Божіе?» Когда гнѣвъ Божій постигъ русскую землю, и наступилъ великій голодъ, отъ котораго много людей умирало, Юліанія многую милостыню творила тайно отъ всѣхъ. Брала у свекрови себѣ пищу, будто бы на утреннее и полуденное яденье, и отдавала нищимъ. Когда же кто изъ нищихъ умиралъ, она покупала умиральныя ризы и на погребенье посылала деньги. Вскорѣ послѣ голода, былъ на людей сильный моръ. Многіе помирали болѣзнію, прозванною пострѣломъ. И многіе неразумные, изъ боязни, въ домахъ своихъ запирались, и язвенныхъ пострѣломъ къ себѣ не пускали, и къ одеждѣ ихъ не прикасались. Блаженная же, тайно отъ свекра и свекрови, зараженныхъ многихъ, своими руками въ бани обмывая, исцѣляла и Бога молила объ исцѣленіи. . .

Было у нея десять сыновей и три дочери. Ненавидящій добро дьяволъ всячески старался бѣду и искушеніе ей сотворить: и воздвигалъ пустыя брани между дѣтьми ея и

рабами: но она все смысленно и разумно разсуждала и усмиряла. И когда одного изъ сыновей убилъ рабъ, а другой умеръ на царской службѣ, то хотя и скорбѣла, но душевно, а не тѣлесно. Не кричала, не терзала на себѣ волосъ, какъ дѣлають другія женщины, но днемъ поминала дѣтей своихъ милостынею и кормлею нищихъ, а ночью молилась Богу. Бѣднымъ во всемъ помогала. Плакалась, видя челоуѣка въ бѣдѣ, съ рабами же, какъ съ родными дѣтьми, обходила. Провинившимся рабамъ и рабынямъ, вмѣсто грозы, милованье творила и отъ божественныхъ писаній поучала, а не бранью и побоями. Хотя и не умѣла она грамотѣ, но любила слушать чтеніе божественныхъ книгъ, и каждое слово слышала, внятно понимала. Предъ смертью, собравъ дѣтей, поучала ихъ о любви, и о молитвѣ, и о милостынѣ, и о прочихъ добродѣтеляхъ».

И вчитавшись въ эти немногія строки житія, развѣ не тронетъ читателей идеальный образъ Юліаніи. Вы видите изъ житія, что кроткая и благочестивая Юліанія съ раннихъ лѣтъ отличалась нѣжностію и теплотою чувства, восторженною набожностію и преданностію своему долгу и обязанностямъ. Обо всѣхъ она заботилась въ домѣ; и всѣ были одѣты и насыщены, она ни отъ кого не требовала услугъ, но все сама старалась дѣлать. Будучи весьма любвеобильна, она умѣла сохранить твердость воли и безропотно встрѣчала невзгоды и бѣдствія, постигавшія ее въ жизни. Не рыдала, не рвала на головѣ волосъ, когда убили ея сына, но скорбѣла душой. Общественныя бѣдствія, проносившіяся надъ нею, только изощряли ея любящее, сострадательное сердце. Не только кормила она нищихъ и отдавала имъ послѣднюю копѣйку, но заботилась о нихъ и во время всеобщаго голода и моровой язвы. Послѣдній кусокъ хлѣба готова была отдать голоднымъ, а во время моровой язвы не боялась прикасаться къ зараженнымъ, она сама утѣшала ихъ, обмывала и исцѣляла, не гнушаясь язвъ, не страшась смерти. Конечно, все было кругомъ сѣро и мрачно, грубость и невѣжество господствовали повсюду; Юліаніи хотя и не могли вполне понять и оцѣнить окружающіе, но образъ ея могъ воспитывающимъ образомъ

дѣйствовать на дѣтей и подрастающее поколѣніе, показывалъ достойный примѣръ христіанской нравственности и любви къ людямъ. Что образъ этотъ западалъ въ сердца, видно хотя бы изъ почтеннаго стремленія сына оставить его въ назиданіе потомству и съ этою цѣлью описавшаго житіе своей матери.

Изъ сказаннаго видно, что въ XVI вѣкѣ начинаютъ яснѣе проявляться заботы о просвѣщеніи. Максимъ Грекъ первый явился у насъ съ образованіемъ научнымъ и съ богатымъ запасомъ знаній и стремился распространить въ Россіи истинныя начала христіанской вѣры и точныя научныя понятія. Онъ важенъ для насъ не только своими сочиненіями, но и тѣмъ нравственнымъ вліяніемъ, тѣмъ учительствомъ, которымъ способствовалъ образованію значительнаго числа русскихъ людей. Стоглавый Соборъ старался устранить безпорядки въ религіозно-церковной жизни поднятіемъ образованія, заведеніемъ училищъ, по крайней мѣрѣ, на дому у священниковъ и дьячковъ, съ тѣмъ чтобы въ этихъ училищахъ обучали страху Божію и всякому благочинію, псалмопѣнію, чтенію и конорханію. Митрополитъ Макарій своими Четвыми —Минеями далъ намъ яркую картину образованности XVI вѣка; въ нихъ помѣщена вся сумма знаній тогдашняго образованнаго человѣка, энциклопедія всѣхъ извѣстныхъ въ то время знаній. Домострой далъ намъ кодексъ древнихъ правилъ, издавна сложившихся обычаевъ въ частной домашней жизни.

Несмотря на то, что образованіе и просвѣщеніе XVI вѣка стояло на небольшой высотѣ, нѣкоторыя отдѣльныя личности представляютъ большой интересъ для историка педагогіи. Такою высокою идеальною личностью для своего времени мы считаемъ Юліанію Лазаревскую. По своей самоотверженной любви, по преданности долгу и семейнымъ обязанностямъ, по твердой воли и умѣнью переносить несчастія она вызываетъ глубокія симпатіи и могла воспитывающимъ образомъ дѣйствовать не только на своихъ дѣтей, но и вообще на послѣдующее поколѣніе, которое поучалось ея жизнью.

Источники и пособія: Стоглавъ. Спб. 1863 г. Изд. Д. Е. Кожанчикова. — Порфирьевъ. Исторія рус. слов. т. I. — О. Буслаевъ. Древне-рус. народн. литература и искусство, т. II.

Глава X.

Педагогическое значеніе древне-русскихъ сборниковъ.

«Пчелы» и «Прологи».

Исслѣдователь древне-русской жизни приходитъ къ несомнѣнному убѣжденію, что въ ней весьма важную роль играли древне-русскіе сборники. Историко-литературное значеніе Пчель, Златоуста, Измарагда и Домостроя достаточно признано; историку русской педагогіи и просвѣщенія предстоитъ собрать важнѣйшія педагогическія и нравственныя идеи, въ нихъ заключающіяся, для того чтобы показать, чѣмъ жило и руководилось древне-русское общество. Но такой трудъ въ полномъ объемѣ не подъ силу въ настоящее время одному человѣку, такъ какъ многіе изъ сборниковъ вовсе не обслѣдованы и требуютъ многихъ лѣтъ кропотливыхъ изслѣдованій и изысканій въ нашихъ книгохранилищахъ. При своемъ изслѣдованіи мы будемъ пользоваться Пчелою В. Семенова, изслѣд. объ Измарагдахъ В. Яковлева, Домостроемъ И. Е. Забѣлина и нѣкоторыми рукописными сборниками *).

Основная цѣль почти всѣхъ древне-русскихъ сборниковъ — доставить назидательное чтеніе; они читались и многократно переписывались; мысли, проводимыя ими, нечувствительно входили въ воззрѣнія грамотныхъ людей того времени.

Пчела если и можетъ быть названа сборникомъ, то не въ томъ смыслѣ, въ какомъ называются этимъ словомъ Златоустъ или Измарагдъ: это антологія, составленная не изъ отдѣльныхъ статей, имѣющихъ самостоятельное значеніе, а изъ

*) Изъ библіотеки И. Н. Михайловскаго.

афоризмовъ, краткихъ изреченій разныхъ писателей, изреченій, распредѣленныхъ по содержанію на отдѣльныя главы или рубрики.

Пчела, какъ извѣстно, была любимѣйшею книгою въ древней Руси, многократно переписывалась, дополнялась и измѣнялась. Она оказывала довольно значительное вліяніе не только на древне-русскую литературу, но и на нравственныя и педагогическія воззрѣнія древней Руси. Пчела существуетъ во множествѣ списковъ отъ XIV до XVIII вв. и заключаетъ въ себѣ изреченія, выбранныя изъ Св. Писанія, твореній Св. Отцовъ и классическихъ писателей: Платона, Сократа, Пифагора, Аристотеля и мн. др. Однѣ Пчелы переведены съ греческаго; другія русскаго состава.

Недавно, благодаря трудамъ В. Семенова, издана Древняя русская Пчела по пергаментному списку, относящемуся къ XIV—XV вв.*)

Извлечемъ изъ нея важнѣйшія нравственныя и педагогическія идеи:

На первыхъ страницахъ мы встрѣчаемъ ученіе о злобѣ: «не одолѣи злобою благодати, но одолѣи благодатию злобѣ» (апостоль ст. 1); «не твори зла и не постигнетъ тебе зло» (ib.); «подобаетъ писанье твердо имѣти, а дѣла свѣтла, и равенъ будеши Богу, аще не створиши ничтоже недостойно ему» (Демокритъ, ст. 12); «медляи починаи дѣло, поченъ же въ борзѣ кончай» (ib.).

Въ словѣ 2 о мудрости находимъ: «не дѣти бывайте умомъ, но злобою млади будите, а умомъ же свершени» (отъ апост. ст. 16 и 357); «яко же солнце просвѣщаетъ очи всѣмъ имѣющимъ, такоже и мудръ мужъ просвѣщаетъ вся елико прикасаются словесному естеству» (ст. 164). О значеніи философіи говорится: «дѣлатель землю мягчитъ а философъ душу».

Источникомъ и основаніемъ мудрости Пчела признаетъ добродѣтель: «источникъ и мать и коренъ мудрости добродѣтель е, а все лукавство отъ безумья починается» (Златоустъ

*) Спб. 1893. Пергаментный списокъ Пчелы хранится въ Император. Публичной Библиотекѣ, куда онъ поступилъ въ 1845 г. изъ собранія Фролова.

ст. 17); «мудрость же надъ всѣми добродѣтьми царствуетъ», однако «смѣшно есть, иже глаголетъ, яко мудрость безъ ученья есть: безъ нея бо нѣсть ползы, отъ инѣхъ ремесвъ, та бо есть владыко господство (?) и красота и чинъ съ подобиемъ коегождо исправливаеть» (ст. 19).

Громадное значеніе любви не разъ отмѣчается: «аще языкомъ глаголю и англскимъ, любви же не имамъ, быхъ аки мѣдъ звенящи и акы кумвал звячая. аще раздаю имѣние свое или дамъ тѣло свое на съжъжение огню, любви же не имамъ, ничтоже есмь» (ст. 54), и далѣе: «вражды конецъ вѣдай, а любви не вѣдай» (ст. 56).

Пчела рекомендуетъ словесное воздержаніе: «Буди всякъ человекъ скоръ на послушаніе, а лѣнивъ на глаголаніе, и аще кто словомъ не согрѣшаеть, то свершенъ есть, мога обуздати все тѣло свое» (ст. 147 и 191, апостоль), ибо «ни птицы упущены скоро можеша опять яти, ни слова изъ устъ вылетѣвъша възвратити можеша и яти» (ст. 195); но этимъ нисколько не отрицается значеніе и даже могущество слова, напротивъ: «якоже и коневи рзаніе, и псу бреханіе и волови рютъе (мычанье) и лютому звѣрю риканье дано есть, да то ихъ знаменье есть, такоже и человекъу слово, да то его знаменье, то же его градъ, то же его сила, то же оружье, то же и стѣна, съ животень боголюбень кромѣ всѣхъ животь симъ почтенъ есть» (ст. 152), и далѣе «слово аки благи жител одѣваетъ душу образомъ» (Демокритъ ст. 154) и «уши свои не ко всѣмъ прикланяи словомъ, слово бо зло злу дѣлу наставникъ есть» (Менандръ ib.); «съ рече яко естество человекъче, такы и рѣчи» (Онопидъ ст. 156); «кротко слово разрушаетъ гнѣвъ» (187 ст.); «мѣра вѣсомъ, а истина мудрыми словесы исправиться» (Плутархъ ст. 283).

Труду приписывается большое значеніе, ему даже посвящена отдѣльная глава (32-я) о страдолюбіи: «съ тяжимъ трудомъ съ радостью приятно есть и съхранено, а еже добыто безъ труда, скоро преобидяться» (Св. Василиій ст. 269); «вездѣ лютостью и трудомъ къ человекъкомъ прібывають полезная» (Златоустъ ст. 270) и: «блудныи

есть мужъ то иже чести ищеть собѣ, а страды (труда) бѣгаеть, от неяже и честь ростеть» (Евагр. ib.); «естественное добродѣяние истлѣваетъ лѣность, а безумье исправляетъ ученье» (Плутархъ ст. 271); «присное (частое) веселие и сладость обыкшимъ пакостить зѣло и скоро сѣтваряеть и (ихъ) немощна, трудъ же и во инѣхъ пользуетъ (и силу подаваетъ)» (Златоустъ ст. 271). Поэтому рекомендуется научить тѣло трудиться, а душу съ твердостью переносить непріятности.

Что касается собственно ученія и воспитанія, то въ этомъ отношеніи въ Пчелѣ находимъ нѣсколько важныхъ мыслей; одну изъ такихъ прекрасныхъ мыслей мы находимъ на ст. 148: «Уча учи нравомъ, а не словомъ иже словомъ мудръ, а дѣла его несвершена, то хромъ есть, а иже языкъ доброглаголивъ имѣеть, а душа его непоставѣна и ненаказана, то непріятень есть; но то правыи, иже малы о добродѣяньи глаголетъ, а добродѣянья добрѣ являетъ и прілагаетъ вѣру къ своему учению житьемъ своимъ». И далѣе: «тогда учитель свершитъ и вѣренъ бываетъ уча, егда дѣяниемъ учить по апостольскому глаголу яже начать Иисусъ творити и учить» (ст. 150); «учитель нравомъ да покорить ученика, а не словомъ» (эпихарии ст. 155).

О томъ, что ученье должно быть пріемлемо съ радостью, должно быть пріятно и интересно учащимся; видимъ изъ слѣд. словъ Св. Василия: «насилно учение не можетъ твердо быти, съ радостію же и веселиемъ входя твердо прилежитъ къ душамъ внимающимъ» (ст. 157). «Со въпросимъ, что сладко въ всемъ житии, и рече: учение и наказание и вѣданье первыя вещи» (ст. 171).

Въ рукописномъ сборникѣ «Пчелы» *) находимъ слѣдующія изреченія:

«А конецъ добродетели имѣти въ помышленіи покаяніе и любовь ко всѣмъ». «Узокъ бо есть путь терпѣніе и правда». «Не богатство рай отверзаеть, ни широкаго путя сладость, но нищета». «Казни сына твоего и покоитъ на старость твою» (листь 2). «Не радуйся о неправдѣ, радуйся же о истинѣ»

*) Повидимому, относящемся къ XVII в.; изъ бібліотеки И. Н. Михайловскаго

(Давидъ, листъ 3). «Безмолвіе бо рождаетъ чистоту, а кротость рождаетъ милостію, а милостыня есть души спасеніе, а жестокосердіе рождаетъ гнѣвъ и уныніе» (л. 11).

Терпѣніе и смиреніе высоко ставятся: «Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша. претерпѣвый до конца той спасется». «Имѣя смиреніе покоряетъ бѣсы, а не имѣя смиренія покоренъ будетъ бѣсомъ». «При славѣ буди смиренъ, а при печали мудръ» (л. 3). «Смирійся вознесется, а возносясь смирится» (Сираховъ). «Смирениемъ душа украшается аки невѣста монисты». «Аще печаленъ еси помолися Богу, радостенъ ли еси смирился» (листъ 25). «Постомъ душа просвѣщается аки мрачный день солнечнымъ сирѣчь солнцемъ». «Страхомъ Господнимъ душа утверждается аки добрый нестрашливый воинъ браннымъ оружіемъ» (листъ 27). О необходимости добрыхъ дѣлъ говорится словами апостола: «Аще кто христианинъ нарицается и вѣру праву имѣя, а дѣлъ добрыхъ не творить, то подобенъ есть имущу лицу без очесъ якоже бо тѣло без души тако и вѣра без дѣлъ» (лист. 25 об.).

«Аще кто милостыню даетъ нищимъ, то Христу в руцѣ влагаеть» (л. 33). «Лучше храма Божія воскомъ не просвѣщати нежели убогихъ обидѣти» (л. 33 об.). «Творя заповѣди Божія то любить Бога и Богъ его возлюбить» (л. 30).

Послушаніе считается дѣломъ весьма важнымъ: «Послушаніе больши есть поста и пустыннаго житія. Самъ бо Господь нашъ Иисусъ Христосъ послушливъ бывъ даже до смерти» (л. 10).

О значеніи доброй жены говорится: «Добра жена мужа и по смерти спасетъ, а злая жена мужа и при животѣ загубляетъ» (л. 23). «Первое добро жена лѣпотою лица своего, второе веселиемъ взора, третие еже возрастомъ и чистотою тѣла своего, аще будетъ держитъ чисто тѣло свое можетъ добро быти всякое дѣло ея и по вся часы веселится оне мужъ ея... аще ли скверно держитъ тѣло свое зло есть и все дѣло ея и по всякъ часъ печалию упивается мужъ ея» (лист. 24).

Читая эти изреченія Пчелы, намъ могутъ сказать, что

это выдержки изъ Библіи, Св. Отцевъ, Евангелія, древнихъ классическихъ писателей и т. п., что здѣсь нѣтъ или очень мало своего, оригинальнаго. Но напомнимъ прекрасныя слова Н. А. Лавровскаго *), что «въ старинной нашей литературѣ не различалось строго свое отъ чужаго: чужое или вполнѣ принималось за свое, если оно вполнѣ согласовалось съ понятіями, съ умственными и нравственными потребностями народа, или постепенно подводилось подъ уровень этихъ потребностей, согласовалось съ ними; усвоенное такимъ образомъ чужое становилось своимъ, начинало дѣйствовать на жизнь, какъ самостоятельно выработанный ею образовательный элементъ». Мысли, находимыя въ различныхъ спискахъ Пчелы, правда, афористичны, но только въ такомъ видѣ онѣ и были доступны пониманію древне-русскихъ книжниковъ и начетчиковъ **), не получившихъ правильнаго школьнаго образованія, не прошедшихъ чрезъ строгую школу мышленія; отъ этого, впрочемъ, въ цѣнѣ онѣ ничего не теряютъ.

Историку просвѣщенія необходимо ознакомиться и съ Патериками.

Патерики заключаютъ въ себѣ житія Святыхъ: въ одномъ — египетскихъ, въ другомъ — синайскихъ, въ третьемъ — іерусалимскихъ; по ихъ образцу составилъ и у насъ патерикъ печерскій. Въ этихъ сочиненіяхъ правила богоугодной жизни представлялись въ примѣрахъ и живыхъ образахъ, что было вполнѣ согласно съ благочестивымъ настроеніемъ духа и жизни нашихъ предковъ. Иногда такіе сборники назывались «синаксарями», гораздо чаще «прологами». Синаксари отличались краткостью. При переводѣ съ греческаго на славянскій они получили названіе «прологовъ» по первой статьѣ и по предисловію, которое было помѣщено въ началѣ сборника. Въ своей русской формѣ Прологъ заключалъ житія Святыхъ греческой

*) Памятники старин. русскаго воспит. ст. 1.

**) Эта афористичность, напротивъ, особенно приходилась по вкусу и по силамъ нашимъ предкамъ, которые безъ труда могли запомнить и употреблять ихъ по чуждѣ; изъ Пчелы приводитъ изреченіе Демокрита Вассіанъ, арх. Ростовскій, въ своемъ посланіи къ Іоанну III; многія изреченія изъ Пчелъ вошли въ пословицы.

церкви, житія русскихъ Святыхъ и разнаго рода назидательныхъ повѣсти и поученія иногда съ апокрифическимъ элементомъ; статьи церковно-учительныя, каковы назидательныя повѣсти, поученія и богословскія разсужденія чрезвычайно разнообразны по формѣ и по содержанію. Это большею частью небольшія цѣльныя произведенія или извлеченія изъ твореній отцовъ и учителей церкви, преимущественно же изъ твореній христіанскихъ подвижниковъ, встрѣчаемыя часто и въ другихъ древне-русскихъ сборникахъ, но не мало между ними и статей самостоятельныхъ. Историкъ литературы отмѣтитъ въ ея памятникахъ многоразличныя отраженія Пролога: такъ указываютъ любопытныя параллели съ Прологомъ въ поученіи Владиміра Мономаха и въ Домостроѣ; для народныхъ духовныхъ стиховъ Прологъ во многихъ случаяхъ послужилъ источникомъ *). «Патерики синайскій и скитскій,—говоритъ г. Буслаевъ,—проникнутые самою восторженною поэзіею отшельнической жизни, были любимымъ чтеніемъ нашихъ предковъ отъ XI в. до XVII включительно. Исторія о Варлаамѣ и Иосафатѣ Царевичѣ, вся основанная на идеализаціи пустынножительства, пользовалась въ древней Руси такою популярностію, что даже отразилась въ народной поэзіи стихами объ Асафѣ—царевичѣ и о похвалѣ пустынѣ. Эти аскетическія книги, отрывками внесенныя въ Прологи, имѣли громадное вліяніе на древне-русскую литературу и, скажемъ мы отъ себя, и на воспитаніе. Въ ежедневномъ чтеніи Пролога онѣ заучивались наизусть, нечувствительно входили въ воззрѣнія и убѣжденія нашихъ грамотныхъ предковъ и отражались въ практической ихъ дѣятельности учрежденіемъ и распространеніемъ пустынножительства въ безлюдныхъ захолустьяхъ русской земли» **).

*) См. Н. Петровъ. О происхожденіи и составѣ славяно-русскаго печатнаго Пролога. Кіевъ. 1875 г. А. Пономаревъ. Славяно-русскій Прологъ въ его церковно-просвѣтительномъ и народно-литературномъ значеніи. Спб. 1890. См. А. Пыпинъ. Начатки русской литературы. В. Е. 1893. Книга 12.

***) Буслаевъ, Ѳ. Историч. очерки русской народной словесности и искусства. II, 231—232.

«Большая часть проложныхъ поученій, — говоритъ проф. Н. Петровъ *), — такого содержанія и характера, что они одинаково могутъ быть прилагаемы ко всякому христіанину. Признакомъ истиннаго христіанина служатъ вѣра правая и добрыя дѣла. Область нравственныхъ проложныхъ поученій для всякаго христіанина опредѣляется двумя главными добродѣтелями: любовью къ Богу и ближнимъ. Иногда проложныя поученія общаго характера касаются и частныхъ пунктовъ христіанскаго правоученія. Эти пункты суть слѣдующіе: удаленіе отъ грѣховъ, особенно противообщественныхъ, покаяніе и причастіе, хожденіе въ церковь и благоговѣйное стояніе въ ней, дѣла милосердія къ ближнимъ, отношенія къ властямъ, семейныя отношенія между мужемъ, женою, дѣтьми и домашними». По мнѣнію проф. Н. Петрова **), составъ проложныхъ поученій гораздо обширнѣе и лучше касается разнообразныхъ сторонъ русской жизни, чѣмъ другіе древне-русскіе сборники. Въ этомъ отношеніи съ Прологомъ могли бы поспорить Макарьевскія Четы-Минеи, но онѣ по своей громадности не могли быть такъ доступными для каждаго и вліятельными какъ Прологъ въ поучительномъ своемъ отдѣлѣ. Поэтому Прологъ можно назвать «энциклопедическимъ сборникомъ свѣдѣній для древне-русскаго человѣка не только по другимъ отраслямъ знанія, но и по правоученію». Древнѣйшій извѣстный списокъ славяно-русскаго пролога относится къ 1262 г.

Подъ названіемъ Старчества или поученій отъ Старчества разумѣются собранія правилъ, наставленій, и примѣровъ, относящихся къ иноческой жизни. Они выбраны изъ житій Святыхъ иноковъ - подвижниковъ и сочиненій Святыхъ, писавшихъ объ иноческой жизни: Ефрема и Исаака Сирина, Иоанна Лѣствичника, Анастасія Синеита и др. Къ этому роду сочиненій относится Лавсаикъ инока Палладія, Исторія Боголюбцевъ Феодорита Кирскаго и Лимонарь (лучъ духовный или цвѣтникъ) Иоанна Мосха (VII в.).

*) Loc. cit.

**) О происхожд. и составѣ славяно-русскаго Пролога. Ст. 330.

Въ нашемъ распоряженіи былъ «Лимонарь сирѣчь цвѣтникъ мудрыми Кирѣ іоанномъ софроніемъ и инѣми различными преподабными отцы сочинень». Въ главѣ 172-й говорится о Козьмѣ Схоластикѣ: «бѣ бо сей мужъ смиренномудръ, милостивъ, воздержателень, дѣвственъ, братолюбивъ, нищелюбивъ, многу убо намъ сеи мужъ ползу творяше не токмо словомъ уча, но и множество книгъ имяше паче всѣхъ сущихъ иже во Александріи иже совѣмъ изволеніемъ подаваше требующимъ, имѣнія не собираше, и во всемъ дому его ничто же ино видѣти, точию книги, одръ и трапезу, всякому же челоуѣку входити къ нему и вопрошати юже на ползу и прочитати книги не возбранно бѣ по вся же дни вхождахъ к нему и николиже обрѣтохъ его праздна: но или чтуща или на іудея списующа, много бо ревность имыи, еже обращати іудеи ко истиннѣ».

Въ главѣ 171 говорится о Зоилѣ чтецѣ, который постоянно трудился «не точию себѣ, но и инѣмъ готовъ служить и пребываше без покоя книги почитая и пиша».

Такимъ образомъ въ Лимонарѣ часто проводится мысль о необходимости и пользѣ чтенія книгъ для инока.

По поводу блудныхъ поползновеній нѣкоего монаха вдова говоритъ ему: «молю же тя убо воспряни и не мози погубити малыя ради похоти толикихъ лѣтъ дѣла их же с трудомъ стяжа и лишитися вѣчныхъ благъ».

Въ главѣ 217: «рече старецъ нѣкии чада соль от воды есть аще прикоснется водѣ растаетъ невидима бываетъ такожде и мнихъ отъ жены есть, и аще прикоснется женѣ, растлится и въ небытіе бываетъ, сирѣчь умираетъ душею».

Въ Патерикѣ скитскомъ (XVI в.) находимъ слово св. Ефрема «о ползѣ души и о смиреніи». Нач. «Да есте вѣдуще возлюбленіи, яко вси нравы сами въсдержатся съ узъ любви духовней» (лист. 384); въ словѣ «о нравѣхъ добрыхъ и злыхъ» сказ.: «Страхъ Божій отгонить вся злобы, а лѣнность отгонить страхъ Божій; плененіе же грѣховное отгонить лучшаа нравы добрыа».

Источники и пособія: Главный источникъ—«Древняя русская Пчела» по пергаменному списку, трудъ Виктора Семенова. Спб. 1893 г.—Рукописная Пчела XVII в., на заглав. листѣ: «Пчела птица прилѣтаетъ на воскъ и на красные цвѣты. Отъ нихъ же собираетъ медъ и сотъ на приношение церкви и на услаждение домашнемъ (?). Такжеде и премудрыи челоувѣкъ приклоняетъ главу свою на смирение и на премудрыя словеса». —Н. Петровъ. О происхожденіи и составѣ словяно-русскаго печатнаго Пролога. Кіевъ. 1875.—Буслаевъ Ѡ. Историческіе очерки русской народной словесности и искусства.

Глава XI.

Златоустъ и «О воспитаніи дѣтей» I. Златоустаго.

Въ древней Руси были извѣстны цѣлыя собранія святоотечественныхъ твореній или нѣкоторые отдѣлы ихъ, принадлежащіе Ефрему Сирину, Василию Великому, Григорію Богослову, пр. Нилу, Геннадію Константинопольскому, Іоанну Лѣствичнику, Антіоху, Максиму Исповѣднику, аввѣ Дорошею, Θεодору Студиту, черноризцу Петру. Но ни одного отца церкви творенія не были такъ любимы и такъ распространены въ нашей древней письменности, какъ творенія св. Іоанна Златоустаго. Богатство мысли соединялось въ его поученіи съ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, состоявшимъ чаще всего и главнымъ образомъ въ ясности, естественности и простотѣ. Много привлекало читателей и внутреннее содержаніе его наставленій. Іоаннъ Златоустъ — по преимуществу проповѣдникъ любви къ ближнимъ. Въ этомъ заключалась тайна силы его слова. Съ другой стороны, въ твореніяхъ св. Златоуста нѣтъ того суроваго аскетизма, который такъ сильно развитъ у болѣе позднихъ византійскихъ писателей. Во всѣхъ твореніяхъ его разлита какая-то особая, жизнерадостная струя, свѣтлое возрѣніе на прекрасный Богомъ устроенный міръ. За то и любили наши предки этого возвышеннаго отца церкви.

«Іоаннъ Златоустъ былъ въ полномъ смыслѣ народнымъ проповѣдникомъ. Онъ входилъ въ разсмотрѣніе самыхъ разнообразныхъ сторонъ жизни, съ необыкновенною заботливостью входилъ въ разсмотрѣніе различныхъ житейскихъ отношеній, говорилъ объ обязанностяхъ къ государству, властямъ, обществу, семьѣ, и всегда живыми и яркими красками рисовалъ идеаль христіанина, гражданина и семьянина. Поэтому и понятно, что древне-русскіе сборники: «Златоструй» и «Златоустъ» заключали въ себѣ свѣжій и сильный образовательный элементъ для всего русскаго народа. Еще важнѣе для насъ другое убѣжденіе, что въ сочиненіяхъ І. Златоуста, независимо отъ ихъ просвѣтительнаго значенія, содержится богатый запасъ въ тѣсномъ смыслѣ педагогическихъ совѣтовъ, наставленій и правилъ, которые, сдѣлавшись однажды извѣстными, не могли не оставить глубокаго слѣда.

«Весьма многіе изъ нихъ касаются отношеній мужа и жены, жены и матери въ семействѣ, ихъ взаимныхъ отношеній, правъ и обязанностей, касается и вопроса о воспитаніи дѣтей. Эти положенія, высказанныя съ ясностью, свѣжестью и сердечнымъ одушевленіемъ должны были произвести сильное впечатлѣніе на древне-русскихъ читателей и способствовать установленію педагогическихъ правилъ и пріемовъ.

«Такое достоинство педагогическихъ наставленій и правилъ І. Златоуста, какъ замѣчаетъ Н. А. Лавровскій, было причиною того, что они съ давнихъ поръ начали входить въ педагогическія статьи нашихъ сборниковъ». Какъ цѣнились они въ старину, видно изъ того, что рѣдкій сборникъ не имѣетъ хоть одной изъ этихъ статей, между тѣмъ какъ нѣкоторые изъ нихъ заключаютъ въ себѣ по нѣскольку вариантовъ одной и той же статьи.

Одинъ изъ самыхъ раннихъ сборниковъ словъ І. Златоустаго былъ сдѣланъ болгарскимъ царемъ Симеономъ, давшимъ своему труду названіе «Златоструя» (т. е. словеса).

Трудъ Симеона дошелъ до насъ, впрочемъ, уже въ довольно позднихъ сравнительно спискахъ XII в. и еще болѣе позднихъ XV и XVI вв., и, очевидно, ни одинъ изъ дошед-

шихъ списковъ не представляетъ собою подлинной редакціи труда. Въ самыхъ древнихъ спискахъ уже видны слѣды участія позднѣйшихъ «списателей», равно подобные слѣды замѣтны и въ спискахъ Златоустуя XV—XVI вв.

Выборъ словъ преимущественно обще-моральнаго содержания.

Цѣль составленія Златоустуя выражена въ прилогѣ словами: «да всякъ почитаяя я прилѣжьнѣ съ разумомъ. аште ся не лѣнннть тья. многу пользу въ ннхъ души и тѣлу обряштеть». Книга, слѣдовательно, должна была служить для назидательнаго домашняго чтенія. Соотвѣтственно этой цѣли и выборъ поученій почти не выходилъ изъ круга нравственныхъ наставленій.

Какъ распространены были поученія Іоанна Златоустаго въ нашей письменности, и какъ они нравились древне-русскимъ читателямъ, отчасти можно видѣть и изъ того, что уже очень рано у насъ стали появляться и самостоятельные, принадлежавшіе русскимъ «списателямъ» сборники его поученій. Одними изъ таковыхъ были Златоусты. Златоусты извѣстны въ спискахъ XIV—XVII в., но древнѣйшая редакція ихъ должна быть отнесена ко времени гораздо болѣе раннему. Предполагаютъ, что древнѣйшую основу Златоустовъ составлялъ рядъ поученій на воскресные дни недѣль великаго поста и нѣкоторыхъ изъ предшествующихъ.

Въ послѣдующіе вѣка Златоусты пополнялись и разнообразились еще новыми дополненіями и вставками—въ Златоусты стали вноситься многія такія «слова» и поученія, которыя только приписывались Іоанну Златоусту, но принадлежали русскимъ авторамъ*).

Въ нашемъ распоряженіи было нѣсколько списковъ Златоустовъ XVI вѣка**).

Въ одномъ изъ нихъ, въ словѣ св. І. Златоуста «о крестѣ

*) Такъ по рукописи «Златоуста» Московск. Синод. библиот. № 231 къ этому разряду словъ можетъ быть отнесено «Поченіе отца духовнаго дѣтемъ душевнымъ отъ словеси Іоанна Златоустаго». (лл. 23—24).

***) Изъ библиотеки И. Н. Михайловскаго.

Господни и отверженіи Петровѣ» говорится о значеніи послушанія: «Братіи примѣте покореніе доброе и честное послушаніе. Царь бо есть надо всеми добродѣтели постъ; милостыня до небеси возводитъ человѣка, любви же и миръ до престола Божія, а покореніе и послушаніе одесную Бога... Покоренія, послушанія ис бездны можета человѣка извести. Аще сію кто стяжетъ не убоится въ будущемъ вѣце... всяка добродѣтель есть отъ тоу рождается и милостыня и миръ любви, смиреніе и прочая... Покореніе, послушаніе всяку добродѣтель ражаетъ, вѣру и любовь, милостыню, постъ, молитву, нищелюбіе; покореніе (и) послушаніе всяку отгонитъ злобу, зависть, ярость, ненависть, скупость, клевету, хулу, ересь, лихоиманіе, реизомство, гробленіе и пр.»

Въ понедѣльникъ 3-ей недѣли поста въ поученіи І. Златоустаго «о уставѣ житія человѣческаго» сказано: «Иже кто милостыню творитъ отъ своего труда, то Богови пріятно, а иже кто неправдою добывающе на худыхъ и на сиротахъ емлеще, тѣмъ милостыню творитъ, и тѣмъ хочетъ Богови миль быти, того Богъ ненавидитъ.. Се же вы братіе глаголю любите другъ друга, и не осужайте никого же, ни завидите, ни хулите, ни укоряйте, ни лжи послуши будите, но в правдѣ и во смиреніи всякаго человѣка привечаите, аще не подавнѣемъ, но словомъ добрымъ, и не стыдитесь старѣйшему главы своея поклонити, ни льнитесь предъ честнѣйшими постояти, то бо все въ честь Богу творите».

Въ пятницу 2-й недѣли поста въ поученіи нѣкоего христіанскаго любца къ духовнымъ братіямъ говорится:

«Риточникъ рече: казняй сына своего любить его, а не казня ненавидитъ его».

Въ субботу сыропустную въ поученіи І. Златоустаго сказано: «Аще рече Господь оставляйте человѣкомъ согрѣшенія, и вамъ оставитъ Отецъ Небесный, аще ли не оставите зло творящимъ и вамъ не оставятся грѣси.. аще ли не оставиши зло творящимъ не мошеша спастися, яко бо корень добродѣтели любви тако і всемъ зломъ корень вражда»...

И. Е. Забѣлинъ въ своихъ «Опытахъ изученія русскихъ

древностей и исторіи» останавливается надъ Златоустомъ XVII в. «Главы настоящія сія книги, глаголемыя Златоустъ, другія половины, съ четверга послѣ Всѣхъ Святыхъ, первыя недѣли» *). Онъ указываетъ, что въ разсматриваемомъ Златоустѣ встрѣчаются параллельныя мѣста, почти слово въ слово съ Домостроемъ. Домострой выписываетъ цѣликомъ или только нѣсколько сокращаетъ «поученіе и наказаніе отца духовнаго», главы XI, XII, XIII и XX почти вполнѣ заимствованы изъ Златоуста. Но лучше всего на подобныя заимствованія указываетъ глава XVII: «Какъ дѣти учить и страхомъ спасати», большая часть которой есть не что иное, какъ сплошная выписка съ незначительными вариантами изъ «Слова отъ притчей къ родителямъ и къ чадамъ», въ пятокъ 5 недѣли послѣ Всѣхъ Святыхъ, гл. 160. Приведемъ изъ него важнѣйшія мѣста: «Наказуяй сына своего отъ юности его, и онъ тя покоитъ на старость твою и дастъ красоту души твоей. Не ослабляй бія младенца; аще жезломъ біеши его не умретъ, но паче здравъ будетъ; ты бо бія его по тѣлу, душу его избавляеши отъ смерти. Аще ли имаши дщери, положи на нихъ грозу свою и соблюдеши я отъ тѣлесныхъ грѣхъ, да не посрамится лице твое. Аще любиши сына своего, учащай ему раны, да возвеселишия последи о немъ. Накажи его доколѣ юнъ, и едва взмужаетъ, порадуетиши о немъ, и посредѣ знаемыхъ похвалишия, и зависть приметъ врагъ твой. Воспитаи дѣтици твои съ прещеніемъ и обрящеши покой о немъ и славу и благословеніе отъ Бога. Не смѣйся и не играй со младенцомъ своимъ, вмалѣ бо ослабишия, а во мнозѣ поскорбиши и поболити о немъ и послѣди яко осколизну зубомъ, тако печаль сотвориши души своей. Не давай воли дѣтицу во юности его, но сокруши ему ребра донележе растеть. Еда како ожесточавъ неповинитъ ти ся, и будетъ ти отъ него досада люта, и болѣзнь души, и скорбь немала, и нищета дому, и погибель имѣнію, и укоръ отъ сосѣдъ, и посмѣхъ предъ враги, а предъ властями платежъ и зла досада».

*) Рукопись хранится въ Архивѣ Оружейной Палаты № 3.

Приведенное слово «отъ притчей», такъ сходное съ Домостроемъ, если оно и русское сочиненіе, то въ свою очередь также составлено выборкою изъ словъ переводныхъ, что у нашихъ древнихъ составителей сборниковъ было въ большомъ ходу и даже въ особенномъ уваженіи; нѣкоторыя мѣста взяты изъ словъ I. Златоуста.

«Всѣ, сколько извѣстно, педагогическія статьи въ нашихъ старинныхъ сборникахъ, говоритъ Н. А. Лавровскій*), заимствованнаго содержанія. Ихъ можно раздѣлить на два рода: одни изъ нихъ заключаютъ въ себѣ преобладающій библейскій элементъ, содержаніе другихъ заимствовано изъ сочиненій отцовъ церкви, преимущественно Іоанна Златоуста. Утвердительно можно сказать, что Библия, особенно для древнѣйшаго времени, была главнымъ педагогическимъ источникомъ. Библейскія опредѣленія семейныхъ отношеній, библейскій идеалъ мужа и жены, отца и матери, сына и дочери, а также изображенія уклоненій отъ этого идеала пользовались у насъ въ старину неизмѣннымъ авторитетомъ. Главныя, сюда относящіяся книги Библии, заключающія въ себѣ въ тѣсномъ смыслѣ воспитательный элементъ,—это книга Соломона и Иисуса сына Сирахова. Но такъ какъ и въ этихъ книгахъ изреченія, непосредственно относящіяся къ опредѣленію семейныхъ отношеній, рѣдко находятся болѣе или менѣе соединенными вмѣстѣ, а большею частью разсѣяны, то съ давнихъ поръ должна была явиться потребность соединить разсѣянные педагогическія правила въ отдѣльныя цѣльныя группы, какъ для полноты и ясности ихъ разумѣнія, такъ и для примѣненія къ воспитательной практикѣ». Приведемъ здѣсь для образца выдержки изъ статьи «Слово и притчи и о наказаніи дѣтей къ родителемъ своимъ»**):

«Человѣци внимлите известно о глоголемыхъ сихъ. и нака-
заите измлада дети своя. глаголетъ бо божья премудрость.

*) Памятники стариннаго русскаго воспитанія.

***) Изъ Сборника XV, по каталогу И. П. В. № 209 Толст. I 214 прив. у Н. А. Лавровскаго. Памятники стариннаго русскаго воспитанія, ст. 3. Эта статья часто встрѣчается въ Измарагдахъ, какъ увидимъ ниже.

любяи сына своего жезла на него не щади. наказай его въ юности да на старость твою покоит тя ащи ли измлада не накажеша его. то ожесточавъ не повинеться . . . аще кто детей своихъ не научить воли божьи. люте разбойникъ осудится. убійца бо тѣло умрѣтвить. а родителей аще не научатъ, то душу си погубятъ*) .. не ослабляи наказая дѣти своя. аще бо бѣши жезломъ. то не умреть. но паче здравье будетъ. душу бо его спасеши.. любя же сына своего учащи ранами его. да послѣди о немъ возвеселишися и среди знаемыхъ хвалу приимеши. воспитаи дѣтице вѣна казаніи. да обрящеши славу и благословеніе отъ Бога. не дождь во юности дѣтищу воли. показни его донелѣже ростеть. да егда ожесточавъ не повинеттиса и будетти досада отъ него люта. и болезнь души и скорбь немала и тщета домови и погибель имѣнью. укоръ отъ сусѣдъ. посмѣхъ предъ враты. того дѣла бываетъ предъ властели платежъ. и зла досада. братье и сестры слышавше сице накажите дѣти своя. не словомъ токмо но и раною. да инѣ не примите по нихъ отъ людей срама..»

Такимъ образомъ приведенныя обѣ статьи изъ Златоуста XVII в. и изъ сборника XV в. весьма близки по духу и по содержанию.

Содержаніе другого рода педагогическихъ статей, встрѣчающихся весьма часто въ нашихъ старинныхъ сборникахъ, заимствовано изъ сочиненій отцевъ церкви, преимущественно Іоанна Златоуста. Сочиненіе послѣдняго «О воспитаніи дѣтей» послужило образцомъ для множества статей этого рода.

Извѣстно, что педагогическіе совѣты, наставленія, не только разсѣяны въ сочиненіяхъ І. Златоуста, но и соединены вмѣстѣ въ одной довольно обширной статьѣ, которая вся посвящена воспитанію. Съ одной стороны, важность и интересъ содержанія этой статьи, съ другой — вообще расположеніе, господствовавшее у насъ издавна къ сочиненіямъ Златоуста, необходимо должно вести къ заключенію, что она

*) Эта мысль почти буквально заимствована изъ сочиненія І. Златоуста. Тѣ родители, которые не радѣютъ о душѣ дѣтей, хуже дѣтоубійцъ, потому что убійца только тѣло отдѣляетъ отъ души, а тѣ и тѣло и душу ввергаютъ въ вѣчный огонь. IV. 406.

хорошо извѣстна нашимъ стариннымъ книжникамъ, а слѣдовательно должна была войти въ наши старинные сборники.

Дѣйствительно, въ послѣднихъ встрѣчаются ея переводы, вѣроятно, древняго происхожденія. Мы приведемъ здѣсь переводъ этой статьи (выдержки) изъ сборника XVI вѣка*), гдѣ она помѣщена подъ заглавіемъ «О воскрѣмленіи дѣтии»:

«Молю вы и понуждаю много, о своихъ дѣтехъ творимъ (помы)шленіе поучающе ихъ на добродѣтель любовію же и прещеніемъ всячески, и спасенія ищемъ тѣхъ души.. (приводятся примѣры Іова, Авраама и Давида). подобаесть убо смотрити родителемъ. не яко да оставятъ дѣти богаты сребромъ и златомъ. но да благовѣрны и любомудры и добродѣтельны. яко да немного требуютъ. да не въ житійская похотѣнія всѣмъ умомъ уклонятся.. вѣсте бо яко не имущѣ добродѣтели ни единыя не примуть отъ Бога милости. ты жъ бы да конь добръ тѣмъ купилъ. и домъ свѣтелъ и село велико. то все твориши и разсмотриши о души ихъ. яко же бы добра была. ни словесе о томъ твориши. къ неполезну любовь отци о дѣтехъ имуть. не хотяще ранъ нанести на ня. и словесы запрѣтити. ни оскорбити своихъ сыновъ бесчинно живуще. егда бо ты не казниши его юного ни умудриши» .. и далѣе: «не от естества бо челоуѣкомъ ест злоба приходитъ. нъ своею волею зли бываемъ**»). тѣмъ ни богатство дѣтемъ оставляемъ, но остави я наказаны страху Божию.. да не смотря о житіи дѣтеи. но прежде пецися о души ихъ. да добродѣтели оставиши. аще бо вы добръ сыны своя накажете. а ти пакы своя такоже научать. и тако до пришествія Христова твое наказанне поидеть... аще бо любиши сына учацаи ему раны».

Статья заканчивается словами: «да се вѣдый челоуѣче казни сына отъ юности его и покоит тя на старость твою.

*) См. № 218 Толст. I № 47, гдѣ она помѣщена на ст. 495—498, взят. изъ Памят. стар. русск. воспит. Н. А. Лавровскаго, ст. 9—20. Сборникъ этотъ г. Яковлевъ называетъ Измарагдомъ.

*) Эти слова чрезвычайно важны, такъ какъ указываютъ, что челоуѣкъ по своей волѣ бываетъ волъ.

и дать красоту души твоей. Аще бо и жезломъ біеши его, не умреть нъ здравѣи будетъ. ты бо бія его по тѣлу душу его избавиши от муки. дщери ли имаши положи на нихъ грозу свою и ублюдеша я въ телесныхъ да не посрамиши дому своего».

Въ своемъ сочиненіи «*Περὶ παιδων ἀνατροφῆς*», говоритъ Н. А. Лавровскій, Іоаннъ Златоустъ ясно и опредѣлительно высказалъ свой взглядъ на значеніе и цѣль воспитанія.

Этотъ взглядъ имѣетъ тѣмъ большее значеніе для стариннаго русскаго воспитанія, что Іоаннъ Златоустъ считался безусловнымъ авторитетомъ. Совершенно отвергая врожденность въ человѣкѣ зла, онъ прямо высказываетъ убѣжденіе, что зло вкореняется вслѣдствіе дурнаго воспитанія, а съ тѣмъ вмѣстѣ высказываетъ свою рѣшительную вѣру во всемогущество воспитанія: «не отъ естества приходитъ людямъ зло, говоритъ онъ, но своею волею злы бываемъ». Эту вѣру выражаетъ онъ и слѣдующими превосходными словами: «если ты хорошо воспитаешь своихъ дѣтей, а эти своихъ, то до пришествія Христа пройдетъ твое воспитаніе, и ты за все это получишь награду, какъ положившій начало и корень добродѣтели плоду». Такимъ образомъ, по Златоусту, родители могутъ сдѣлать все изъ своихъ дѣтей; отъ родителей зависитъ будущность дѣтей, отъ нихъ зависитъ посвятить въ ихъ душѣ зло или добро, приготовить имъ безконечное блаженство въ будущей жизни или вѣчное мученіе въ аду. Цѣль воспитанія — добродѣтель, или страхъ Божій, какъ выражается Златоустъ. Ее онъ высказываетъ и въ началѣ приведенной статьи и потомъ повторяетъ нѣсколько разъ: «да не смотри о житіи (т. е. о житейскихъ и общественныхъ выгодахъ) дѣтей, но преже пецися о души ихъ, да добродѣтельны оставиши», «подобаетъ убо смотрити родителемъ, не яко да оставятъ дѣти богаты серебромъ и златомъ, но да благовѣрны и любомудры и добродѣтельны».

Что же касается до средствъ, какія въ этой статьѣ предлагаются родителямъ для воспитанія въ дѣтяхъ добродѣтели, то они всѣ основаны на страхѣ и, въ послѣдней степени, сводятся на предписаніе не щадить жезла и учащать раны. Такая

суровость во взглядѣ на воспитательныя средства (которыя, однако, пришлись очень по вкусу нашей старинной педагогіи) не можетъ не показаться странною тому, кто знакомъ съ духомъ и характеромъ всѣхъ сочиненій Златоуста. Какъ объяснить эту суровость, когда все ученіе его глубоко проникнуто истинно-христіанскою любовью и кротостью? Едва ли можно предположить, что эти средства исходили изъ основного, искренняго педагогическаго убѣжденія Златоуста. Даже въ приведенномъ сочиненіи можно замѣтить стараніе смягчить ихъ нѣсколькими общими выраженіями, напр. «словесы запретити, умудрити, воздержати и обучати». Въ другихъ же мѣстахъ своихъ сочиненій (нѣкоторыя изъ которыхъ приведены выше) ясно и твердо высказывается въ пользу господства любви и кротости.

Поэтому и встрѣчающіяся въ его сочиненіяхъ мѣста, отличающіяся суровостью, не стоятъ въ органической связи съ его основными христіанскими воззрѣніями на воспитаніе, а обусловливаются вліяніемъ библейской педагогіи и ея строгихъ предписаній относительно воспитательныхъ средствъ. Такое мнѣніе, какъ замѣчаетъ Н. А. Лавровскій, представляется тѣмъ болѣе необходимымъ, что и въ ученіи другихъ отцовъ церкви можно замѣтить ту же двойственность, которую слѣдуетъ объяснить двойственностью источниковъ, на которыхъ они утверждали свою педагогію: передъ ними, съ одной стороны, лежала Библия, предписывающая не щадить жезла, учащать раны и сокрушать ребра, съ другой — Евангеліе съ его прямыми указаніями на необходимость примѣненія любви и кротости въ обращеніи съ дѣтьми.

І. Златоустъ боится, чтобы небрежнымъ воспитаніемъ не причинить дѣтямъ въ будущемъ большого зла.

«Откуда тяжкія и продолжительныя болѣзни и у насъ, и у нашихъ дѣтей? Откуда потери, откуда несчастія, откуда огорченія, откуда безчисленное множество золь? Не отъ того ли, что мы не стараемся исправлять порочныхъ дѣтей своихъ?»*)

*) Св. отца нашего І. Златоустаго «О воспитаніи дѣтей». Перев. Филарета, арх. Черниговскаго, пр. 24.

«Не такъ жестоко изострить мечъ и, взявъ его въ правую руку, погрузить его въ самое сердце дѣтища, какъ погубить и развратить душу, потому что у насъ нѣтъ ничего равнаго ей» *).

Что Іоаннъ Златоустъ хорошо понималъ возможность при правильномъ воспитаніи обойтись безъ побоевъ, видно, между прочимъ, и изъ того, какое значеніе онъ придаетъ приученію дѣтей съ самаго ранняго возраста къ доброй жизни: «если мы съ самаго начала, съ самаго ранняго возраста опредѣлимъ дѣятельность дѣтей лучшими правилами, то избавимся на будущее время отъ большихъ трудовъ: привычка къ доброй жизни обратится для нихъ впоследствии въ законъ» (XII, 462).

Евангельскія опредѣленія, замѣчаетъ Н. А. Лавровскій**), и согласныя съ ними понятія о воспитаніи отцовъ церкви медленно проникали въ домашній бытъ; между тѣмъ библейскія ближе подходили къ старинной русской воспитательной практикѣ, а потому находили себѣ усердныхъ собирателей въ старинныхъ нашихъ книжникахъ и усердныхъ читателей въ старинныхъ отцахъ семействъ. Нравственныя явленія вырабатываются вѣками, и странно было бы представлять древнюю русскую семью вдругъ превратившеюся изъ патриархальной и грубой въ устроенную по Евангельскому образцу.

Упомянемъ еще о статьѣ «како достоинъ чаду чтити родителя своя» изъ сборника XVI в., приписываемой также Іоанну Златоусту***). Эта статья весьма замѣчательна по изображенію всѣхъ заботъ и трудовъ, обращенныхъ родителями на малолѣтнихъ дѣтей, по свѣжести красокъ, которыми живо обрисовываются самыя простыя и естественныя отношенія родителей къ дѣтямъ. При чтеніи этой статьи въ нашемъ воображеніи живо представляется мать, патриархально кормящая своего ребенка мягкою и безтрудною пищею; вы живо представляете себѣ отчаяніе матери и неутѣшный плачь отца, когда ребенокъ боленъ. Приведа на память молитвы родителей за дѣтей, ихъ милостыню бѣднымъ, почетъ

*) П. пр. 27.

**) Пам. стар. русск. вос. ст. 20.

***) Толст. I, 47. Памят. стар. рус. воспит. Н. А. Лавровскаго, ст. 30—32.

учителямъ («и чти творимыя за тя дидаскаломъ твоего дѣля учения хотяща да бы хытръ былъ и разумень умомъ и смыслень а не грубліи человекъ»), чтобы они образовали его умъ, сочинитель рѣзко выставляетъ неблагодарность дѣтей, забывающихъ всея заботы о нихъ родителей и не старающихся доставить имъ довольство и спокойствіе въ старости. Эта живость и яркость изображенія напоминаетъ лучшія, поэтическія мѣста въ сочиненіяхъ Іоанна Златоуста, и такая статья могла имѣть при чтеніи большое воспитательное значеніе, уясняя дѣтямъ ихъ обязанности по отношеніи къ родителямъ.

Источники и пособія: Главнымъ пособіемъ служила статья Н. А. Лавровскаго. Памятники стариннаго русскаго воспитанія. Чтенія въ Императ. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ при Москов. Унив. Повр. Изд. 1861, іюль-сентябрь.— Затѣмъ источниками было нѣсколько рукописныхъ Златоустовъ XVI и XVII вв. изъ библіотеки И. Н. Михайловскаго, къ подробному описанію которыхъ мы намѣрены приступить со временемъ.— Другія пособія: Архангельскій. Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности 1888—1890.— Забѣлинъ Ив. Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи. Москва 1872.— Г. Златоуста «О воспитаніи дѣтей», переводъ Филарета, арх. Черниговскаго.

Глава XII.

Измарагдъ.

Нѣсколько позже, но все же очень рано, возникъ на русской почвѣ другой сборникъ поученій І. Златоуста—«Измарагдъ» (изумрудъ). Появленіе Измарагдовъ относятъ къ концу XIII и началу XIV вв. Измарагды, какъ говоритъ проф. Архангельскій, принадлежатъ къ разряду тѣхъ древне-русскихъ

сборниковъ, которые не имѣли точной, строго-опредѣленной редакціи. В. А. Яковлевъ признаетъ въ Измарагдахъ двѣ главныя, основныя редакціи, а три другія представляютъ передѣлки или пополненія одной изъ нихъ.

Вполнѣ тождественныхъ списковъ Измарагдовъ нѣтъ, но болѣе или менѣе сходныхъ довольно много. Древнѣйшій списокъ Измарагда находится въ Румянцовскомъ музеѣ (№ 186) и не сохранился вполнѣ.

Повидимому, одной и той же редакціи съ Румянцовъ Измарагдомъ XIV вѣка — списокъ Измарагда библіотеки Троицко-Сергіевой Лавры XVI в. (№ 204). Наболѣе раннимъ спискомъ господствующей редакціи Измарагдовъ является списокъ б-ки Троицко-Сергіевой Лавры, конца XV в. (№ 91). Къ этой господствующей редакціи принадлежитъ большинство дошедшихъ списковъ Измарагдовъ. Въ болѣе позднихъ спискахъ Измарагда основной составъ собранія довольно одинаковъ; различіе заключается въ отсутствіи или излишкѣ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, небольшого количества статей. Въ Измарагдахъ помѣщалось много статей общихъ съ Златоустами, и вообще рѣзкую грань между Златоустами и Измарагдами провести трудно.

Главное отличіе заключалось, повидимому, въ томъ, что въ Златоустахъ собирались поученія «по содержанію своему основанныя или на воскресномъ евангельскомъ чтеніи или на воспоминаніи празднуемаго церковью событія, каковы въ особенности слова на нед. отъ мытаря и фарисея и до нед. всѣхъ святыхъ», — статьи же Измарагдовъ имѣли различное, смѣшанное содержаніе; строгой, какой либо опредѣленной системы въ подборѣ и содержаніи статей въ Измарагдахъ не замѣтно. Единственно, что можно отмѣтить въ этомъ отношеніи, то это то, что главное назначеніе Измарагдовъ было, повидимому, для домашняго чтенія мірянъ, а не для чтенія въ церкви, каковую цѣль имѣли между прочимъ Златоусты.

Въ Измарагдахъ также встрѣчается не мало словъ, приписываемыхъ Іоанну Златоусту, но принадлежавшихъ въ дѣй-

ствительности русскимъ авторамъ *). Здѣсь также помѣщалось не мало словъ и поученій подъ именами св. Василя Великаго, св. Ефрема, Григорія двоеслова, Кирилла александрійскаго и др., но многія изъ нихъ русскаго происхожденія.

«Сборникъ, изслѣдуемый нами, говоритъ г. В. Яковлевъ, (т. е. Измарагдъ) состоитъ по преимуществу изъ поученій и въ значительной части русскихъ проповѣдниковъ. Относясь съ подобострастіемъ къ авторитету отцовъ церкви, древне-русскій литераторъ предпочиталъ говорить не «своими словами», но изреченіями этихъ авторитетовъ. Онъ оставлялъ за собою одно право, выборъ изъ свято-отческой литературы, и въ этомъ обнаружилась его самостоятельность».

Какъ умѣли пользоваться этимъ правомъ представители нравственно-поучительной литературы можетъ указать намъ Измарагдъ. Здѣсь именно мы видимъ, что составитель этого сборника отлично понималъ потребности своихъ читателей: онъ руководился соображеніями, которыя были результатомъ близкаго знакомства съ условіями нравственной жизни этихъ читателей, со степенью ихъ духовнаго развитія. Предлагая имъ въ наставленіе высокія истины христіанской нравственности въ совершенно доступной для нихъ формѣ и скрывая свою личность за именами отцовъ церкви и нѣкоторыхъ славянскихъ и русскихъ духовныхъ авторитетовъ, составитель, помимо воли своей, изобличилъ самого себя—представивъ намъ образецъ идеальнаго христіанскаго учителя, истиннаго «пастыря словесныхъ овецъ», которымъ можетъ гордиться древняя Русь.

Тотъ фактъ, что Измарагдъ имѣлъ такое широкое распространеніе, свою литературную исторію съ XIV по XVII в. включительно, прямо указываетъ, что онъ удовлетворялъ духовнымъ потребностямъ своихъ читателей. Измарагдъ представляетъ намъ отраженіе умственныхъ интересовъ болѣе грамотной среды древне-русскаго общества, а неизвѣстный его составитель является какъ представитель этой болѣе развитой части общества или представитель лучшихъ духовныхъ стремле-

*) Архангельскій. Творенія отцовъ церкви въ др.-рус. письменности.

ній своего народа, стумѣвшій трудомъ своимъ удовлетворить его интересамъ *).

Нельзя не обратить вниманія на самую идею, вызвавшую появленіе Измарагда. Въ XIV—XV вв. у неизвѣстнаго ревнителя просвѣщенія, а можетъ быть, и у двоихъ такихъ ревнителей, одного XIV в. и другого въ XV в. выработалось сознание въ необходимости, для распространенія здравыхъ понятій о религіи и христіанской нравственности какъ въ приходскомъ духовенствѣ, такъ и между мірянами, составить сборникъ для домашняго чтенія.

Одно ужъ это предпріятіе весьма знаменательный фактъ самъ по себѣ; но съ другой стороны онъ указываетъ еще на другое важное обстоятельство. Грамотность этого времени далеко не была столь рѣдкимъ явленіемъ не только среди духовенства, но и среди мірянъ, какъ мы до сихъ поръ привыкли думать. Если бы это было такъ, то трудно допустить, чтобы такой для своего времени образованный, умственно развитой и такъ хорошо знающій окружающее его общество человекъ, какъ составитель Измарагда, сталъ трудиться надъ доставленіемъ подходящаго матеріала для чтенія обществу **). Видимо, это было не такъ — распространенность нашего сборника доказываетъ, что онъ нашелъ читателей, пришелся имъ по вкусу, удовлетворялъ ихъ духовнымъ интересамъ и потребностямъ. Творчество неизвѣстнаго составителя Измарагда состояло только въ редакціи сборника: у насъ нѣтъ данныхъ для признанія его авторскаго права даже на нѣкоторыя отдѣльныя главы труда его и, по всей вѣроятности, онъ пользовался уже готовымъ матеріаломъ. Но для насъ важно не опредѣленіе степени самостоятельнаго творчества его составителя, но указаніе на то, какія стороны жизни интересовали его въ совре-

*) В. А. Яковлевъ. Опытъ изслѣдованія Измарагда. 1892. ст. 3.

**) Въ недавнее время проф. А. И. Соболевскій подвергнулъ вопросъ о грамотности и образованности древней Руси XV—XVII вв. новому разсмотрѣнію и пришелъ къ выводамъ, что дѣло было далеко не такъ печально. См. Образованность Москов. Руси XV—XVII в.

менномъ ему обществѣ и, разъ сборникъ сдѣлался въ немъ популярнымъ, изъ него мы можемъ усмотрѣть, какіе вопросы интересовали это общества, съ его помощью составить себѣ представленіе о нравственномъ развитіи среды, въ которой имѣлъ широкое распространеніе нашъ памятникъ*).

Извлечемъ изъ труда г. Яковлева важнѣйшія данныя, касающіяся Измарагда.

Г. Яковлевъ, какъ мы говорили, считаетъ 2 извода Измарагда.

«Измарагдъ перваго извода начинается «Стословомъ» патриарха Геннадія, т. е. изложеніемъ исповѣданія вѣры и нравственной христіанской жизни. Стословъ Геннадія пользовался уваженіемъ древней Руси. Вліяніе его ясно видно на «Слово Даниіла Заточника», на «Поученіе нѣкоего отца къ сыну», на «Домострой» и «Сынъ церковный». Отрывки Стослова составляли иногда отдѣльныя поученія, изъ которыхъ два входили въ составъ второй редакціи Измарагда. Причина популярности этого памятника заключается въ простотѣ изложенія и поэтому удобопонятности для людей невысокаго умственнаго развитія.

Обязанности православнаго христіанина изложены очень просто, въ формѣ простыхъ предписаній. Они касаются не только собственно религіи, но и обыденной жизни, отношеній православнаго христіанина къ ближнему вообще и властямъ предержащимъ въ особенности.

Послѣдняя часть изложена особенно подробно и помѣщена непосредственно за изложеніемъ обязанностей человѣка къ Богу. Послѣдняя (100-я) глава содержитъ какъ бы сокращенный итогъ всего ранѣе изложеннаго. Она особенно была распространена въ древне-русской литературѣ: «Конецъ же всѣмъ прежде реченнымъ, говорится здѣсь, возлюби Господа отъ всея души и страхъ его да будетъ въ сердцѣ твоємъ. Правомъ буди истиненъ, кротокъ, смиренъ и покорливъ, очима долу пониченъ, умъ же въ небеси простирая; умилень къ Богу и къ человѣкомъ привѣтливъ, печальнымъ утѣшитель, терпѣ-

*) В. А. Яковлевъ. Опытъ изс. «Измарагда», ст. 299—300.

ливъ въ напасти; къ нищимъ щедръ и милостивъ, нищимъ кормитель, страннопримникъ; скорбень грѣха ради, веселье о Бозѣ; алчень буди и жадень, кротокъ, не словоохотливъ, не златолюбивъ, но друголюбець, не гордъ, боязливъ предъ царемъ, готовъ къ повелѣнію его; въ отвѣтахъ сладокъ, часто молитвенникъ, разумень трудникъ къ Богу, не судникъ всякому челоуѣку, поборникъ обидимымъ, нелицемѣрень».

За Слословомъ Геннадія идутъ четыре слова о почитаніи книжномъ*). Книжн. ст. ШУХ од итосиномъ ни рѣшиа вкренъ а зъ ники Христіанской любви составитель Измарагда придавалъ особенно важное значеніе. Въ Измарагдѣ находимъ: слово I. Златоуста о любви и зависти (гл. 16), сл. св. Ефрема о любви (гл. 19), сл. I. Златоуста о разсмотрѣніи любви (гл. 20), сл. св. отецъ о разсмотрѣніи любви (гл. 21). «Любовь есть мать добрыхъ дѣлъ», говорится въ первомъ словѣ: «се бо истинная любовь есть и богоугодная еже нищету рассыпати, сирѣчь не призрѣти въ убожествѣ сущихъ отъ роду своего, но подавати имъ требованія тѣлесная». Затѣмъ предписывается помогать болящимъ и отъ бѣды отымати, утѣшать въ скорбяхъ и печали. «Сказано, если любимъ любящая насъ, то чѣмъ лучше поганыхъ. Господь говоритъ въ Евангеліи: любите врагы и добро имъ творите и взаемъ дайте и молитесь за творящая намъ бѣды, то есть истинная любовь...» Всѣ добродѣтели безъ любви ничто, всѣ религіозныя подвиги и жертвы «кромѣ любви ни во что же вмѣняются предъ Богомъ».

Въ сл. св. отецъ «о разсмотрѣніи любви» главнымъ образомъ разсматривается сущность истинной любви и трактуется о покореніи и послушаніи, какъ проявленіи ихъ. Покореніе и послушаніе ставится даже выше любви. «Болѣе же всего примите, братіе, говоритъ проповѣдникъ, покореніе и доброе честное послушаніе, то бо есть царь надъ всѣми добрыми дѣлами и надъ всѣми благостынями. Постъ бо доводитъ до дверей, а милостыня до небеси, а любовь и миръ до престола

*) Мы надъ ними останавливались въ главѣ IV.

Божія, а покореніе и послушаніе одесную Бога поставитъ и Бога умолитъ и царство небесное отверзетъ и наслѣдіе вѣчныя жизни подастъ».

Мѣсто это почти тождественно съ словомъ св. I. Златоуста о крестѣ Господнѣ и отверженіи Петровѣ, находящемся въ Златоустѣ XVI в. *)

За группою словъ «о любви» слѣдуетъ «Слово нѣкоего отца къ сыну». Это изъ тѣхъ произведеній, которыя проходятъ съ начала нашей письменности до XVIII ст. включительно.

Поученія эти писались иногда въ видѣ завѣщаній или посланій и несомнѣнно ведутъ свое начало изъ Византіи: въ сборникѣ Святослава 1076 г. кромѣ нашего еще два такихъ наставленія: 1) Ксенофонта, иже глагола къ сынома своимъ **) и 2) святыя Феодоры. Какъ подражаніе имъ является въ нашей литературѣ завѣщаніе Владиміра Мономаха, протоіерея Сильвестра, Посошкова, Татищева, — другіе же безъ имени какъ напр. «Завѣщаніе нѣкоего отца къ сыну», «Наказаніе духовнаго отца къ духовнымъ дѣтямъ». Общій характеръ ихъ — наставленія богоугодной и благоустроенной жизни въ міру.

Въ Измарагдѣ первой и второй редакціи въ каждой помѣщено по одному изъ такихъ словъ; въ разсматриваемой редакціи Измарагда слово это носитъ заглавіе: «Слово нѣкоего отца къ сыну», во второй «Посланіе нѣкоего отца къ сыну духовному» и имѣетъ спеціальный характеръ: оно направлено

*) Приведено нами въ главѣ XI.

**) Напомнимъ это поученіе къ дѣтямъ Ксенофонта, иже глагола къ сынома своимъ: «Азъ чюдѣ реку вама, человекѣ житія отити хошпію: вѣста бо како въ житіи семь жихъ безлуды, како отъ всѣхъ чьствъ бѣхъ и любимъ, не сана ради велика, въ норовьмъ великѣмъ. Не укорихъ никого не оклеветахъ, ни завидѣхъ никомуже: ни разгнѣвахся ни накого же, ни на мала ни на велика: Не оставихъ церкви божия вечеръ ни за утра ни полудне. Не прѣзрѣхъ ништиихъ, ни оставихъ странна и печальна не прѣзрѣхъ никъгда же, ниже въ тѣмницахъ заключени, потрѣбная имъ даяхъ: ниже въ плѣнницѣхъ избавихъ. Не помыслихъ на доброту чюжо. Тако и вы живѣта чюдѣ мои, да и ваю Богъ ублажитъ, и длъголѣтна явить и сътворитъ, Убогихъ посѣштяита, въдовицѣ заштитаита, не мощтныя милуита, и осужаемыя бес правды изымѣта, миръ имѣита съ всѣми. Паче же всѣхъ иже въ пустыни и въ пещерахъ и въ пропастьхъ земьныхъ добри творита». Изъ Изборника Святославова 1076 г.

противъ пьянства. Разсматриваемое «Слово отца къ сыну» по всей вѣроятности не оригинальное произведеніе, а переведенное съ греческаго, или, по крайней мѣрѣ, составлено изъ византійскихъ источниковъ. «Не стыдися, говорится въ немъ, всякому въ образѣ божіи създанному главы своя преклонити, старѣйшаго деньми почитать не лѣнися и покоить старость его постарайся, сверстники своя миромъ встрѣчай, меншихъ же себѣ съ любовью пріими, предъ честнѣйшимъ тебя не потрудися стояти». «ненавидить ли кто тебя, смирися съ нимъ и дай ему по силѣ своей даръ и поклонися ему».

Въ главѣ 55-ой находимъ «Слово о премудрости о наказаніи чадъ», которое во многомъ основывается на приведенной выше статьѣ I. Златоустаго «о воскрѣсеніи дѣтѣи».

Въ разсматриваемомъ поученіи Измарагда авторъ его прямо ссылается на I. Златоустаго: «Златословенный бо глаголетъ, говорится здѣсь, аще кто дѣтей своихъ не научить воли Божіей, люте разбойникъ осудится, убійца бо тѣло умертвить, а родители аще чадъ не научать, то душу сихъ погубять»*).

Изъ обзорѣнія содержанія первой редакціи Измарагда г. Яковлевъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы: 1) Сборникъ былъ составленъ для нравственно поучительнаго чтенія не только мірянъ, а можетъ быть и преимущественно бѣлаго духовенства. 2) Въ сборникѣ настойчиво проводится мысль, что для душевнаго спасенія необходимо книжное ученіе. Только «вѣдущій» можетъ знать истинный къ нему путь. «Вѣдущему» же не подобаетъ таить въ себѣ знанія, но по силѣ научить другого, по крайней мѣрѣ семейство и друзей своихъ. 3) Спасеніе получается не за исполненіе внѣшнихъ обрядовъ религіи (постъ, удрученіе тѣла и пр.), но истинно добродѣтельною жизнью и любовью къ ближнему. Эта любовь есть основаніе христіанской жизни.

Вторая редакція «Измарагда» была наиболѣе распространена въ древне-русской читающей публикѣ, и мы имѣемъ въ настоящее время до ста списковъ ея, начиная съ XV по XVIII ст.

*) См. ниже.

Вполнѣ тождественныхъ списковъ Измарагда нѣтъ, говоритъ г. Яковлевъ, но очень сходныхъ нѣсколько экземпляровъ есть.

Въ составъ второй редакціи Измарагда «Книги глаголемаа Измарагдъ въ неиже пишеть поученія душеполезна святыхъ избранныхъ отецъ» между прочимъ вошли: Слово иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго, патріарха Царяграда, о чтеніи божественныхъ писаній, слово св. Григорія, папы римскаго, «Добро есть, братіе, и полезно всякому вѣрному почитаніе книжное», слово св. апостола Павла, слово І. Златоуста какъ не лѣниться книги чести, слово св. Ефрема, како слушати книгъ чтомыхъ, слово св. апостоль и св. отецъ како жить христіаномъ, слово І. Златоуста како имѣти челядь, слово св. отецъ како чтити дѣтемъ родителей.

Въ словѣ св. Григорія, между прочимъ, говорится: «О человекѣ, что глаголеши въ толицѣй бури мятежа и власти мира сего, почто не отвергнеши печали почитаніемъ книжнымъ. Черньци бо, убѣжавше мирскихъ мятежей и въ затишіи сѣдяще, много утверженіе приемятъ; мы же, въ велицѣхъ мятежи и въ бури мира сего живуще и многи грѣхи творяще, достоитъ ны часто почитающе св. книги отгоняти печали и тѣми искати спасенія».

Въ одномъ изъ списковъ Измарагда XVII вѣка*) помѣщено слово: «нѣкоего старца о почитаніи книжномъ, яко полезнѣе всѣхъ книгъ почитати Псалтырь».

Въ списокѣ Измарагда XVI в. б-ки Тр. Сер. Лавры (№ 203) находимъ слово о наказаніи отъ притчи дѣтей, къ родителямъ, гдѣ между прочимъ читаемъ: «Златословесный глаголетъ. аще кто дѣтей своихъ не научитъ. страху и воли божіи тѣ лютѣе разбойникъ осудится. убійца бо тѣло умрѣтвит. а родители. аще не учать. душу губятъ . . . Аще ли не слушаетъ тебя твое дѣтя. то не пощади е. яко же мудрость божиа глаголетъ. 6 ранъ или 12. сыну или дъщери. аще ли вина зла то 20 ранъ плетью. Наказайте убо дѣти своя Бога ся бояти. а злыхъ нравъ остатися. да помощь души

*) Императ. Публич. Библиот. книгохран. Погодина № 1021.

вашей будетъ. Не ослабляй наказаа дѣти си. аще бѣши жезломъ. не умереть. нѣ паче здравѣи будетъ. душу бо его спасеши. аще накажеша. Дѣщери ли имаши. положи на нихъ грозу свою. да съблюдеши я отъ тѣлесныхъ. и не осрамить ти ся лице... Любяи же сына учащай ему раны да послѣди ж о немъ возвеселишися. и средѣ знаемыхъ похвалу приимеши. Воспитаи дѣтище в наказаніи, да обрящеша славу и благословеніе отъ Бога. Не дажь въ юности волю дѣтищу, нѣ казни и до нележе ростеть. а егда же ожесточавъ не новинеться и будетъ ти досада отъ него люта. и болѣзнь души. и скръбь немала. и тыщета домови. и погибель имѣнію. укоръ отъ сусѣд. и посмѣхъ предъ врагы. и предъ властели платезъ и досада зла. Того дѣля братіе и сестры. наказайте дѣти своя. не словомъ токмо нѣ и раною. да нынѣ не примете о нихъ отъ людей сорома, а в будущи вѣкъ муки с ними.

Соотвѣтственное мѣсто въ Измарагдѣ № 204 6-ки Тр. Сер. Лавры «Иванъ Златоустъ глаголетъ. иже кто дѣтей своихъ цѣломудрию не наказуетъ. то горше разбойникъ осудятъ. убійца бо тѣло смерти предасть. а они душу. но вы же братіе и чяда любимая. учите дѣти своя изъ млада всему божию закону и добру нраву. страхъ бо божій приимше не опечалитъ тебе на старость твою. аще ли тебе не послушаетъ дѣтя твоє. то загода на нѣ лозы не пощади».

Въ томъ же Измарагдѣ находимъ: «Иерей нѣкто именемъ Илія. смиренъ человекъ и кротокъ и угоденъ на всяко дѣло благо. сесь бо бѣше двою отрочяту отецъ. и видя тою на злобу шествующа. и не казняше ни възбраняше имъ. и страху божию не учяху. ни казни убо не дасть имъ раною. роднымъ дѣтемъ своимъ. а духовнымъ опитемъею. но слевесы искаше ея отвести отъ зла. а не раною. она же въ буести и не наказаніи все злое творяста*)».

Въ заключеніе обзора Измарагдовъ упомянемъ, что по мнѣнію проф. Архангельскаго древнѣйшимъ, исходнымъ про-

*) Приведено у Архангельскаго вып. IV. Ст. 16 и 17.

тотипомъ ихъ едва ли не былъ извѣстный Изборникъ (Свято-слава) 1076 года.

По крайней мѣрѣ, и въ общемъ характерѣ содержанія и въ подборѣ статей — нельзя не видѣть между первыми и послѣдними довольно замѣтной близости.

Источники и пособія: Главными пособіями были — изслѣдованіе В. А. Яковлева: Къ литературной исторіи древне-русскихъ сборниковъ. Опытъ изслѣдованія Измарагда. Одесса. 1893 г. — Изслѣдов. проф. А. С. Архангельскаго: Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности. Извлеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій. Вып. I—IV. Казань. 1889—1890.

Глава XIII.

Домострой.

Итогъ обзорнiя древне-русскихъ сборниковъ.

Къ XVI вѣку относится замѣчательный памятникъ русскаго быта Домострой, имѣвшій притомъ большое педагогическое значеніе, такъ какъ по Домострою воспитывался цѣлый рядъ поколѣній. Домострой есть книга, въ которой, какъ показываетъ самое названіе, собраны правила домашняго строя, домашней или семейной жизни. Составленіе этого руководства приписываютъ извѣстному руководителю царя Іоанна Грознаго священнику Сильвестру. Новѣйшіе изслѣдователи того мнѣнія, что Сильвестръ не былъ авторомъ Домостроя и что Домострой слагался по частямъ въ разное время и различными лицами; въ XVI столѣтіи правила эти были соединены въ одно цѣлое сочиненіе, какъ предполагаютъ, въ Новгородѣ, причемъ составитель имѣлъ главнымъ образомъ въ виду богатый боярскій домъ. Сильвестръ, вѣроятно, сократилъ Новгородскій изводъ, примѣнилъ его къ московскимъ

обычаямъ и прибавилъ къ нему главу: «Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну». Такимъ образомъ Домострой дошелъ до насъ въ двухъ видахъ, или изводахъ: одинъ болѣе подробный, заключающій въ себѣ 63 главы; другой — нѣсколько сокращенный; но въ этомъ послѣднемъ есть 64-я глава, написанная священникомъ Сильвестромъ.

Въ Домостроѣ выражается не частный взглядъ одного человѣка и даже не воззрѣнія и правила только одной эпохи XVI в. Въ немъ излагаются обычаи, образовавшіеся издавна, въ теченіе всей древне-русской жизни, преподаются наставленія, составившіяся подъ вліяніемъ всей древне-русской письменности. Тѣсная связь Домостроя и особенно первыхъ его 25 главъ съ памятниками древней письменности несомнѣнна. Не только основной взглядъ и мысли, которыя высказываются въ этихъ правилахъ, но даже и самыя выраженія, въ какихъ они передаются, постоянно указываютъ на священные и богослужебныя книги, житія святыхъ и разныя отеческія сочиненія, которыя отъ самыхъ первыхъ временъ были источникомъ образованія нашихъ предковъ. Наставленія о почитаніи родителей, о воспитаніи дѣтей, изображеніе доброй и умной хозяйки заимствованы изъ книгъ св. Писанія — Притчей, Премудрости Соломона и Премудрости Иисуса сына Сирахова.

Въ частности, что касается воспитанія дѣтей, то подобнаго рода статьи мы встрѣчали и въ Златоустахъ и въ Измарагдахъ, откуда она ближайшимъ образомъ и заимствована. Наставленія о домашнемъ обиходѣ, хожденіи въ церковь, почитаніи отца духовнаго и пр., весьма сходны съ разными сборниками отеческихъ сочиненій: Златоустомъ, Измарагдомъ и Златыми Цѣпями.

Въ Домостроѣ есть заимствованія и изъ поученія Владимира Мономаха.

Строгой системы въ расположеніи статей въ Домостроѣ нѣтъ; но можно сказать, что первыя 15 главъ посвящены преимущественно наставленіямъ объ обязанностяхъ религиозныхъ; слѣдующія 10 говорятъ объ отношеніяхъ семейныхъ; въ остальныхъ идетъ рѣчь о домашнемъ хозяйствѣ, Харак-

теръ Домостроя чисто практической; праведное житіе онъ представляетъ не въ общихъ чертахъ, но опредѣленно указываетъ, въ какихъ добродѣтеляхъ оно должно выражаться. Въ изложеніи побужденій къ праведному житію онъ также не ограничивается одними высшими, чисто духовными побужденіями, но присоединяетъ къ нимъ еще практическія побужденія, указываетъ на общественное мнѣніе. Такъ, воспитывать дѣтей въ страхъ Божию онъ убѣждаетъ родителей тѣмъ, что дурныя «ненаказанныя (невоспитанныя) дѣти отъ Бога грѣхъ, а отъ людей укоръ и посмѣхъ, а дому тѣста, а себѣ скорбь и убытокъ, а отъ людей продажа и соромота*)».

Домострой, говоритъ г. Забѣлинъ,**) есть зеркало, въ которомъ мы наглядно можемъ изучать и раскрывать все, такъ сказать, подземныя силы нашей исторической жизни. Это зеркало нашего древняго домашняго быта, зеркало общества и общественности. Предъ этимъ зеркаломъ, то есть подъ его сильнѣйшимъ вліяніемъ, совершилась постройка и нашего государства, которое въ своемъ существѣ и до сихъ поръ еще носитъ много тѣхъ же началъ и тѣхъ же положеній и опредѣленій жизни, какими исполненъ этотъ многовѣковой источникъ нашего развитія.

Какая нравственная сила служила основаніемъ нашему древнему обществу? Изъ какой органической клѣточки образовалось русское общество? Органическою клѣточкою, отвѣчаетъ г. Забѣлинъ***), нашего до-петровскаго общественнаго быта былъ родъ; родительское, патриархальное начало управляло всѣмъ ходомъ нашей до-петровской жизни. Это было начало или стихія родительской опеки, стихія старшей воли, идеаломъ которой было родовое старшинство. Это старшинство одно почиталось выше всякихъ другихъ достоинствъ человѣка, оно и было главнымъ, начальнымъ достоинствомъ человѣческой личности. Родительская опека съ идеаломъ родового старшинства существовала и существуетъ вездѣ, но не вездѣ она

*) Домострой глав. XV и XVIII.

**) Забѣлинъ, И. Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII в.

***) Забѣлинъ, И. Дом. бытъ. ст. 28—47.

становилась стихіею жизни. У насъ не только семья и родъ, что очень естественно и обыкновенно, держались крѣпко и твердо стихіею родительской опеки; но ею же держалось все общество, ею выработалась и эта необычайная государственная плотность и стойкость народа.

Родительская опека была исключительно силою нашего развитія. Она проникала всюду и все подчиняла своимъ воззрѣніямъ. Это былъ нашъ нравственный и политическій воздухъ, которымъ мы жили, дышали, въ теченіе всей нашей исторіи. Это было начало началъ нашего развитія, такое крѣпкое начало, по которому русскій народъ даже и до сихъ поръ понимается и ведется.

Подобно тому какъ древняя наша общественность нашла себѣ типическое выраженіе въ мѣстничествѣ, такъ и родовая власть, строившая эту общественность, вполне и типически выразила себя въ извѣстномъ Домостроѣ. Этой памятникъ, можно сказать, громаднаго значенія для исторіи, и жаль, что далеко не многими онъ оцѣненъ по его достоинству.

Въ Домостроѣ есть немало заимствованій изъ Іоанна Златоуста. Но не должно думать, что такія заимствованія были простыя непосредственныя выписки изъ книгъ. Напротивъ, тексты, внесенные въ Домострой, иногда цѣликомъ, слово въ слово, были заучеными, ходячими рѣчами, присловіями въ устахъ духовныхъ учителей. Они усвоивались непрестаннымъ чтеніемъ и употребленіемъ на всякій пригодный случай: они по необходимости точно и вѣрно заучивались, ибо въ томъ и заключалась цѣль книжнаго обученія. Такимъ образомъ, если требовалось составить или сказать какое либо поученіе, то не только слова, но и цѣлыя рѣчи изъ запаса памяти являлись сами собою, такъ что все дѣло списывателя подобныхъ поученій заключалось лишь въ извѣстномъ расположеніи этихъ памятныхъ текстовъ, соотвѣтственно его мысли и намѣренію. Можно сказать, что всѣ старыя наши поученія, наказанія, слова русскаго сочиненія составлялись такимъ путемъ*).

*) Забѣлицъ, ст. 42.

Такимъ образомъ Домострой по естественнымъ причинамъ явился цвѣтомъ и сокомъ общихъ мѣстъ церковнаго ученія, направленнаго къ нравственному устройству дома. Это въ литературномъ смыслѣ. Въ практическомъ жизненномъ смыслѣ такимъ же общимъ мѣстомъ русской нравственности, воздѣланной въ теченіе вѣковъ на почвѣ писанія и на почвѣ искони вѣчныхъ бытовыхъ идеаловъ *).

Кто же является центромъ всѣхъ поученій Домостроя? кто этотъ сосудъ избранъ, который долженъ не себя одного нести къ Богу, но многихъ? Домострой именуется этотъ сосудъ государемъ дома, также настоящимъ, большимъ, прилагая ему какъ нераздѣльную съ нимъ почву для его нравственной дѣятельности жену, чадъ и домочадцевъ. Младенчествующее общество очень высоко ставило личность родителя: Вотъ почему и написанное ученіе возвысило эту власть въ лицѣ родителя до послѣдней крайности; но вмѣстѣ съ тѣмъ возложило на главу дома и великую нравственную обязанность строить и охранять нравы дома и всю нравственную отвѣтственность во всемъ, что бы ни случилось въ домѣ: съ женой, дѣтьми и домочадцами.

Вотъ какъ объ этомъ говоритъ Домострой: «Господу рекшу: будете оба въ плоть едину. Апостолу рекшу: аще страждеть единъ уды, то всѣ уды съ нимъ страждутъ. Тако жъ и ты, не о себѣ единомъ печыся, но о женѣ и о дѣтяхъ своихъ и о прочихъ и о послѣднихъ домочадцѣхъ — вси бо есмы связаны единою вѣрою къ Богу; и съ добрымъ симъ прилежаніемъ имѣй любовь ко всѣмъ въ Бозѣ живущимъ и око сердечное взирающе къ Богу и будещи сосудъ избранъ, не себе одинаго несый къ Богу, но многи, и услышиши добрый рабе и вѣрный: буди въ радости Господа Бога твоего».

На этомъ-то наказѣ построена вся нравственная практическая философія нашего древняго вѣка.

Этотъ наказъ составляетъ, такъ сказать, душу, основу и всѣхъ поученій Домостроя; онъ въ немъ повсюду, почти во

*) Забѣлинъ, ст. 41.

всякой строкѣ, гдѣ только касается поученія и назиданія. Господинъ дома одинъ за всѣхъ долженъ «отвѣтъ дати въ день страшнаго суда» говоритъ Домострой. Эта священная обязанность и великая отвѣтственность давала уже владыкѣ дома самыя широкія права и полномочія. Родительская воля, по Домострою, сама по себѣ образецъ и сама себѣ наука. Вотъ почему Домострой особенно настаиваетъ, чтобы господарь жены, чадъ и домочадцевъ какъ возможно заботливѣе опредѣлялъ ихъ волю. «Казни сына твоего отъ юности его, и покоить ты на старость твою, и дасть красоту души твоей». «Любя сына своего, учащай ему раны, да послѣди о немъ возвеселишися».

Отъ дѣтей Домострой требуетъ повиновенія и послушанія родителямъ во всемъ. «Со страхомъ раболѣпно служите имъ, да и сами отъ Бога мзду примите и жизнь вѣчную наслѣдите, яко совершители его заповѣди».

Такое же дѣтское послушаніе Домострой налагаетъ и на жену: «жены мужей своихъ вопрошаютъ о всякомъ благочиніи: како души спасти, Богу и мужу угодити и домъ свой добре строити; и во всемъ ему покорятся и что мужъ накажетъ, то съ любовью примати (и со страхомъ внимати) и творити по его наказанію».

Такимъ образомъ съ одной стороны Домострой воспитывалъ, утверждалъ и укрѣплялъ безграничную волю старшаго, съ другой стороны въ лицѣ младшаго воспитывалъ, утверждалъ и освящалъ непрекословное покореніе и послушаніе, доходившее порой до приниженія личности.

Хорошо ли это? Мы твердо памятуемъ, что не дѣло историка восхвалять или осуждать тѣ или другія историческія явленія: его дѣло объяснять. Поэтому попробуемъ объяснить, почему Домострой имѣетъ такую цѣнность и значеніе, и почему для древней Руси были важны тѣ начала, выразителемъ которыхъ является Домострой.

«Истинныхъ понятій о нравственной свободѣ лица не

могло существовать въ обществѣ, говорить И. Забѣлинъ*), гдѣ родовой духъ съ такою силою пригнеталъ, давилъ личность, т. е. всякую человѣческую индивидуальность. Поэтому идея свободы понималась также матеріально, какъ и идея воли, и свобода значила освобожденіе отъ чужой воли, а слѣдовательно приобрѣтеніе своей воли, или въ сущности приобрѣтеніе нравственной или матеріальной силы распоряжаться въ данныхъ обстоятельствахъ, быть полнымъ хозяиномъ. Идея самостоятельности, нравственной независимости была нераздѣльна съ идеей самовластиа, а еще ближе, съ идеей самоволи и своеволия. Своеволие и самовластіе въ ту эпоху было нравственною свободою человѣка; въ этомъ крѣпко и глубоко былъ убѣжденъ весь міръ — народъ, оно являлось общимъ, основнымъ складомъ жизни. Мы вообще напрасно думаемъ, что богатирство самовластиа являлось характерною чертою только въ органахъ государственной, правительственной власти. Оно было существеннымъ характеромъ всякой власти, какъ въ домашнемъ, такъ и въ общественномъ и политическомъ быту. Самое существо власти иначе не представлялось, какъ подъ видомъ самовластиа.»

«Не даромъ Грозный явился вмѣстѣ съ Домостроемъ. Исторія выразила въ этихъ двухъ формахъ многовѣковые плоды русской жизни. Домострой былъ вполне законченнымъ словомъ ея нравственнаго и общественнаго идеала. Грозный былъ самымъ дѣломъ того же идеала, также вполне законченнымъ, послѣ котораго русская жизнь должна была идти уже по другому направленію, искать другого идеала. Грозный окончилъ запутанный актъ русской драмы — исторіи. Государево дѣло уже выпадало изъ боярскихъ рукъ и становилось дѣломъ всей земли. Земля требовала новой жизни, новыхъ силъ развитія, искала новыхъ идеаловъ. Цѣлые столѣтія прошли въ смутахъ и волненіяхъ. Земля двигалась изъ конца въ конецъ, двигалась въ самой глубинѣ своихъ убѣжденій и воззрѣній. Приближалось что-то невѣдомое, новое.

*) Дом. быть русск. цар.

Тѣмъ сильнѣе подымалось все старое и высказывалось въ самыхъ рѣзкихъ, послѣднихъ очертаніяхъ.»

«Званный идеаль, наконецъ, явился въ образѣ Петра, уже не перваго отца и перваго государя общества, а перваго его слуги, перваго его неутомимаго работника. Это уже нашъ идеаль и насъ отъ него отдѣляетъ только старая прапрадѣдовская форма самовластія, завѣщанная еще Грознымъ, которую Петръ по необходимости носилъ, потому что въ ней и родился, и оттого такъ ей и сочувствовалъ».

Но если мы во многомъ сочувствуемъ и соглашаемся съ нашимъ уважаемымъ историкомъ и знаткомъ древняго русскаго быта И. Е. Забѣлинымъ въ его взглядѣ на значеніе Домостроя, то не можемъ не отмѣтить, что въ его историческихъ соображеніяхъ есть какой-то пробѣлъ, есть какой-то недостатокъ. Употребляя неоднократно слово нравственный идеаль, онъ какъ будто уклоняется отъ того, что дѣйствительно должно имъ считаться. Нравственный — идеаль сила великая: это то, что согласно съ высочайшей идеей Добра. Понятно, что въ разные вѣка и эпохи неодинаково понимался нравственный идеаль, неодинаковы были и средства къ его достиженію. И ужъ идея самовластія и своеволя никакъ не можетъ быть названа нравственнымъ идеаломъ русскаго народа: это скорѣе одно изъ средствъ, которымъ русскій народъ стремился осуществить нравственный идеаль. Не споримъ, что въ древности эта идея считалась важнымъ и могучимъ средствомъ.

Кажется въ діалектической формѣ это разсужденіе можно выразить такъ: «мы бѣдны, порабощены чужеземнымъ игомъ, мы не можемъ вѣровать такъ, какъ хотимъ, не можемъ служить Единому, Истинному Богу, не можемъ слѣдовать заповѣдямъ Христовымъ, и все потому, что мы слабы и немощны, что у насъ были разныя воли (въ удѣльно-вѣчевой періодъ). Намъ надобно собраться съ силами, имѣть единую, твердую волю, а для этого надо свою волю сдѣлать подчинить другой болѣе сильной волѣ». И вотъ начинается

медленный процесс выработки русскаго духа, характеризующійся умѣньемъ подавлять свою волю, подчинять ее иной, болѣе высшей. Вся исторія нашей жизни можетъ быть резюмирована немногими словами, какъ медленный и постоянный процесс выработки твердой, сильной воли. Этотъ процессъ едва ли закончился и въ настоящее время, хотя, конечно, сообразно потребностямъ времени и духу просвѣщенія онъ значительно видоизмѣнился и сгладился. Конечно, въ томъ процессѣ историческаго развитія могли быть шероховатости, угловатости, порой даже значительныя упущенія и уклоненія.

Съ народомъ случалось то, что случается порой съ мудрецами и учеными, когда они, подбирая факты ради какой-нибудь главной идеи, ради какой-нибудь теоріи, порой увлекаются деталями, мелочами и забываютъ на время, а иные на всегда, свою главную, основную, руководящую идею. Но рано или поздно главная идея, если только она имѣетъ силу и жизненность, дастъ себя знать и напомнить, во имя чего собирались факты.

Если порой дѣлатели русской исторіи слишкомъ увлекались идеей самовласти и своеволія, то были люди, которые всегда, твердо памятовали о высококомъ нравственномъ идеалѣ и напоминали о немъ Россіи: то были великіе подвижники земли русской, въ родѣ Владиміра Мономаха, св. Сергія Радонежскаго, митр. Филиппа, а позже св. Димитрія Ростовскаго и др. Они ясно и твердо указывали, что идея верховной власти должна подчиняться другой, болѣе высшей идеѣ — идеѣ нравственнаго идеала, христіанской любви и милосердія.

Обратимся теперь къ содержанію Домостроя и остановимся особенно на тѣхъ главахъ его, которыя ближе всего насъ касаются. Мы будемъ пользоваться Домостроемъ по списку Императорскаго Общ. Истор. и Древностей.

Въ главѣ 4-й говорится «страхъ Божіи всегда имѣи в сердці своемъ і память смертную, і любовь нелицѣмерную ко всѣмъ... «праведенъ буди и истиненъ, и смиренъ, очи долу понизая, умъ же къ небеси простирая. умоленъ к Богу, и

человѣком привѣтливъ, печальнаго утѣши, терпѣливъ въ напастехъ, і недосадителъ, всякому человѣку щедръ, милостивъ, нищекор-
мець, страннопримникъ, скорбенъ грѣха ради, веселье о Бозѣ,
алчель буди отъ пїанства і жаденїя отъ объяденїя, кротокъ,
неславоохотен, незлатолюбецъ, но друголюбець...» (ст. 15—16).
Царя бойся, и служи ему вѣроу, і всегда о немъ Бога моли
... і во всемъ повинуйся ему (глава 5, ст. 16).

Въ 6-й главѣ говорится, како чтити дѣтемъ отцовъ своихъ
духовныхъ і повинуватися во всемъ*).

Въ главѣ 9-й говорится: в монастыри, і в больницы, і
в пустыни, і в темници заключенныхъ посѣщай, и милостыню
по силѣ всякихъ потребныхъ подавай, елико требуютъ, і види
бѣду ихъ и скорбь, и всякую нужду, і елико возможно помогай
имъ» (ст. 31).

Въ главѣ 10 говорится: А къ церквамъ Божиимъ всегда съ вѣроу
приходи безъ гнѣва, і безъ зависти, і безо всякія злобы, і во
всякой смиренной мудрости, і кротости, і в чистотѣ телесной
съ приношенїемъ...» (ст. 32).

А в церкви стояти на всякомъ пѣніи съ страхомъ и съ
молчанїемъ молитися, а дома всегда павечерница и полунощ-
ница и часы пѣти . . . А в церкви ни съ кемъ не бесѣдуютъ,
съ молчанїемъ стояти и со вниманїемъ слушати божественнаго
пѣнїя и чтенїя, ни куда не обзираясь . . . А отъ объяденїя и
пїанства и отъ пустошныхъ бесѣдъ и смѣхотворенїя неподобнаго
всегда беречися. А татбы, и блуда, и лжи, и клеветы, и
зависти и всякаго неправеднаго собранїя, и ростовъ и корчмы,
и мыта, і всякаго лукавства не любити, і не гнѣватися ни
на кого, и не помнати зла, и разбоя, и грабленїя, і всякаго
насилїя, и неправеднаго суда отнюдъ не творити (ст. 36).

Глава 16 «..во утри вставати къ позвону і после пѣнїя
мужу з женоу совѣтовати о устроенїи домовнѣмъ».

Глава 19 говоритъ: «како дѣтей своихъ воспитати во
всякомъ наказанїи и страхе Божїи».

*) См. гл. III.

«А пошлет Богъ у кого дѣти, сынове и дщери, и имѣти попеченіе отцу и матери о чадахъ своихъ, снабдѣти и воспитати въ добре наказаніи, і учити ихъ страху Божию, і вѣжеству, і всякому благочинію. і по времени, по дѣтемъ смотря и по возрасту, учити ихъ рукодѣлію, отцу сыновъ, а матери дщери, кто чему достоинъ, каковъ кому просугъ да с Богъ, а любити ихъ и беречи и страхомъ спасати, учя и наказуя, и разсужая и раны возлагати. Наказуи дѣти во юности, покоять на старос твою. И хранити и блюсти о чистотѣ телесной, і от всякого грѣха, якожъ зеницу ока, якожъ своя душа, аще что дѣти съгрѣшатъ, отцовымъ, и матернимъ небреженіемъ, і о тѣхъ грѣсѣхъ отвѣтъ дати самемъ в день страшнаго суда. аще дѣти небрегомы будутъ, і внѣ наказаніи отца и матери, аще согрѣшатъ или что зло сътворятъ, отцу и матери и з дѣтми от Бога грѣхъ, а от людей укорь и посмѣхъ, а имѣнію тщета, а себѣ скорбь, а от судей продажа и срамота. аще у богобоязливыхъ родителей и у разумныхъ и разсудныхъ чада воспитани въ страхѣ божіи і в добрѣ наказаніи, і во благоразсудномъ ученіи всякому разуму, і вѣжеству, и промыслу, и рукодѣлію, и тѣ чада с родители своими бывають от Бога помилованы, а от священнаго чина благословени, і от добрыхъ людей хвалими» (ст. 57—59).

Такимъ образомъ Домострой на первомъ мѣстѣ ставитъ обученіе житейскимъ правиламъ, праведному жптію. Надо учить страху Божию и вѣжеству и всякому благочинію — это основные предметы обученія. Затѣмъ уже надо обучать домоводству, какому либо ремеслу «кто чего достоинъ, каковъ кому просугъ далъ Богъ» причемъ отецъ долженъ обучать сыновей, а мать дочерей. Но обучая дѣтей, надо «любить ихъ и беречь и страхомъ спасать, уча и наказуя и съ расужденіемъ раны возлагати».

Въ 21-й главѣ говорится: «како дѣтей учити и страхомъ спасати».

«Казни сына своего от юности его, и покоить ты на старость твою, дастъ красоту души твоеи. і не ослабей бѣя младенца. аще бо жезломъ бѣши его, не умреть, но здравіе будетъ. ты бо бѣя его по тѣлу, душу его избавиши отъ смерти.

Ф. ШТАДЕЛЬМАНЪ

ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ

У ДРЕВНИХЪ ГРЕКОВЪ И РИМЛЯНЪ

Съ нѣмецкаго перевелъ

А. Нейфельдъ.

ИЗДАНИЕ ЖУРН. „ГИМНАЗІЯ“

Ревель

Печатня «Ревельскихъ Извѣстій»

1895

Ф. ШТАДЛЬМАНЪ

ВОСПИТАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ

У ДРЕВНѢЙШЕГО ГРЕКОРОМАНСКАГО ПЕДАГОГА

Доволено цензурою. — Ревель, 3-го августа 1895 года.

А. Штадльманъ

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА "ПЕДАГОГЪ"

Ревель

Издатель: Ф. Штадльманъ, Невский пр. 122

1895

Содержаніе.

- I. О воспитаніи древнихъ вообще.
 - II. Характеристика трехъ главныхъ государствъ древности по ихъ отношенію къ дѣлу воспитанія и обученія.
 - III. Положеніе матери и домохозяйки.
 - IV. Подкидываніе дѣтей. Первые дни жизни ребенка.
 - V. Воспитаніе въ первомъ возрастѣ.
 - VI. Воспитаніе въ отроческомъ возрастѣ. Наказанія.
 - VII. Педагогъ.
 - VIII. Государственное воспитаніе спартанцевъ.
 - IX. Дѣло обученія. Физическое образованіе.
 - X. Орхестика.
 - XI. Духовное образованіе.
 - XII. Грамота (*γράμματα*).
 - XIII. Ариметика (*λογιστική, λογισμοί, ἀριθμητική*) и черченіе (*γραφική*).
 - XIV. Объ обученіи музыкѣ.
 - XV. Учители.
 - XVI. Образованіе въ слѣдующемъ возрастѣ.
 - XVII. Завершеніе спартанскаго образованія.
 - XVIII. Тѣлесное развитіе греческихъ и римскихъ эфебовъ.
 - XIX. Риторическое образованіе греческихъ и римскихъ эфебовъ.
 - XX. Принципы, которымъ слѣдовало преподаваніе въ школахъ риторовъ.
 - XXI. Обученіе философіи.
 - XXII. Воспитаніе дѣвушекъ.
-

Содержание.

- I О познании древних людей.
- II Характеристика трех главных государств древности по их отношению к друг другу и к обществу.
- III Познание истории в доклассовый.
- IV Познание истории. Первые три жизни человека.
- V Познание по первым источникам.
- VI Познание по различным периодам. Имя.
- VII Имя.
- VIII Познание по различным периодам.
- IX Как обстоит дело в современном обществе.
- X История.
- XI История.
- XII История (общая).
- XIII История (частная) и история (общая).
- XIV История.
- XV История.
- XVI История — как наука.
- XVII История — как наука.
- XVIII История — как наука и как искусство.
- XIX История — как наука и как искусство.
- XX История — как наука и как искусство.
- XXI История — как наука.
- XXII История — как наука.

Предисловіе автора.

Quaerenti mihi multumque et diu cogitanti, quam re possem prodesse quam plurimis, nulla maior occurrebat, quam si optimarum artium vias traderem meis civibus (Cic. de div. II, 1.).

Въ учебныхъ планахъ нашихъ гимназій неоднократно высказывается желаніе, чтобы при чтеніи греческихъ и римскихъ авторовъ обращалось вниманіе не только на филологическую сторону, но и на реальную. Такое желаніе совершенно основательно, такъ какъ недостаточно буквально, часто отвратительнымъ языкомъ, переводить классическаго автора или положить его въ основаніе изученія греческой и латинской грамматики, а необходимо при чтеніи пріучать учащихся вникать во внутренній смыслъ читаемаго и понимать художественныя формы, развить въ нихъ пониманіе классической древности вообще,—словомъ, помочь имъ возможно глубже проникнуть въ жизнь древнихъ.

Если мы объясняемъ нашимъ ученикамъ, хотя бы, сообразно ихъ возрасту, только въ самыхъ краткихъ словахъ, какъ какая-нибудь сцена нашей обыденной жизни разыгрывалась въ древности, они всегда съ напряженнымъ вниманіемъ и интересомъ слушаютъ насъ. Отсюда въ ученикахъ безсознательно развивается любовь къ автору и наслажденіе имъ, а съ другой стороны они, влѣдствіе усиливающагося интереса къ предмету, въ домашнихъ работахъ перестаютъ видѣть лишнее бремя, такъ какъ замѣчаютъ, что многія современныя учрежденія или прямо соотвѣтствуютъ учрежденіямъ древности или, же, по крайней мѣрѣ, во многомъ сходны съ ними.

Наша работа имѣетъ своимъ предметомъ часть этихъ реальныхъ свѣдѣній, именно дѣло воспитанія и обученія у древнихъ грековъ и римлянъ, съ которыми по необходимости приходится знакомить учениковъ, особенно старшихъ классовъ, при чтеніи многихъ мѣстъ изъ древнихъ авторовъ.

Каждый учитель знает по опыту, какъ трудно часто бываетъ находить необходимыя пособія для приготовленія. Часто ихъ вовсе нѣтъ въ бібліотекахъ, часто ихъ трудно достать; кромѣ того для учителя гимназіи, которому приходится про-работывать громадный матеріалъ, важно имѣть подѣ руками краткій очеркъ, чтобы не терять лишнее время при изученіи неважныхъ подробностей; поэтому для него не подходятъ крупныя работы, имѣющіяся по этому вопросу; ему нужно сжатое, но все таки наглядное и исчерпывающее предметъ изложеніе его.

Не мнѣ судить, на сколько мнѣ удалось удовлетворить этому требованію. Нечего указывать на то, въ какой мѣрѣ я пользовался превосходными работами предшественниковъ по этому предмету, особенно прекраснымъ трудомъ Дг. Лоренца Грасбергера, «Энциклопедіей» Дг. К. А. Шмидта, «Исторіей воспитанія и обученія» Крамера, работами Беккера («Gallus» и др.), Гула и Конера и мн. др.

Мое искреннее желаніе, чтобы моя книжка въ указанномъ направленіи приносила пользу учителямъ, и чтобы многіе болѣе зрѣлые ученики пользовались ею при приготовленіяхъ къ чтенію Цицерона, Платона и другихъ авторовъ.

Отъ переводчика.

Въ русской литературѣ, кромѣ общихъ «исторій педагогики» и «руководствъ по древностямъ», почти ничего не имѣется по предмету воспитанія и обученія грековъ и римлянъ, изученіе языка, литературы и вообще всей жизни которыхъ составляетъ краеугольный камень нашего средняго и высшаго образованія. Поэтому нѣтъ надобности въ оправданіи этого перевода. Книга изложена такъ кратко и ясно, что она доступна и вообще для всякаго образованнаго человѣка. Желая ей побольше читателей.

I. О воспитаніи древнихъ вообще.

Перелистывая страницы исторіи и съ благоговѣніемъ взирая на великихъ мужей, которые въ ней представляются нашимъ глазамъ, возбуждая въ нашей душѣ удивленіе и желаніе подражать имъ, какъ нашимъ образцамъ, мы невольно задаемся такими вопросами: Гдѣ родился тотъ или другой великій человѣкъ? Кто были его родители? Гдѣ и при какихъ условіяхъ онъ учился и получилъ свое воспитаніе? Какимъ принципамъ слѣдовали при его воспитаніи, каковы были взгляды и идеалы его времени? Ибо на ряду съ другими факторами, характеризующими извѣстное время, особенно сильное вліяніе на личность, его взглядъ и ходъ его жизни, оказываетъ воспитаніе и обученіе. Если же мы въ исторіи древности знакомимся съ рядомъ мужей, духовныя творенія которыхъ и нынѣ еще продолжаютъ существовать, частію въ неизмѣненномъ видѣ, частію измѣненныя, сообразно съ требованіями современной жизни, — мужей, которые въ высшей степени возбуждаютъ и всегда будутъ возбуждать наше удивленіе и благоговѣніе, то стоитъ труда ознакомиться съ принципами и средствами, благодаря которымъ эти люди сдѣлались таковыми, что мы все еще имѣемъ право представлять ихъ нашему юношеству какъ нашихъ учителей и какъ блестящіе образцы.

Платонъ утверждаетъ, что человѣкъ по природѣ своей золь, и потому онъ особенно настаиваетъ на необходимости заботливаго отношенія къ духовному воспитанію, такъ какъ имъ человѣкъ отличается отъ животнаго, свободный — отъ раба, философъ — отъ ремесленника, грекъ — отъ варвара. По мнѣнію Аристотеля совершеннѣйшая добродѣтель возможна только при совершенномъ пониманіи, а оно-то дается намъ въ государ-

ствѣ впервые посредствомъ воспитанія и обученія. Сенека говоритъ: «нѣтъ живого существа, столь упрямаго и требующаго столь искуснаго обхожденія съ нимъ, какъ человѣкъ». Всѣ величайшіе мыслители неоднократно выражаютъ мнѣніе, что недостаточно того, что природа даетъ человѣку, а что настоящимъ человѣкомъ можно сдѣлаться только при условіи образованія достойнаго человѣка.

Понятіе образованія и воспитанія у грековъ обозначалось словомъ *παιδεία*. Это слово, собственно обозначающее образованіе, воспитаніе мальчиковъ, имѣетъ болѣе тѣсный и болѣе широкой смыслъ. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ оно обозначаетъ, особенно у Платона и другихъ писателей, говорящихъ о воспитаніи и обученіи, духовное наставленіе двумя, свойственными древнимъ грекамъ, способами: тѣлеснаго и духовнаго упражненія — для достиженія серьезнаго, планосоразмѣрнаго и гармоническаго развитія. Въ болѣе широкомъ смыслѣ это слово обозначаетъ то же, что и латинское слово *disciplina*, именно всякую физическую и этическую способность гражданина, обнимая не только юношество или учебные предметы, а вообще всякую высшую культуру. Происходя отъ слова *παῖς*, слово *παιδεία* обнимаетъ все физическое и духовное развитіе мальчика, между тѣмъ какъ латинское слово *educatio*, соответствующее греческому *ἀγωγή*, указываетъ на руководство, или направленіе. *Παιδεία* для грековъ есть природосообразное и гармоническое развитіе тѣлесныхъ и духовныхъ силъ съ цѣлью всесторонняго облагороженія и совершенствованія человѣческой природы, вообще образовательное воспитаніе. Цѣль ея не только въ наставленіи, обученіи, сообщеніи знаній, но и въ подготовленіи къ благоразумной и счастливой жизни, въ образованіи характера, сообщеніи всего прекраснаго и добраго для достойной жизни, въ передачѣ молодому поколѣнію унаслѣдованныхъ великихъ нравственныхъ и національныхъ мыслей, и притомъ не столько путемъ теоретическимъ и насильно, сколько на основаніи народныхъ обычаевъ и преданій. Главныя нормы ея вытекали изъ гимнастики и музыки. Это столь поучительное для насъ двойственное обученіе дѣлало

мальчиковъ и юношей практическими и дѣльными мужами, здоровыми духомъ и тѣломъ, настолько же образованными этически, сколько и эстетически, уже по виду отличавшимися достойною осанкою, благороднымъ приличіемъ и открытымъ, свободнымъ поведеніемъ, чѣмъ они и обнаруживали свое внутреннее образованіе, — мужами, все явленіе которыхъ служило отраженіемъ силы и кротости, словомъ той многопрославленной *καλοκάγνια*, подъ вліяніемъ которой человѣкъ является не совершенной машиной, а видимымъ выраженіемъ самоусовершенствующейся свободы. Ни у одного народа эта идея красоты не осуществилась на столько и на столько не охватила всей жизни, какъ у грековъ, вѣрившихъ безъ исключенія, что съ красотой тѣла необходимо бываетъ связана и красота душевная. «Прекрасный духъ въ прекрасномъ тѣлѣ», — вотъ лозунгъ греческаго міра, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока онъ осуществлялъ картину гармоніи и въ своей внѣшности, и отдѣльныя части еще не распались во враждѣ и раздорѣ.

При такомъ взглядѣ на воспитаніе (*παιδεία*), у древнихъ, конечно, было воспитаніе, дѣйствительно, образовательное, а не только обучающее и наставляющее. Въ согласіи съ этимъ воззрѣніемъ, основаннымъ на всей природѣ грековъ, и всѣ эллинскіе законодатели вездѣ и всегда исходили отъ воспитанія, отъ обязанности благочестія по отношенію къ богамъ, повиновенія по отношенію къ родителямъ, скромнаго уваженія по отношенію къ старости. Больше того: все греческое законодательство мы можемъ прямо таки назвать продолженіемъ и завершеніемъ воспитанія. По этому-то и Аристотель (Pol. V, 7) въ воспитаніи юношества видитъ самое надежное средство для поддержанія порядка и предотвращенія переворотовъ.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что воспитаніе и образованіе у древнихъ приходились въ удѣлъ исключительно только свободнымъ гражданамъ (ср. латинское названіе «*artes liberales*») и носили національный характеръ. Рабъ не имѣлъ права на воспитаніе: такъ какъ онъ былъ безправенъ въ политическомъ

отношеніи, то онъ не могъ притязать и на воспитаніе, подчиненное государственному принципу. Вотъ сужденіе Аристотеля по этому вопросу: «Такъ какъ всякое искусство и всякое обученіе старается восполнить то, чего недостаетъ природѣ, то на общемъ воспитаніи лежитъ задача развить дѣтей такъ, чтобы они изъ незаконченныхъ существъ сдѣлались совершенными гражданами, такъ какъ они впоследствии должны участвовать въ гражданскомъ обществѣ, и государство безъ образованія отдѣльнаго лица не можетъ достигнуть своего совершенства. Его оно достигаетъ только посредствомъ нравственнаго усовершенствованія гражданъ, участвующихъ въ государственномъ управленіи. Поэтому пренебреженіе воспитаніемъ весьма вредно для государства, ибо отъ воспитанія преимущественно зависитъ его сохраненіе, и только черезъ него оно достигаетъ необходимаго для него единства. И самыя лучшія законы будутъ бесполезными, если граждане не воспитаны для государства нравственно и интеллектуально. Кромѣ того позорно не получить вовсе никакого воспитанія. Ибо получившій воспитаніе отличается отъ невоспитаннаго, какъ живой человѣкъ отъ мертвеца. Воспитаніе въ счастья есть украса, въ несчастія убѣжище, въ старости прекраснѣйшая утѣха».

Этими словами великій философъ указываетъ и на необходимость воспитанія. И дѣйствительно, врядъ ли можно лучше доказывать ее.

II. Характеристика трехъ главныхъ государствъ древности по ихъ отношенію къ дѣлу воспитанія и обученія.

Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что воспитаніе и обученіе въ древности находились въ тѣсной связи съ государствомъ и были дѣломъ національнымъ. И какъ въ трехъ главныхъ государствахъ, имѣющихъ для насъ значеніе, замѣтны нѣкоторыя различія въ политическомъ отношеніи, по которымъ каждое изъ нихъ является чѣмъ то особеннымъ, ясно отли-

чаясь и отдѣляясь отъ двухъ другихъ, такъ различія проглядываютъ и въ воспитаніи и обученіи, въ которыхъ можно видѣть фундаментъ всякаго общества.

Взглядъ на каждое отдѣльное изъ этихъ трехъ столь характеристическихъ общинъ послужить подтвержденіемъ сказаннаго.

У дорянъ, и въ частности въ Спартѣ, идея государственнаго могущества была проведена съ послѣдовательностью, непостижимой для нашего пониманія. Государство есть самое высшее, священнѣйшее; оно есть то *ἄλλο*, которое поглощаетъ всю дѣятельность гражданина, дѣлая почти невозможнымъ какое-бы то ни было свободное движеніе, такъ что отдѣльная личность можетъ и должна жить только въ государствѣ и для государства. Преслѣдовать цѣль, которую онъ самъ себѣ поставилъ, во всѣхъ областяхъ духовной жизни, напр. въ искусствѣ или наукѣ, для грека было немислимо до временъ начинавшагося паденія старой дисциплины, такъ какъ польза всякой дѣятельности измѣрялась только по той пользѣ, которую она приносила для цѣлаго, и всякое званіе, не имѣвшее никакого отношенія къ государственнымъ дѣламъ, разсматривалось какъ вредное для государства тунеядство. Образовательный идеаль спартанскаго государства совпадаетъ съ идеаломъ спартанскаго гражданина. И такъ какъ взоры спартанца обращены только на цѣлое и на его безопасность, то и воспитаніе должно было принять характеръ воспитанія исключительно только для государства, а не для жизни, и направляться прежде всего на развитіе сильнаго, опытнаго въ военномъ дѣлѣ поколѣнія при возможно большемъ объединеніи духовнаго и тѣлеснаго усиленія. «Все воспитаніе и вся организація спартанцевъ», говоритъ Якоби, «были направлены къ тому, чтобы сдѣлать гражданъ независимыми отъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ. Они воспитывались только для Спарты, а не для человечества, и ихъ добродѣтель была добродѣтель исключительно только гражданская». Такъ какъ Ликургъ добивался нравственнаго усиленія своихъ гражданъ посредствомъ выработки навыковъ, и на нихъ обосновывалъ свое госу-

дарство, то для него выработка въ юность навывковъ или воспитаніе было самое главное. Воспитаніе поэтому велось не только по государственнымъ предписаніямъ, но съ самой ранней юности его и вело само государство. «Все воспитаніе и законодательство относится почти только къ войнѣ», совершенно справедливо замѣчаетъ Аристотель, и въ этомъ онъ видитъ недостатокъ дорического воспитанія, въ прочемъ расхваливаемого имъ. Въ какой тѣсной связи находились семейная и государственная жизнь, видно изъ того, что вырожденіе и беспорядки начинаютъ развиваться только тогда, когда эфору Эпидадей допустилъ большій произволъ въ управленіи домашнимъ имуществомъ (Plut. Ages. 5. Lysk. 13, 14, sq.).

Въ Аѳинахъ, которыя въ собственномъ смыслѣ слова были родиной свободнаго, ничѣмъ не связаннаго духовнаго образованія, семья сравнительно мало зависѣла отъ государственныхъ законовъ, и связь, въ которой находились съ ними отдѣльныя лица, была не продолжительна, такъ какъ юноши уже 18 лѣтъ становились совершеннолѣтними въ частно-правовомъ отношеніи. Здѣсь, гдѣ мы находимъ начало граждански-правовой жизни, уже съ самой ранней поры былъ данъ большой просторъ и воспитанію, благодаря чему всѣ силы всей человѣческой природы могли развиваться до высшаго расцвѣта и высшей свободы, и «Аѳины сдѣлались не только школою для Эллады, но и общей школою для человѣчества» (Фукид. II, 41), и стали самымъ счастливымъ городомъ по мудрости и силѣ, такъ что изъ нихъ распространились по всемъ странамъ гуманность, ученость, религія и образованіе. Солонъ и уже до него Драконъ обратили особенное вниманіе на умѣренность (*σωφροσύνη*) и скромное благонравіе (*εὐκοσμία*) юношества и точно опредѣлили, чему должны учиться свободный мальчикъ и юноша, и какъ они должны быть воспитаны. Законодательство Солона отличается отъ Ликургова тѣмъ, что оно не требуетъ, подобно послѣднему, безусловнаго повиновенія и слѣпой вѣры, а предоставляетъ юношескому чувству право сужденія и разбора. Аѳинское юношество было зрѣлѣе, его духъ свободнѣе, — несомнѣнное преимущество въ сра-

внени со Спартою, въ которомъ однако заключалось и зерно вырожденія. Но уже и до Солона и Дракона юношество не было предоставлено собственному произволу, а подчинялось надзору ареопага относительно образа жизни и товарищескихъ сношеній, а также наказывалось за праздность и жестокость, хотя еще и не пользовалось обученіемъ.

У римлянъ, болѣе склонныхъ къ практической и публичной жизни, замѣчается какаѣ-то трезвость, какое-то реалистическое направленіе. Больше всего учили и учились въ жизни и самою жизнію. Ихъ міръ — преимущественно міръ внѣшности, ихъ стремленія направлены вовнѣ, рассчитаны на приобрѣтеніе и владѣніе, на войну и право. Въ основаніи римскаго государства лежитъ *patria potestas*, самая неограниченная власть, какаѣ только была въ Римѣ. Соотвѣтственно этому высокому положенію отца (*pater familias*), отцовская воля, по крайней мѣрѣ, въ древнѣйшія времена была рѣшающимъ моментомъ въ воспитаніи. Между тѣмъ какъ греческое воспитаніе было человѣческое и основывалось на равномѣрности развитія всѣхъ силъ, римское — болѣе внѣшнее, риторическое. Кто желалъ удовлетворять требованіямъ жизни, долженъ былъ больше выходить изъ жизни, почему постепенно образовалось въ народѣ и рядомъ съ нимъ особенное сословіе ученыхъ и образованныхъ, которые посѣщали особыя школы и вели особыя научныя занятія. Между тѣмъ какъ греческіе философы обращали главное вниманіе на то, что воспитаніе рассчитано только для государства, и что государство мыслимо только при условіи цѣлесообразнаго воспитанія его гражданъ, у римлянъ этотъ принципъ, вслѣдствіе политически-практическаго направленія ихъ природы и склонности къ жизни и дѣятельности на поприщѣ всемірной исторіи, какъ бы по прирожденной необходимости, перешелъ въ практику.

Философіи, какъ высшей ступени внутренней духовной свободы, у римлянъ не было, вслѣдствіе пракческаго направленія ихъ жизни, и изъ греческихъ философскихъ системъ, перенесенныхъ къ нимъ, были приняты только тѣ, которыя имѣли спеціальное отношеніе къ практической жизни,

Сущность педагогической дѣятельности, которую греки видѣли въ направленіи человѣка къ прекрасной жизни и въ гармоническомъ завершеніи всѣхъ человѣческихъ влеченій, у римлянъ отодвигалась на задній планъ, такъ какъ имъ хотѣлось знать, какъ жить полезно, а не то, какъ жить прекрасно.

III. Положеніе матери и домохозяйки.

Чтобы выяснитъ себѣ особенно положеніе первоначальнаго воспитанія, которое всегда дается въ родномъ домѣ семьей, мы должны прежде всего ознакомиться съ семейными отношеніями древности, особенно же съ положеніемъ, которое домохозяйка и мать занимала въ отдѣльныхъ государствахъ; ибо она даетъ ребенку наставленія и поученія, она первая указываетъ нѣжному ребенку направленіе, въ которомъ онъ долженъ развиваться дальше.

Въ этомъ отношеніи положеніе греческой женщины въ домашней жизни и относительно воспитанія, если сравнитъ его съ положеніемъ римской женщины, кажется не соответствующимъ, а низкимъ. Ея положеніе очень сходно съ положеніемъ современной восточной женщины.

Живя замкнуто въ четырехъ стѣнахъ, она ничего не знаетъ о столь развитой въ Греціи политической жизни, въ которой мужъ принимаетъ весьма дѣятельное участіе, и вообще обо всемъ, что происходитъ внѣ дома. Извѣстная поговорка: «mulier taceat» имѣетъ значеніе и по отношенію къ ней, но не столько относительно ecclesia, сколько по отношенію къ rebus publicis. «Молчаніе — украшеніе женщины» (Soph. Aias, 293) — вотъ общепризнанное первое правило для греческой женщины.

Спартанки, правда, находились въ нѣкоторой связи съ государствомъ и потому онѣ пользовались гораздо бѣльшимъ уваженіемъ, чѣмъ афинянки. Въ Спартѣ существовалъ законъ, по которому никому не разрѣшалось, достигши тридцати лѣтняго возраста, жениться на не вполне еще доразвившейся

молодой женщинѣ. Такъ какъ законодатель заботился лишь о томъ, чтобы родилось здоровое и сильное поколѣніе людей, онъ приказалъ жениться только на зрѣлыхъ, сильныхъ и находящихся въ цвѣтѣ лѣтъ дѣвушкахъ. Женихъ тамъ, какъ и нынѣ еще у нѣкоторыхъ народовъ, только въ темнотѣ могъ прокрадываться къ невѣстѣ и послѣ обрученія долженъ былъ украсть ее, такъ какъ она жертвовала своею свободой только насилію сильнѣйшаго пола. Послѣ свадьбы она носила названіе *δέσποια*, т. е. госпожа, соотвѣтственно тому назначенію, которое она теперь призвана была исполнять въ домѣ. Естественно, что какъ таковая она часто имѣла случай сильно и благотворно вліять на мужа.

Не то мы знаемъ относительно аѳинской домохозяйки. «Мы, аѳиняне», говоритъ Платонъ (*leg. VII, 805*), «довѣряемъ женщинамъ, которыхъ замыкаемъ въ домѣ, всѣ клады и предоставляемъ имъ власть у ткацкаго станка». Благотворное вліяніе женщинъ, занимающихся только пряденіемъ и тканіемъ, на жизнь гораздо менѣе значительно, чѣмъ въ Спартѣ, и потому аѳинянки пользуются гораздо меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ спартанки. Особенно замкнуто въ Аѳинахъ жили дѣвушки, которыя, въ совершенной противоположности къ спартанскимъ, гораздо меньше могли показываться, чѣмъ замужнія женщины. Между тѣмъ какъ эти съ дѣтьми посѣщали театръ, тѣ, вѣроятно, не имѣли права на это. У аѳинянь и не рождались столь здоровыя дѣти, такъ какъ браки не нормировались опредѣленными законами, какъ въ Спартѣ, гдѣ и женихъ, и невѣста должны были находиться въ цвѣтущемъ возрастѣ. Аѳинскій юноша уже двадцати лѣтъ, дѣвушка — уже четырнадцати лѣтъ могли заключать браки. Многія изреченія Солона доказываютъ, какъ высоко онъ ставилъ женскую стыдливость и скромность въ семейной жизни, и что онъ въ брачномъ союзѣ видѣлъ союзъ высшій, нравственный, основанный съ цѣлью родительскихъ радостей, любви и дружбы.

Весьма почетное и достойное положеніе занимала римская *mater familias*, особенно если она умѣла любезностью и вообще

качествами, возбуждающими уваженіе, смягчить законную подчиненность мужу. Въ противоположность тому, что мы видимъ въ Греціи, она, какъ глава всего домохозяйства, какъ воспитательница дѣтей, какъ охранительница чести дома, занимала мѣсто рядомъ съ отцомъ (*pater familias*), и то уваженіе, которымъ она пользовалась въ собственномъ домѣ, ей оказывалось и въ общественной жизни. Не замкнутая въ особыхъ покояхъ дома, она въ древнѣйшую пору жила въ атриумѣ (*atrium*), гдѣ *lectus genialis*, или *adversus* ей указывалъ почетное мѣсто, съ котораго она управляла домомъ.

Между тѣмъ какъ у грековъ женщины часто бывали причиною войнъ (Бризеида, Елена), у римлянъ онѣ играютъ роль посредническую (сабинянки и Лавинія). Только въ Римѣ былъ возможенъ такой фактъ, какъ изгнаніе царскаго дома и отмѣна царской власти вслѣдствіе оскорбленія женской стыдливости. Священный огонь Весты, представительницы семьи, былъ символомъ чистѣйшей женственности и добродѣтельнѣйшей скромности. Римскій бракъ носилъ на себѣ печать большой святости и считался, по крайней мѣрѣ, въ болѣе раннюю эпоху, самымъ священнымъ и тѣснымъ союзомъ, возможнымъ между мужчиною и женщиною. У супруговъ была особенная богиня домашняго мира со святилищемъ на Капитоліи, которой они приносили жертвы, разсорившись между собою. Римской женщинѣ на свадьбѣ препоручаются ключи дома, и съ мужемъ она дѣлитъ трудъ воспитанія дѣтей. Какъ велико и въ этомъ отношеніи было ея вліяніе, доказываютъ историческіе примѣры Ветурии, матери Коріолана, Корнелии, матери Гракховъ, Аврелии, матери Цезаря, и Аціи, матери Августа. Правда, и спартанская мать оказывала сильное вліяніе на своихъ сыновей и воспламеняла въ нихъ отвагу для храбрыхъ подвиговъ. Но спартанская мать желала и должна была рожать только настоящихъ мужей, римская же — мужей гражданъ; спартанская мать учила своихъ сыновей, какъ они могутъ со славою умирать, римская — какъ они могутъ со славою жить и умирать. У лаконянъ много заботились о высшемъ умственномъ

5314. **Школа** ветеринарн. фельдшеровъ. Пензенскія губ. вѣд. 1873. 100.

5315. **По поводу** предполагаемаго преобразованія ветеринарнаго отдѣленія Императорской медико-хирургической академіи. Сергѣй Гунтъ. Молва. 1880. 178.

5316. **О преобразованіи** ветерин. училищъ Харьк., Дерптск. и Варшавск. въ ветерин. институты. Журналъ Мин. Народн. Просв. 1873. 3. Ч. 166; стр. 1—22.

5317. **О ветеринарной школѣ** въ Варшавѣ. Ив. Любомудровъ. Западная Почта. 1879. 54.

5318. **Ветеринарное училище** въ Харьковѣ. Статья В. К. Всемирная Иллюстрація. 1874. Т. II. 261; стр. 14.

5319. **Извлеченіе** изъ отчета Дерптскаго ветеринарнаго училища за 1872 годъ. Ф. Унтербергеръ. Журналъ Коннозаводства. 1873. 7; стр. 39—43.

5320. **Извлеченіе** изъ отчета Дерптскаго ветерин. училища за 1872 г. Ф. Унтербергеръ. Военно-Медиц. Журналъ. 1873. 12. Ч. 118; стр. 1—4.

5321. **Изъ отчета** Дерптскаго ветерин. института за 1873 г. Ф. Унтербергеръ. Военно-Медиц. Журналъ. 1874. 12. Ч. 121; стр. 1—4.

5322. **Правила** для студентовъ казанскаго ветеринарнаго института. Казань. Тип. Универс. 8^о. 8 стр.

5323. **Отчетъ** по Казанскому ветерин. институту за 1874 г. Циркуляръ по Оренб. учебн. округу. 1875. 10.

5324. **Отчетъ** по Казанск. ветерин. институту за 1876 г. Циркуляръ по Казанск. уч. окр. 1877. 7.

5325. **Отчетъ** по Казанскому ветерин. институту за 1875 г. Циркуляръ по Казанск. уч. округу. 1876. 10; стр. 388—419.

5326. **Отчетъ** по Казанскому ветеринарному институту за 1877 г. Циркуляръ по Казанск. учебн. округу. 1878. 7; стр. 181—226.

5327. **Отчеты** по Казанскому ветеринарн. институту за 1878—79 г. Казань. Унив. тип. 1879—1880. 8^о.

Архивъ Ветеринарн. Наукъ. 1880. 3; стр. 1—5.

5328. **Отчетъ** по Казанскому ветеринарному институту за 1879 годъ. Циркуляръ по Казанск. учебн. округу. 1880. 7; стр. 186—235.
5329. **Отчетъ** по Казанскому ветеринарному институту за 1880 годъ. (6-й годъ съ открытія). Циркуляръ по Казанскому учебн. округу. 1881. 9; стр. 207—258.
5330. **По вопросу** объ учрежденіи въ Кіевѣ ветеринарно-фельдшерской школы. (Перед. ст.) Кіевскій Телеграфъ. 1875. 67.
5331. **Великая** ветеринарная фельдшерская школа и первый выпускъ ея воспитанниковъ. Пермскія губ. вѣд. 1875. 47.
5332. **Отчетъ** о школахъ ветеринарныхъ фельдшеровъ Терскаго казачьяго войска за 1872/73 учебный годъ. Терскія вѣдомости. 1873. 38.
5333. **Отчетъ** о школахъ ветеринарныхъ фельдшеровъ Терскаго казачьяго войска. Терскія вѣд. 1874. 20.
5334. **Годовой отчетъ** о школахъ ветеринарныхъ фельдшеровъ Терскаго казачьяго войска за 1874/5 учебный годъ. Хр. Максимовичъ. Терскія вѣд. 1875. 2, 21, 37 и 38. Записки Кавк. Общ. Сельск. Хозяйства. 1874. 2 и 3; стр. 1—8 и 1875. 3; стр. 13—16.
5335. **Отчетъ** о школахъ ветерин. фельдшеровъ Терск. каз. войска. 1875—76. Хр. Максимовичъ. Записки Кавк. Общ. Сельск. Хоз. 1876. 3; стр. 29—34. Также, Терскія вѣдомости. 38.
5336. **Отчетъ** о школахъ ветеринарныхъ фельдшеровъ за 1877—78 г. Терскія вѣдомости. 1878. 39.
5337. **Отчетъ** о школахъ ветерин. фельдшеровъ Терскаго каз. войска за 1878—79 г. Максимовичъ. Терскія вѣдомости. 1879. 37.
5338. **Извлеченіе** изъ отчета по учебной части Тобольской ветеринарно-фельдшерской школы за 1880/1 учебный годъ. Тобольскія губ. вѣд. 1882. 16.
5339. **Настоятельная** нужда коммерч. образованія. Статья П. Н. Е. Современныя извѣстія. 1873. 258.
5340. **Къ вопросу** о заявленіи высшаго коммерческаго образованія въ Россіи. (Перед. ст.). Биржа. 1873. 258.

5341. **О коммерческомъ училищѣ.** (Перед. ст.). Русскій Міръ. 1873. 302.
5342. **О преподаваніи спеціальныхъ предметовъ въ коммерческихъ отдѣленіяхъ реальныхъ училищъ.** Статья Н. Журналъ Мин. Народн. Просв. 1875, ч. 178, 4; стр. 63—116.
5343. **Къ вопросу о необходимости коммерческаго образованія въ Россіи и измѣненіи программъ нашихъ коммерческихъ учебныхъ заведеній.** Финансовое Обозрѣніе. 1875. 44.
5344. **О необходимости высшаго коммерческаго учебнаго заведенія въ Россіи.** Н. Латкинъ. Финансовое Обозрѣніе. 1875. 49.
5345. **О преобразованіи коммерч. мореходн. училищъ.** Правда. 1878. 244.
5346. **О коммерческихъ училищахъ.** Россія. 1880. 31.
5347. **Коммерческія отдѣленія при реальныхъ училищахъ.** Страна. 1881. 10.
5348. **Коммерческія отдѣленія реальныхъ училищъ.** П. Колумбусъ. Журн. Мин. Народн. Просв. 1881. Т. 218 (т. 6). 11; стр. 1—13.
5349. **Памятная книжка** Спб. коммерч. училища на учебный 1880—1881 годъ. (СѸІІІ годъ существованія училища). Спб. Тип. Г. Шахта и К^о. 1880. 8° 84 стр. (330 экз.).
5350. **Тоже** на учебный 1881—1882 годъ. (СІХ годъ существованія училища). Спб. 1882. Тип. Г. Шахта и К^о. 8°. 96 и 1 нен. стр., (400 экз.).
5351. **Новое** коммерческое училище въ Петербургѣ. Петербургскій Листокъ. 1880. 104. (Хрон.).
5352. **Второе** коммерческое училище въ Петербургѣ. (Хроника). Голось. 1880. 143.
5353. **Петровское** коммерческ. училище. Нов. Вр. 1880. 1531.
5354. **Правила** частной гимназіи и коммерческаго училища д-ра Г. Видемана. Спб. Тип. Имп. Акад. наукъ. 1881. 8°. 16 стр. Ц. 15 к.
5355. **Программа**, краткая учебная, Московскаго коммерческаго училища и правила для приѣма учениковъ. Москва. Тип. С. В. Гурьянова. 1877. 8°. 39 стр. (1000 экз.).

5356. **Краткая** учебная программа Московскаго коммерческаго училища и правила для приѣма учениковъ. Москва. 1880. Тип. С. В. Гурьянова. 12°. 32 стр. (1.000 экз.).
5357. **Правила** для учениковъ Московскаго коммерческаго училища. Москва. 1882. Тип. С. В. Гурьянова. 12°. 19 стр. (2.000 экз.).
5358. **Новый** уставъ Моск. коммерч. академіи. (Перед. ст.). Вѣстникъ промышленности. 1874. 42, 49.
5359. **Историческій** очеркъ коммерческаго училища. 1862—1887. П. А. Искра. Одесса. 1887. Тип. «Трудъ» В. Семенова. 8 д., II и 196 стр. и 1 табл. (500 экз.).
5360. **Отчетъ** о дѣйствіяхъ попечит. совѣта по управленію Одесск. коммерч. училищемъ за 1875 г. Вѣдомости Одесск. Город. Общ. Управл. 1876. 28—30.
5361. **Объ Одесскомъ** коммерческомъ училищѣ. Статья С. Кр — мера. Одесскій Вѣстникъ. 1880. 167.
5362. **Пригласительная** программа частной гимназіи и коммерческаго училища д-ра Видемана на публичный актъ... 3 іюня 1877 г. Спб. тип. И. Ак. Наукъ. 1877. 8°. 24 и съ 16—24 стр. (200 экз.).
5363. **Пригласительная** программа частной гимназіи и коммерч. училища д-ра Видемана. Спб. 1878. Тип. Ак. Наукъ. 8°. II, 32 и съ 23—31 стр.
5364. **Школа** рисованія, учреждаемая въ Кіевѣ. Адріанъ Праховъ. Пчела. 1877. 2.
5365. **Кіевская** рисовальная школа Н. И. Мурашко. Статья С. Заря. 1881. 21.
5366. **Десятилѣтіе** кіевской рисовальной школы 1875—1885. Рѣчь, чит. Мурашко 22-го окт. 1885 г. Кіевъ. 1885. Тип. Л. Даниловой. 16°, 20 стр. (1.000 экз.).
5367. **Правила** для приѣма учениковъ въ Строган. Центр. училище технич. рисов. и программа ученія. М. Тип. Клейнъ. 1878. 8°. 7 стр. (1.200 экз.).
5368. **Свѣдѣнія** о Харьковской частной школѣ рисованія и живописи. М. Д. Раевская-Иванова. Отчетъ И. Акад. Художествъ за 1873—1874, 1875—1876, 1876—77 г., стр. 65—68, 59—61, 58—60.

5369. **Десятилітній** отчетъ Харьковской школы живописи и рисованія. И. О. Фесенко Харьковскія губ. вѣд. 1879.

5370. **Письмо** въ редакцію. (Музыкальная школа одесскаго общества изящныхъ искусствъ). П. С. Новоросс. Телеграфъ. 1880. 1750.

5371. **Рижская** школа живописи. Статья И. Ж. Рижскій Вѣстникъ. 1879. 245.

5372. **Открытие** московскаго епарх. училища иконописанія. Статья Л. Московскія епарх. вѣд. 1873. 41; стр. 385.

5373. **Нѣсколько** словъ о профессиональной школѣ фотографическаго искусства и ея программы. Спб. 1887. Тип. Ю. Эрлихъ. 8^о, 13 стр. и 1 чертежъ, 2 плана (950 экз.).

5374. **Институтъ** инженеровъ путей сообщенія. Личный составъ, распредѣленіе учебныхъ занятій и учебныя пособія (1877—1878 академической годъ). Спб. Тип. Мин. Пут. Сообщ. 1877. 8^о, 51 стр. (800 экз.).

5375. **Программы** I курса института инженеровъ путей сообщенія Императора Александра I-го. Спб. Тип. Р. Голике. 1881. 8^о, 36 стр. Ц. 30 к. (150 экз.).

5376. **Механическая** лабораторія института инженеровъ путей сообщенія Императора Александра I. Технич. Сборникъ. 1879. 2; стр. 155—157.

5377. **Отчетъ** комиссіи бывшихъ воспитанниковъ Строит. училища. Зодчій. 1874. 1, 2. стр. 10—11.

5378. **Отчетъ** Строит. училища за 1877—78 г. Зодчій. 1878. (Воскресн. Приб.) 30.

5379. **Объяснительная** записка къ проекту положенія о школѣ десятниковъ по строительному дѣлу, учрежденной Императорскимъ Русскимъ Техническимъ Обществомъ вмѣстѣ съ С.-Петербургскимъ обществомъ архитекторовъ. Спб. 1879. (Издание Имп. Рус. Техн. Общ.) 8^о, 8 стр.

5380. **Сценическое** образованіе въ Россіи и заграницей. Дебютантъ. Новое Время. 1883. 2695 и 2708.

5381. **Значеніе** театра, его упадокъ и необходимость школы сценическаго искусства. С. А. Юрьевъ. Русск. Мысль. 1883. 8; стр. 171—212.

5382. **Театральное училище въ 40-хъ годахъ.** А. П. Толченевъ. Минута. 1882. 104, 109, 113, 117, 126.
5383. **Петербургское театральное училище въ воспоминаніяхъ Николая Ивановича Куликова.** Русская Старина. 1886. Т. 52. 12; стр. 621—636.
5384. **Странные слухи.** Статья Х. Русск. Вѣд. 1881. 315. О Московскомъ театральномъ училищѣ.
5385. **Наши музык. конкурсы.** П. Щуровскій. Моск. Обзорніе. 1876. 7; стр. 100—102.
5386. **С.-Петербургская консерваторія.** Статья Н. К — ва. Музык. Свѣтъ. 1876. 21.
5387. **Публичный актъ въ СПбургской консерваторіи.** Музык. Листокъ. 1874. 25; стр. 415—420.
5388. **Публичный актъ Спб. консерваторіи Имп. Русск. Музык. Общ. (вып. 10) въ Мих. дворцѣ, 26 мая 1875 г.** Музыкальный Листокъ. 1875. 25.
5389. **Публичный актъ въ консерваторіи.** М. Ивановъ. Новое Время. 1877. 455.
5390. **Уловія приема въ Спб. консерваторію и извлечен. изъ правилъ консерваторіи на 1878—79 учебн. годъ.** Спб. 1878. Тип. Голике. 8°. (800 экз.).
5391. **Уловія приема въ с.-петербургскую консерваторію Императорскаго русскаго музыкальнаго общества и извлеченіе изъ правилъ консерваторіи на 1880—1881 учебный годъ.** Спб. Тип. Р. Р. Голике. 1880. 8°. 23 стр. Ц. 10 к.
5392. **Уловія приема въ с.-петербургскую консерваторію Имп. русскаго музык. общества и извлеченіе изъ правилъ консерваторіи на 1882—83 учебный годъ.** Спб. 1882. Тип. Р. Голике. 8°, 22 стр. (900 экз.). Ц. 10 к.
5393. **Учебные планы, программы выпускныхъ экзаменовъ и извлеченіе изъ инструкцій с.-петербургской консерват. Имп. русск. музык. общ.** Спб. Тип. Р. Голике. 1881. 8°. 11 стр. Ц. 20 к. (500 экз.).
5394. **Памятная и повѣрочная книжка с.-петербургской консерваторіи.** Спб. 1882. Тип. Р. Голике. 8°. 36 и 18 н. стр. (1.000 экз.).

5395. **Памятная** и повѣрочная книжка с.-петербургской консерваторіи на учебный курсъ 1884 года. Спб. 1883. Типо-лит. Р. Голике. 12°, 36 и 17 нен. стр. (500 экз.).
5396. **Годичное** испытаніе въ варшавской консерваторіи. Варшавскій Дневникъ. 1873. 133.
5397. **Двадцатипятилѣтіе** бесплатной музыкальной школы. В. В. Стасовъ. Спб. 1887. Тип. А. Суворина. 8°, 47 стр.
5398. **Правила** и программы для поступающихъ въ общедоступные музыкальные классы при педагогическомъ музеѣ. Спб. 1882. Тип. Шпарварта. 8°, 7 стр. (600 экз.). Ц. 5 к.
5399. **Годичный актъ** въ музыкальномъ училищѣ въ Кіевѣ. Статья Н. Кіевлянинъ. 1880. 125.
5400. **Актъ** кіевск. музык. училища. Кіевлянинъ. 1883. 120.
5401. **Десятилѣтіе** (1871—1881) музык. классовъ въ Харьковѣ при отд. Русск. Музык. общества. Статист. Листокъ. 1882. 4; стр. 62—64.
5402. **Отчетъ** кронштадтской бесплатной школы хороваго пѣнія, съ 15 сентября 1873 г. по 1 апрѣля 1874 г. А. Евгеніевъ. Кронштадтскій Вѣстникъ. 1874. 46.
5403. **Двадцатипятилѣтіе** бесплатной музыкальной школы. В. Стасовъ. Историческій Вѣстникъ. 1887. 3; стр. 599—642.
5404. **Новые** музык. классы г. Арнольда. Статья г. К. Московскія Вѣдомости. 1873. 225.
5405. **Музыкальная** школа Саванели и Мизандари въ Тифлисѣ. Э. Эпштейнъ. Тифлисскій Вѣстникъ. 1877. 124.
5406. **Музыкальная** школа А. Л. Спаской. Голось. 1874. 50.
5407. **Правила** о поступленіи въ Имп. Академію художествъ и о прохожденіи въ ней научно-художественнаго курса. Спб. Тип. Акад. наукъ. 1881. 8°. 44 стр.
5408. **Дополненія** къ издан. въ 1875 г. правиламъ для руководства учениковъ и вольнослушающихъ Имп. Академіи художествъ. Спб. Тип. Имп. Акад. наукъ. 8°, 14 стр. (510 экз.).

5409. **Рисовальная школа** Имп. общества поощренія художествъ въ С.-Петербургѣ. Указатель выставки. Спб. 1882. Тип. В. Киришбаума. 12°. 16 стр. (1.000 экз.).
5410. **Рисовальная школа** въ Спбургѣ. Нѣкто изъ толпы. Кроншт. Вѣстникъ. 1880. 113.
5411. **Школа** общества поощренія художествъ въ С.-Петербургѣ. Всемирная Иллюстрація. 1880. 613.
5412. **Московская школа** живописи, ваянія и зодчества въ Москвѣ. И. Кондратьевъ. Ремесленная Газета. 1875. 25.
5413. **Фельетонистъ** «Волна» и Строгановское училище рисованія въ Москвѣ. Новое Время. 1877. 560.
5414. **Воспитательные дома** въ Россіи. Л. Ш. Русскій Вѣстникъ. 1889. Т. 205. 12; стр. 173—183.
5415. **Программа** для переустройства нашихъ столичныхъ воспитательныхъ домовъ. А. Пфель. Спб. 1880. Тип. А. И. Траншея. 8°. 94 стр.
5416. **Программа** для переустройства нашихъ столичныхъ воспитательныхъ домовъ. Спб. 1880. 8°. Русск. Вѣдомости. 1881. 117. (Библ. зам.).
5417. **Наши** воспитательн. дома. Статья В. Стн. Порядокъ. 1881. 53.
5418. **Наши** воспит. дома. Незаконнорожденный. Минута. 1881. 64.
5419. **Къ вопросу** о воспит. домахъ. Врач. Вѣдомости. 1881. 9 и 11.
5420. **Правила** Спб. воспит. дома. В. Никитинъ, Судебн. Вѣстникъ. 1874. 165.
5421. **По поводу** воспит. дома. Статья А. 3-на. Врач. Вѣдомости. 1877. 39 и 40.
5422. **Воспитательный домъ** въ Петербургѣ. Столичные очерки. А. Бахтіаровъ. С.-Петербургскія Вѣдомости. 1885 г. 104; 123.
5423. **Ямбургскій уѣздъ**. Питомцы воспит. дома. Спбургскія Вѣдомости. 1873. 307.
5424. **О питомцахъ** воспитательнаго дома. Еженедѣльникъ. 1874. 45.

5425. **О мѣрахъ** къ улучшенію положенія питомцевъ воспитат. дома въ Петербургскомъ уѣздѣ. Петерб. Листокъ. 1874. 195.

5426. **О питомцахъ** воспитательнаго дома. Спбургскія полиц. вѣд. 1875. 254.

Изъ «Голоса».

5427. **Улучшеніе** быта питомцевъ воспит. дома, (Перед. статья). Новое Время. 1875. 107 и 108.

5428. **Общество** для помощи питомцамъ воспитательнаго дома. Народн. Школа. 1881. 8; стр. 50—52.

5429. **Школы** Спбургскаго воспит. дома. Церк. Общ. Вѣстникъ. 1882. 13.

5430. **Что такое** провинц. воспит. домъ. Статья **А. В-на**. Здоровье. 1874. 6.

5431. **Извлеченіе** изъ отчета Имп. С.-Петербургскаго воспитательнаго дома за 1872 годъ. Московскія губ. вѣд. 1873. 33, 34, 35, 37, 38.

5432. **Отчетъ** по Имп. московскому воспитательному дому за 1872 г. Москва. Тип. Рись, 1873. 8°. 164+1 стр. (600 экз.).

5433. **Отчетъ** московскаго воспитательнаго дома. Медицинскій Вѣстникъ. 26.

5434. **Извлеченіе** изъ отчета Имп. С.-Петербургскаго воспитательнаго дома за 1876 г. Извлеченіе изъ Прав. Вѣстника. Спб. Тип. м. в. дѣль. 1877. 4°. 14 стр. (50 экз.).

5435. **По поводу** отчета Имп. Спбургскаго воспитательнаго дома за 1877 г. Сообщ. И. Е. Андреевскаго. Здоровье. 1878. 100.

5436. **Отчетъ** по Имп. Московскому воспитательному дому за 1879 годъ. Москва. 1880. Тип. бывш. А. В. Кудрявцевой. 8°. 41 стр. (300 экз.).

5437. **Извлеченіе** изъ отчета Императорскаго С.-Петербургскаго воспитат. дома за 1879 годъ. Спб. Тип. Р. Голике. 1881. 8°. 38 стр. и 16 вѣд. (100 экз.).

5438. **По поводу** отчета С.-Петербургскаго воспитательнаго дома. Отголоски. 1880. 25.

5439. **Историческій** очеркъ малолѣтняго отдѣленія Имп. Московскаго воспитательнаго дома, начиная со дня его открытія и по 1878 годъ, а также Моск. Никол. Сиротск. Института и уѣзднаго училища. Составленъ А. Исаевымъ. М. Тип. В. Я. Барбей. 1878. 8°. 320 стр. (140 экз.) (б. ц.)
5440. **Краткій** историческій очеркъ Имп. Московскаго воспитательнаго дома. Сост. В. Красускимъ. М. Тип. Барбей. 1878. 8°. (300 экз.) (б. ц.)
5441. **Слово** по случаю совершившагося пятидесятилѣтія московскаго николаевскаго сиротскаго института 6 дек. 1887 г. Протопоповъ. Москва. Въ университ. тип., 8°, 7 стр.
5442. **Отчетъ** по Имп. Московскому воспитательному дому за 1881 г. Москва. 1882. Тип. б. А. В. Кудрявцевой. 8°, 58 л н. 17 н. стр. (600 экз.)
5443. **Иркутскій** воспитательный домъ. П. Суворовъ. Сибирь. 1775. 25.
5444. **Нѣсколько** выводовъ изъ обученія глухонѣмыхъ для элементарнаго обученія вообще. Н. Корфъ. Народная Школа. 1873. 7; стр. 3—14.
5445. **Первыя** слова и упражненія для глухонѣмыхъ по методѣ Хилль. Е. Брамингъ и Моллотъ. Въ переводѣ и примѣненіи къ русскому языку. I курсъ. Приложение къ сборнику картинъ для нагляднаго обученія Хилль. 8°. 114 стр. Ц. 80 к.
5446. **Взглядъ** на міръ глухонѣмыхъ. Эд. Вальнеръ. Нива. 1873. 40.
5447. **Преподаваніе** глухонѣмымъ. Статья **. Дѣтскій Садъ. 1874; стр. 187—192; 233—239; 273—279.
5448. **Объ образованіи** глухонѣмыхъ. П. Степановъ; и письмо воспитанника А. Меллера. Донская Газета. 1875. 32.
5449. **Объ училищахъ** для глухонѣмыхъ. Голось. 1876. 214. (Передовая статья).
5450. **Къ вопросу** объ образов. глухонѣмыхъ. А. Величинъ. Часовой. 1876. Вып. 1; стр. 39—50.
5451. **Училище** глухонѣмыхъ. П. Шингаревъ. Гражданинъ. 1877. 8.

5452. **Глухонѣмота** и воспитаніе глухонѣмыхъ. Гартманнъ. Переводъ М. А. Фронштейна. Москва. 1881. Тип. газеты «Московскій Телеграфъ». (И. И. Родзевича). 8°, XVI и 192 стр., (1.200 экз.).

5453. **Правила** преподаванія глухонѣмымъ искусственнаго, изустнаго слова. В. И. Флери. Съ портретомъ автора. Спб. Тип. дома призр. малолѣтн. бѣдн. 1881. 12°, 88 стр. (600 экз.).

5454. **Отчетъ** петербургскаго училища глухонѣмыхъ. Голось. 1871. 143.

5455. **Петербургское** училище глухонѣмыхъ. (Перед. ст.). Голось. 1875. 210.

5456. **Училище** глухонѣмыхъ въ Спбургѣ. Спбургскія Вѣдомости. 1879. 141.

5457. **Отчетъ** Московск. Арнольдскаго училища. Московскія Вѣдомости. 1873. 90.

5458. **Отчетъ** Московск. Арнольдскаго училища за 1873 г. Москов. Вѣдомости. 1874. 88.

5459. **Отчетъ** Московскаго Арнольдскаго училища для глухонѣмыхъ дѣтей обоего пола, за 1876 г. М. Тип. училища глухонѣмыхъ. 1877. 8°, 18 и XIV н. стр. (150 экз.).

5460. **Отчетъ** Московскаго Арнольдскаго училища для глухонѣмыхъ дѣтей обоего пола, за 1877 г. Москва. 1878. Т. уч. глухонѣмыхъ. 8°, 18 и VI стр. (400 экз.).

5461. **Изъ исторіи** Москов. Арнольдскаго училища глухонѣмыхъ. Извѣстія Москов. Город. Думы. 1880. 13; стр. 31 — 38.

5462. **Училище** глухонѣмыхъ въ Одессѣ. Статья **Л.** Одесскій Вѣстникъ. 1875. 203.

5463. **Институтъ** глухонѣмыхъ въ Варшавѣ. (Письмо къ редактору). П. П. Д. Одесскій Вѣстникъ. 1881. 50.

5464. **Положеніе** слѣпыхъ въ Западной Европѣ и въ Россіи. Воспитаніе и Обученіе. 1881. Педагог. Отд. 5 и 6; стр. 53—61.

По поводу технической школы для слѣпыхъ дѣтей, открываемой въ Петербургѣ Маріинскимъ Попечительствомъ.

5465. **Сборникъ** статей о воспитаніи и образованіи слѣпыхъ дѣтей, издаваемый подъ ред. Г. П. Недлера маринскимъ попечительствомъ для призрѣнія слѣпыхъ. 1—12. Спб. 1887. Тип. Ю. Штауфа (И. Фишона). 8^о, 18 стр. Ц. 30 к.
5466. **О слѣпыхъ**, по поводу недѣли о слѣпомъ. Новое Время. 1881. 1874.
5467. **Обученіе** слѣпыхъ и глухонѣмыхъ. (На всемирн. выставкѣ 1873 г. въ Вѣнѣ.) Вс. Мировольскій. Народн. Школа. 4; стр. 6—28.
5468. **О воспитаніи** и обученіи слѣпыхъ дѣтей. Семья и Школа. 1878. 12; кн. II; стр. 327—335.
5469. **Маринское** попечительство для призрѣнія слѣпыхъ. Церковн. Вѣстникъ. 1881. 44; стр. 18.
5470. **Попечительство** для призрѣнія и обученія слѣпыхъ въ Россіи. Педагог. Хроника. 1881. 15.
5471. **Слѣпая дѣти**. К. Л. Русскій Курьеръ. 1885. 266.
5472. **Руководство** для первоначальнаго воспитанія слѣпыхъ дѣтей. Вологодскія губ. вѣд. 1888. 18.
5473. **Къ воспитанію** слѣпыхъ дѣтей. Воронежскія губ. вѣд. 1881 г. 31.
5474. **Руководство** для первоначальнаго воспитанія слѣпыхъ дѣтей. Астраханскія епарх. вѣд. 1888. 10; стр. 463—469.
5475. **О научномъ** и ремесленномъ образованіи слѣпыхъ. М. Г. Левицкій. Спб. 1882. Тип. С. Добродѣва. 8^о. 16 стр. Тоже. Семья и Школа. 1886. 1 и 2.
5476. **Императорскаго** челолюбиваго общества институты слѣпыхъ. Донскія епарх. вѣд. 1873. 3, стр. 90—96.
5477. **Вновь** открываемое въ С.-Петербургѣ училище для слѣпыхъ дѣтей. Спб. Тип. В. Киршбаума. 1881. 8^о. 11 стр. (500 экз.).
5478. **Объ открытіи** въ Воронежѣ приюта и училища для слѣпыхъ. С. Карповъ. Воронежскія епарх. вѣд. 1887. 20; стр. 839—843.
5479. **Руководство** для первоначальнаго воспитанія слѣпыхъ дѣтей. Архангельскія губ. вѣд. 1888. 37.

5480. **Институтъ слѣпыхъ.** Екатеринославскія епарх. вѣд. 1873. 3; стр. 44—46, 4; стр. 55—60, 5; стр. 77—78. (Перепечатка).

5481. **Училище** для слѣпыхъ мальчиковъ въ С.-Петербурѣ. Народн. Школа. 1881. 10; стр. 56—57.

5482. **Учебное заведеніе** для слѣпыхъ дѣтей въ Москвѣ. Московскій Телеграфъ. 1881. 356.

5483. **Образцовое** учебно-воспитат. заведеніе для слѣпыхъ дѣтей въ Москвѣ. Статья **Е. Л.** Моск. Вѣдомости. 1881. 172.

5484. **Учебное заведеніе** для слѣпыхъ дѣтей въ Москвѣ. И. О. Блокъ. Изданіе К. К. Шильдбахъ. Москва. 1882. Тип. газеты «Моск. Телеграфъ» (И. Родзевича). 16°, 2 нен. 24 стр. (1.200 экз.).

5485. **Отчетъ** уполномоченнаго въ Олонецкой губерніи Маріинскаго Попечительства для призрѣнія слѣпыхъ. За 1881 г. Приложение къ Олонецкимъ губ. вѣд. 1882; стр. 1—11.

5486. **Варшавскій институтъ** для слѣпыхъ и глухихъ. Новости. 1875. 305.

10. **Исторія и современное состояніе дѣтскихъ пріютовъ и заведеній для малолѣтнихъ преступниковъ, частныхъ учебныхъ заведеній, пансіоновъ и дѣтскихъ садовъ.**

5487. **Указатель** учебн. заведеній, благотворит. и кооперат. обществъ, учрежденій для призрѣнія бѣдныхъ и врачебной помощи въ Петербургѣ, съ приложеніемъ законныхъ правъ учительницъ и наставницъ и наименованія учебниковъ, одобренныхъ М. Н. П. Спб. 1880—81. Тип. В. С. Балашева. 8°, 147 стр. (3.000 экз.).

5488. **Объ устройствѣ** въ селахъ лѣтнихъ пріютовъ для дѣтей. Руководство для сельскихъ пастырей. 1875. Т. 3. 46; стр. 340—346.

5489. **Временные дѣтскіе пріюты.** Пензенскія губ. вѣд. 1875. 89.

5490. **Пріютъ** для хронически-больныхъ дѣтей. А. Шабановой. Голось. 1881. 92.

5491. **О пріютахъ** для дѣтей до-школьнаго возраста. В. П. Воленскъ. Народная Школа. 1882. 8; стр. 16—28 и 9; стр. 19—34.

5492. **Колыбельни** и пріюты для дѣтей фабричныхъ работницъ. А. Мануиловъ. Вѣстникъ Промышленности. 1884. 7; стр. 139—145 и 8; стр. 122—125.

5493. **Школьные дачи** для болѣзненныхъ и бѣдныхъ дѣтей, нуждающихся въ лѣтнемъ отдыхѣ. Спб. 1882. Тип. В. Демакова. 8^о, 6 стр.

5494. **Отчетъ** по дневному Кузнечевскому убѣжищу, за время, съ 1-го января по 1-е мая 1873 года. Архангельскія губ. вѣд. 1873. 39.

5495. **Кишиневскій дѣтскій пріютъ** «Бальша». (Историческій очеркъ). 1845 — 1881. Бессарабскія губ. вѣд. 1882. Приложение къ 4.

5496. **Отчетъ** пріюта при Виленск. женск. Маріин. монастырѣ за 1880—81 г. Литовскія епарх. вѣд. 1881. 40.

5497. **Владимірскій пріютъ**. Томскія губ. вѣд. 1882. 36 и 40.

5498. **Вологодскій Александринскій дѣтскій пріютъ**. Истор. очеркъ. Н. П. Вологодскія губ. вѣд. 1881. 77—85.

5499. **Состояніе** Вологод. Александринск. дѣтскаго пріюта за 1881. Вологодскія губ. вѣд. 1881. 21.

5500. **39-тилѣтіе** Вологодск. Александринск. дѣтскаго пріюта. Вологодскія губ. вѣд. 1883. 1.

5501. **Отчетъ** Вятскаго губ. попечительства дѣтскихъ пріютовъ о находящихся въ его завѣдываніи дѣтскихъ пріютахъ за 1875 г. Вятскія губ. вѣд. 1876. 26 и 27.

5502. **Отчетъ** Маріинскаго дѣтск. пріюта за 1880 г. Донскія войск. вѣд. 1881. 44.

5503. **О состояніи** Казанск. частнаго миссіонерскаго пріюта за 1875—1876 г. Миссіонеръ. 1876. 36; стр. 296—300.

5504. **Отчетъ** Калужскаго губ. попечительства дѣтск. пріютовъ за 1872 г. Калужскія губ. вѣд. 1873. 26.

5505. **Дѣтскіе пріюты** вѣдомства Имп. Маріи въ Калугѣ. Калужскія губ. вѣд. 1881. 42, 45 и 46.

5506. **Дѣтскіе** пріюты вѣдомства Имп. Маріи въ г. Калугѣ. (Истор. записка). Калужскія губ. вѣд. 1888. 43, 44, 45.
5507. **Костромской** Маріинскій дѣтскій пріютъ (Историч. очеркъ). Кострома. 1885. Въ губ. тип., 8°, 18 стр.
5508. **Открытіе** дворянск. пансіона-пріюта въ Москвѣ. Русск. Міръ. 1874. 241.
5509. **Нѣчто** важное. Гражданинъ. 1874. 37; стр. 913—916.
Объ открытіи въ Москвѣ дворянск. пріюта-пансіона.
5510. **Исторія** одного неудавшагося опыта. Маріинская колонія питомцевъ Московскаго воспит. дома. («Русская Старица», кн 7 и 8 за 1879 г.) Недѣля. 1879. 27; стр. 805—810.
5511. **Дѣтское** утро въ залѣ нѣмецкаго клуба въ Москвѣ, 26 апр. 1881 г. Русь. 1881. 25.
5512. **Празднованіе** 25-лѣтія Московск. дѣтск. пріюта имени г. Торлецкаго. Московск. церк. вѣд. 1886. 2; стр. 32—33.
5513. **Торжество** по случаю закладки пріютскаго зданія при Нижегород. епарх. женск. училищѣ, и акта, происход. 5 мая 1874 года въ училищномъ залѣ. Свящ. А. Крыловъ. Нижегород. епарх. вѣд. 1874. 11; стр. 259—286.
5514. **Отчетъ** о состояніи нравственно-воспит. части въ Нижегород. епарх. дѣтскомъ пріютѣ за 1875/6 учебн. годъ. Нижегород. епарх. вѣд. 1877. 8, 12, 13.
5515. **Николаевскій** дѣтскій пріютъ въ г. Петрозаводскѣ. Олонецкія губ. вѣд. 1873. 16. 1875. 23. 1876. 15. 1877. 21.
5516. **Краткій** отчетъ о состояніи Оренбург. дѣтск. пріюта св. Ольги, за 1880, 1882 и 1883 г. Оренбургскія губ. вѣд. 1882. 49 и 50. 1883. 51. Оренбург. Листокъ. 1881. 48 и 50.
5517. **Отчетъ** Орловскаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ за 1875. Орловскій Справ. Листокъ. 1876. 12. Орловск. губ. вѣд. 1876. 10.
5518. **Отчетъ** Орловскаго губ. попечительства о состояніи мѣстнаго дѣтскаго пріюта въ 1881 году. Орловскія губ. вѣд. 1882. 29.
5519. **Исторія** Трубчевскаго пріюта для сиротъ. Первое десятилѣтіе 1875—1886. А. Усовъ. Москва. 1886. Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа. 8°.

5520. **Трубчевскій** пріютъ для сиротъ. Московскія Церковн. Вѣд. 1882. 46; стр. 668—670. Тоже Орловск. Вѣстн. 1881. 204.

5521. **Отчетъ** по убожищу бѣдныхъ дѣтей при дамскомъ попечительствѣ о бѣдныхъ въ Мотовилихѣ за 1881 годъ. Пермскія губ. вѣд. 1882. 64 и 65.

5522. **Краткій очеркъ** 20-лѣтн. существованія Пермскаго убожища дѣтей бѣдныхъ. Пермскія губ. вѣд. 1885. 92.

5523. **Устройство** при Самарской земской больницѣ пріюта для воспитанія подкидышей. Самарскія губ. вѣд. 1882. 26.

5524. **Отчетъ** правленія Екатеринбург. дѣтск. пріюта за 1881 годъ. Самарскія губ. вѣд. 1882. 23.

5525. **С.-Петербургскіе** дѣтскіе пріюты, Бар. Н. Корфъ. Недѣля. 1882. 26.

5526. **Положеніе** о дѣтскихъ пріютахъ, состоящихъ подъ покровительствомъ Ихъ Имп. Велич., дополненное послѣдовавшими измѣненіями и новыми узаконеніями; сводомъ всѣхъ вышедшихъ со времени открытія пріютовъ (1840 г.), нигдѣ еще не печатавшихся разъясненій, циркуляровъ, инструкцій попечительницамъ, ихъ помощницамъ, смотрительницамъ; приложеніемъ формъ отчетовъ, смѣтныхъ росписаній, наградныхъ списковъ, и проч. П. Горбуновъ. Изд. 2-ое Спб. 1888. Тип. А. Пожаровой. 8^о, 2 и 186 стр.

5527. **Краткій историческій очеркъ** (хроника) дѣтскаго пріюта Е. Имп. Выс. Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. 1846—1881 гг. И. А. Скачковъ. Спб. 1883. Тип. И. А. Литвинова. 4^о, 2 н., 143, 147 и 2 нен. стр., 6 плановъ.

5528. **Открытіе** пріюта для грудныхъ законнорожденныхъ дѣтей. Сергіевскаго всей артиллеріи собора прот. Д. Никитинъ. Церковн. Вѣстникъ. 1881. 7; стр. 14.

5529. **Дѣтскіе** пріюты въ г. Саратовѣ. (Извлеченіе изъ отчета Саратовскаго губ. попечительства дѣтскихъ пріютовъ за 1882 годъ). Саратовскія губ. вѣд. 1883. 205.

5530. **Отчетъ** о состояніи Саратовскаго перваго дѣтскаго пріюта, за время съ 1 окт. 1873 г. Саратовскія губ. вѣд. 1873. 211.

5531. **Маринскій** дѣтскій приютъ въ Саратовѣ. Историч. очеркъ. Саратовскія губ. вѣд. 1880. 246.

5532. **Отчетъ** по содержанию Саратовск. дѣтскаго приюта при Саратовск. епарх. женск. училищѣ за 1875 г. Прот. Г. Ершовъ. Саратовскія епарх. вѣд. 1876. 29; стр. 359—440.

5533. **Отчетъ** Саратов. дѣтскихъ приютовъ за 1880 г. Саратовскія губ. вѣд. 1881. 37 и 38.

5534. **Отчетъ** Саратовскаго губернскаго попечительства о дѣтскихъ приютахъ за 1881 г. Саратовскія губ. вѣд. 1882. 53.

5535. **Отчетъ** по отд. приюта Галкина-Врасскаго «Ясли» за 1879 и 1880 г. Саратовскія губ. вѣд. 1881. 190 и 191.

5536. **Приютъ** для несовершеннолѣтнихъ дѣтей священно-церковно-служителей Саратовской епархіи. Ярославск. епарх. вѣд. 1873. 13; стр. 108—109.

5537. **Отчетъ** Тверскаго губ. попечительства дѣт. приютовъ за 1875 г. Тверскія губ. вѣд. 1876. 38.

5538. **Дѣтскій** приютъ въ г. Бѣжецкѣ. Тверскія губ. вѣд. 1875. 23.

5539. **Маринскій** дѣтскій приютъ въ Тулѣ. Статья Д. Н. Тульскія епарх. вѣд. 1877. 18.

5540. **Отчетъ** по учебно-воспитательной части при Херсонскомъ Перепелицынскомъ приютѣ за 1874. г. Прот. А. Мухинъ. Херсонскія епарх. вѣд. 1875. 7; стр. 219—223.

5541. **Отчетъ** по учебной и нравственно-воспитательной частямъ въ дѣтскомъ приютѣ, при Харьковскомъ Хорошевскомъ Вознесенскомъ женскомъ монастырѣ за 1879/80 учебный годъ. Свящ. А. Ильешевъ. Харьковскія епарх. вѣд. 1880. 23; стр. 607—610.

5542. **Тоже** за 1881 годъ. Харьковскія епарх. вѣд. 1882. 2; стр. 44—46.

5543. **О необходимости** устройства матросскаго приюта въ Одессѣ. А....нъ. Одесскій Вѣстникъ, 1881. 147.

5544. **Отчетъ** Черниговскаго губ. попечительства дѣтскихъ приютовъ за 1881 г. Черниговскія губ. вѣд. 1882. 45.

5545. **Тоже** за 1882 годъ. Черниговскія губ. вѣд. 1883. 13 и 15.

5546. **Варшавскій** пріютъ незаконнорожд. дѣтей. А. Вальтеръ. Варшав. Дневникъ. 1881. 190.
5547. **Николаевскій** пріютъ солдатскихъ дѣтей въ Варшавѣ. Варшавскій Дневникъ. 1875. 259.
5548. **Отчетъ** Николаевск. пріюта солдатск. дѣтей въ Варшавѣ за 1876 годъ. Варшава. Губ. тип. 1887. 8°. 23 стр.
5549. **Пріютъ** имени имп. Петра В. въ Ригѣ. Кроншт. Вѣстникъ. 1885. 115.
5550. **Дѣтскій** пріютъ въ Тифлисѣ. Обзоръ. 1880. 433.
5551. **14 октября**, освященіе новаго зданія Александровскаго дѣтскаго пріюта. Тобольскія губ. вѣд. 1873. 42.
5552. **Отчетъ** Ф. Зацѣвича о дѣтск. пріютѣ В. и Е. Королевыхъ за 1875 г. Томскія губ. вѣд. 1876. 8.
5553. **Годовой отчетъ** о состояніи Самаркандскаго дѣтскаго пріюта за 1881 годъ. Попечительница пріюта, О. Дрешъ. Туркестанскія вѣд. 1882. 16.
5554. **Тоже** въ 1882 году. О. Линдротъ. Туркестанскія вѣд. 1883. 7.
5555. **Отчетъ** попечительницы Ташкентскаго дѣтскаго пріюта о состояніи пріюта за 1881 г. М. Петровой. Туркестанскія вѣд. 1882. 14 и 26.
5556. **Воспитательно - исправит.** заведенія. Педагог. Сборникъ. 1869. 4; стр. 602—637 и 5; стр. 556—578.
5557. **Отчетъ** о дѣятельности общества землед. колоній и ремесленныхъ пріютовъ. Спб. Тип. Имп. Акад. Наукъ. 1880. 12°. 11 стр.
5558. **Отчетъ** о засѣданіи Политико-эконом. Комитета 19-го янв. 1870 г. по вопросу о землед. колоніяхъ и ремесленн. пріютахъ, какъ образоват. заведеніяхъ для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и бѣдныхъ дѣтей. Труды Имп. Вольн. Экон. Общ. 1870, т. 4; вып. 1; стр. 58—81, и вып. 2; стр. 163—183.
5559. **О дѣтяхъ-преступникахъ.** Дѣтскій Садъ. 1870. 8; стр. 441—450.
5560. **Спасенные мальчики.** Осмотръ С-Пбургск. землед. колоніи и ремеслен. пріюта, для малолѣтнихъ преступниковъ

и безпріютныхъ дѣтей. Сборникъ Гражданина. 1872; ч. I; стр. 249—269.

5561. **Объ исправительной колоніи.** Дм. Ларионовъ. Камско-Волжская Газета. 1872. 31.

5562. **По поводу общаго собранія членовъ Общ. землед. колоній и ремеслен. пріютовъ въ Петербургѣ.** Новое Время. 1872. 115.

5563. **Колонія малолѣтнихъ преступниковъ.** Федоръ Парвовъ. Петерб. Листокъ. 1872, 97.

5564. **Замѣтка о домахъ исправленія и спасенія малолѣтнихъ.** А. фонъ-дербъ-Ховенъ. Семья и Школа. 1872, 1; кн. 2; стр. 41—61, и 4; кн. 2, стр. 903—937.

5565. **Заботы общества о судьбѣ малолѣтн. преступниковъ.** Фонъ-дербъ-Ховенъ. Дѣло. 1873, 8; стр. 103—138.

5566. **Общество землед. колоній и ремесленныхъ пріютовъ.** Извѣстія С-Пб. Городской Думы. 1873. 8; стр. 801—827.

5567. **Отчетъ общества землед. колоній и ремесленн. пріютовъ для малолѣтнихъ преступниковъ за 1872 годъ.** Московскія губ. вѣд. 1873. 27 и 29.

5568. **Дѣти-преступники.** Недѣля. 1873. 11.

5569. **Общество, воспитывающее малолѣтнихъ преступниковъ.** Статья X. Недѣля. 1873. 17.

5570. **О пріютахъ для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ.** В. Воскобойниковъ. Саратовъ. 1874. (напечатано 1.200 экз).

5571. **Колонія для малолѣтнихъ преступниковъ.** Н. Ядринцевъ. Дѣло. 1874. 7—8; стр. 75—96.

О пріютахъ для несовершеннолѣтн. преступниковъ. Воскобойниковъ. Саратовъ.

5572. **Общество для малолѣтнихъ преступниковъ.** Недѣля. 1874. 16; ст. 598—602.

5573. **Изъ замѣтокъ воспитателя малолѣтн. преступниковъ.** Е. И. Гасабовъ. СПетербургскія Вѣдомости. 1874. 79.

5574. **О пользѣ исправит. пріютовъ для малолѣтнихъ преступниковъ.** Астрахань. 1875. Губ. тип. 8^о 23 стр.

5575. **Общество** землед. колоній и ремесленн. пріютовъ. Спб. 1785. Тип. Стасюлевича. 8^о. 47 стр.
5576. **Общественное** значеніе колоній для малолѣтн. преступниковъ. (Перед. ст.) Голось. 1875. 36.
5577. **Исправительные** пріюты и колоніи въ Россіи для малолѣтн. преступниковъ. А. Вердеревской. Грамотей. 1875. 7; стр. 58—79.
5578. **Дѣти въ тюрьмѣ**. И. Смирновъ. Недѣля. 1877. 23 и 24.
5579. **Молодые** преступники и учрежденія для ихъ исправленія. Пр. Кистяковскій. Кіевскія Университ. Извѣстія. 1878. 5; стр. 344—384. 6; стр. 385—474. 7; стр. 1—35.
5580. **О призрѣніи** малолѣтнихъ преступниковъ. Отголоски. 1879. 2.
5581. **Общество** покровит. дѣтей. Amicus. СПетербургскія Вѣдомости. 1879. 287, 288.
5582. **Малолѣтніе** преступники. Семья и Школа. 1879. 5; кн. II; стр. 301—314.
5583. **Несчастливыя** дѣти. (Очеркъ положенія малолѣтнихъ преступниковъ за 60 лѣтъ). В. Н. Никитинъ. Семья и Школа. 1879. 9; кн. II; стр. 120—137, 10; кн. II; стр. 205—219.
5584. **Малолѣтнія** дѣти преступниковъ. (Очеркъ разнообразныхъ системъ призрѣнія и воспитанія этихъ дѣтей въ теченіи 60 послѣднихъ лѣтъ). В. Н. Никитинъ. Семья и Школа. 1879. 11; кн. II; стр. 217—228, 12; кн. II; стр. 284—300.
5585. **Наше** общество исправит. пріютовъ. Харьковскія губ. вѣд. 1879. 302.
5586. **Объ отдачѣ** малолѣтнихъ преступниковъ въ исправит. пріюты. Народн. Школа. 1880. 9; стр. 53—54.
5587. **Къ вопросу** объ исправит. заведеніяхъ для малолѣтнихъ преступниковъ. И. Тарасовъ. Юридич. Вѣстникъ. 1881. Т. 8. 12; стр. 567—576.
5588. **Исправительные** пріюты и колоніи въ Россіи.

Дм. Тальбергъ. Спб. 1882. Тип. В. С. Балашева. 8°, 63 стр.

5589. **Насущный** вопросъ: что сдѣлано за границею и у насъ для дѣтей испорченныхъ и безпріютныхъ. Записки Учителя. 1882. 2; стр. 7—10.

5590. **Исправительные** пріюты и колоніи для малолѣтнихъ. П. Павловъ. Московскія Вѣдом. 1882. 168; 178, 181, 188, 191.

5591. **Преступныя** и порочныя дѣти. (Очеркъ исправительной системы на Западѣ и въ Россіи). Е. Е. Карцевъ. Народная Школа. 1883. 1; стр. 32—51. 2, стр. 28—47 и 3; стр. 17—27.

5592. **Русское** общество и малолѣтніе преступники. В. А. Русскій Курьеръ. 1883. 144.

5593. **Исправительныя** заведенія для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. Статья М. Н. Р. Русск. Мысль. 1884. 5; стр. 87—105.

5594. **Заброшенныя** и преступныя дѣти и учрежденія для исправит. воспитанія. Дм. Дриль. Русск. Мысль. 1884. 7; стр. 59—87 и 8; стр. 36—73.

5595. **Испорченныя** дѣти. М. Цебрикова. Педаг. Листокъ. 1885. 2 и 3; стр. 70—97;

5596. **Исправительныя** заведенія для несовершеннолѣтнихъ. Ст. М. Н. Р. Русская Мысль. 1885. 9; стр. 41—52.

5597. **Второй** съѣздъ представителей русскихъ исправит. заведеній для малолѣтнихъ. Семья и Школа. 1886. 5—6; стр. 492—518.

5598. **Воспитательныя** учрежденія для ненормальныхъ дѣтей. Народная Школа. 1888. 12; стр. 29—33;

5599. **Объ учрежденіи** въ Вильнѣ колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ. Виленскій Вѣстникъ. 1887. 216, 229 и 237.

5600. **Краткій отчетъ** по Владимірской и Судогодской тюремнымъ школамъ. Владимірскія губ. вѣд. 1869. 4.

5601. **Отчетъ** о состояніи Вязниковской тюрем. школы. К. Веселовскій. Владимірскія губ. вѣд. 1868. 29.

5602. **Отчетъ** Вологодск. общества землед. колоній и ремесленныхъ приютовъ за 1878—79 г. Вологодскія губ. вѣд. 1879. 34.

5603. **Воронежская** тюремная школа. **Замѣтка Р-ва**. Донъ. 1880. 16.

5604. **Казанское** общество землед. колоній и ремеслен. приютовъ и его дѣятельность. Казанскія губ. вѣд. 39, 80, 81, 82. Тоже. Дѣло. 8; стр. 446—448. Тоже. Судебн. Вѣстникъ. № 124.

5605. **Казанское** общество землед. колоній для малолѣтн. преступниковъ. Недѣля. 1814. 51; ст. 1897—1900.

5606. **Казанское** общество землед. колоній и ремеслен. приютовъ 1873—1879 г. Казань. 1880. Тип. губ. правл. 8°. 246 стр.

5607. **Отчетъ** Казанск. воспит. исправит. ремеслен. приюта. Казанскія губ. вѣд. 1877. 2, 4 и 6.

5608. **Отчетъ** о дѣятельности Казанск. общества землед. колоній и ремесленныхъ приютовъ. Казанскія губ. вѣд. 1879. 21, 87, 88, 94, 95 и 98.

5609. **Тоже** за 9-й годъ его существованія, съ 1-го января 1881 по 1-е января 1882 года. Казанскія губ. вѣд. 1882. 9, 10 и 12.

5610. **Казанскій** приютъ для малолѣтнихъ преступниковъ. Б. Лаврскій. Волга. 1881. 412.

5611. **Будущая** участь малолѣтнихъ преступниковъ и безприютныхъ дѣтей въ гор. Кіевѣ. Н. Тарасовъ. Кіевъ. 1875. Унив. тип. 12 д. 19 стр. (6.000 экз.)

5612. **Кіевская** исправит. колонія для малолѣтн. преступниковъ. Статья г. Ф. Педагог. Хроника. 1880. 7.

5613. **Кіевская** колонія для исправленія малолѣтнихъ преступниковъ. Л. Д-нь. Русскій Курьеръ. 1883 г. 120.

5614. **Московскій** исправит. приютъ для малолѣтнихъ преступниковъ. Статья Н. Современная Лѣтопись. 1871. 20.

5615. **Изъ Москвы** о Московск. исправит. тюрьмѣ школѣ. Голосъ. 1871. 141.

5616. **По поводу** заявленія г. Рукавишникова въ Думу

съ предложеніемъ избрать комиссію изъ 20-ти гласныхъ, кой поручить заботу объ устройствѣ дальнѣйшей судьбы воспитанниковъ, выпускаемыхъ городскимъ Рукавишниковскимъ исправительнымъ пріютомъ. Русск. Вѣдом. 1881. 157.

5617. **Рукавишниковскій** пріютъ. Бар. Н. Корфъ. Недѣля. 1882. 48.

5618. **По поводу** Рукавишниковскаго пріюта. Статья В. А. Русск. Вѣдом. 1881. 289.

5619. **Рукавишниковскій** исправительный пріютъ. За-мѣтка В. Д. Юридич. Вѣстникъ. 1881. Т. 8. 10; стр. 351—352.

5620. **Школа** при Московск. исправительной тюрьмѣ. Статья Ф. Г. С. Школьная Жизнь. 1873. 18; стр. 427—429.

5621. **Исправительный** пріютъ для молодыхъ преступниковъ въ Москвѣ. В. Ф. Русскій Курьеръ. 1883 г. 47.

5622. **О тюремныхъ** церкви и школѣ. Псковскія губ. вѣд. 1872. 43.

5623. **Школа** грамотности при исправит. отдѣлен. Самарскаго тюремнаго замка. Самарскія губ. вѣд. 1871. 48.

5624. **Вопросъ** о дѣтяхъ-преступникахъ въ Самарѣ А. Данненбергъ. Самарскій Справ. Листокъ, 1879. 3.

5625. **Тѣлесное** наказаніе (къ вопросу о дѣтяхъ-преступникахъ). А. Данненбергъ. Самарскій Справ. Листокъ. 1879. № 20.

5626. **Письмо** М. Н. Капустина. Голось. 1870. 107.

Объ обществѣ землед. колоній для малолѣтнихъ преступниковъ въ Спбургѣ.

5627. **Отчетъ** пріюта арестантскихъ мужскаго пола дѣтей, основаннаго С.-Петербург. комитетомъ общества попечит. о тюрьмахъ за 1872 г. Московскія губ. вѣд. 45.

5628. **Арестантская** школа при Спбургскомъ тюремн. замкѣ. Судебн. Вѣстникъ. 1874. 256.

5629. **Спбургская** землед. колонія для малолѣтн. преступниковъ. Дѣтскій Садъ. 1875. 6 и 7; стр. 269—273.

5630. **Очеркъ** положенія малолѣтнихъ преступниковъ

въ Петербургѣ. Н. Арсеньевъ. Народная Школа, 1885. 10; стр. 27—49. 11; стр. 32—39; 12; стр. 35—45.

5631. **Отчетъ** Кроншт. дома призрѣнія малолѣтн. дѣтей, за 1876 г. Кроншт. Вѣстникъ. 1877. 70.

5632. **Пріютъ** землед., близъ Саратова, для малолѣтн. преступниковъ. (Письмо изъ Саратова). С. Сомовъ. Молва. 1876. 30.

5633. **Отчеты** по Саратовск. уч.-исправит. пріюту за 1876—1881. Саратовск. губ. вѣд. 1877. 37—39. 1878. 60—68. 1879. 259. 1881; къ 25. 1882. 60—62.

5634. **Саратовскій** учебно-исправит. пріютъ. Тобольскія губ. вѣд. 1882. 22.

5635. **Испорченныя** и несчастныя дѣти. (Письмо изъ Саратова). —ова. Недѣля. 1880. 16.

5636. **Отчетъ** Симбирскаго общества землед. колоній и ремеслен. пріютовъ за 1877—78. Симбирская Земская Газета. 1879. 136, 137.

5637. **Открытие** школы при Тверскомъ острогѣ. Тверскія губ. вѣд. 1866. 4.

5638. **Исправительный** пріютъ для малолѣтнихъ преступниковъ вблизи Харькова. Статья В. А. Б...скаго. Харьковскія губ. вѣд. 1880. 318.

5639. **Харьковскій** исправительный пріютъ. Статья В. А. Б—скаго. Харьковскія губ. вѣд. 1883. 26.

5640. **Первая** годовщина Ярославск. исправит. пріюта для малолѣтнихъ преступниковъ, 10 іюня 1879. Ярославскія губ. вѣд. 1879. 49.

5641. **Земледѣльческія** колоніи и ремеслен. пріюты въ губерніяхъ Ц. Польскаго. Варшавскій Дневникъ. 1872. 82.

5842. **Институтъ** для исправленія порочныхъ дѣтей въ Варшавѣ. Статья А. В. Новости. 1875. 300.

5643. **Общество** землед. колоніи о ремеслен. пріютовъ въ Варшавѣ. Западная Почта. 1879. 11 и 15.

5644. **Отдѣленіе** для круглыхъ сиротъ при Плоцкомъ домѣ призрѣнія старцевъ и калѣкъ. Ст. Орачевскій. Плоцкія губ. вѣд. 1882. 33.

5645. **Михайло-семеновскій** сиротскій домъ. В. Карповъ. Одесскій Вѣстникъ. 1874. 127.

5646. **О постройкѣ** сиротскаго дома въ Одессѣ. (Письмо въ редакцію). Д-ръ Н. Бернштейнъ. Разсвѣтъ. 1880. 31.

5647. **С.-Петербургскій** сиротскій домъ. (Письмо въ редакцію). Н. Ш. Разсвѣтъ. 1880. 28.

5648. **Земскій** сиротскій домъ въ г. Калугѣ. Народн. Школа. 1881. 10; стр. 57—58.

5649. **По поводу** безпорядковъ въ Одесскомъ сиротскомъ домѣ. Ф. Денисенко. Одесса. 1885. «Славянская типографія» Н. Хрисогелосъ и К^о. 8°, 24 стр.

5650. **50-лѣтній** юбилей Сиротскаго дома. Кроншт. Вѣстникъ. 1881. 119.

5651. **Отрывокъ** изъ воспоминаній о Ярославск. сиротскомъ домѣ воспитанника 1842—1856 гг. (Святочные и маляничныя удовольствія). А. Т. П. Ярославскія губ. вѣд. 1885. 8.

5652. **Защита** дѣтей отъ жестокаго съ ними обращенія. А. И. фонъ-деръ-Ховенъ. Спб. складъ у Я. А. Исакова. 1879. 8°. 42 стр. Ц. 15 к.

1) Голоеъ. 1879. № 142. (Рец.)

2) Новое Время. 1879. № 1220. (Библиограф. зам.)

3) Педагог. Хроника. 1879. № 39. (Въ статьѣ «Дѣтскій трудъ».)

4) Педагог. Листокъ. 1879. № 3—4; стр. 252—258. (Библиограф. зам. II. 3.)

5) Педаг. Музей. 1879. № 9—10; стр. 818—820.

6) Молва. 1879. № 285.

5653. **Къ вопросу** объ обществѣ попеченія о малолѣтнихъ дѣтяхъ. И. Гердъ. Женское Образованіе. 1877. 3; стр. 189—192.

5654. **Письмо** въ ред. В. Сиповскій. Новое Время. 1877. 492.

Объ обезпеченіи участи дѣтей, когда родители погибли на войнѣ.

5655. **Вопросъ** о школахъ для дѣтей убитыхъ и раненыхъ воиновъ. В. Бѣлинскій. Харьковскія губ. вѣд. 1878. 56, 57 и 63.

5656. **Фабричный** бытъ Московскаго района. (Отчетъ фабричнаго инспектора надъ занятіями малолѣтнихъ рабочихъ)

- Московского округа, И. И. Янжула.) И. И. Иванюковъ. Русская Мысль. 1884. 11, стр. 1—24.
5657. **Дѣтскія** лечебныя колоніи. Докладъ 3 секціи Общества Охраненія Народнаго Здравія. Проф. В. С. Ведрова. Здоровье. 1881. Т. VII. 153; стр. 56—57 и 154; стр. 76—77.
5658. **Частныя** учебныя заведенія. (Изъ отчета г. министра народн. просвѣщенія). (Статист. данныя.) Женское Образование. 1880. 2; стр. 115—116.
5659. **Положеніе** о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Москва. 1882. Унив. тип. (М. Катковъ). 8^о. 26 стр.
5660. **Пансіоны** для приходящихъ учениковъ. Статья Л. С. Педагогич. Сборникъ. 1883. 5; стр. 369—385.
5661. **Наши** пансіоны и частное образование. Астраханскій Справочн. Листокъ. 1877. 93.
5662. **Письмо** въ ред. Эмма Жабал. Кавказъ. 1875. 110. О частн. учебн. заведеніяхъ.
5663. **Открытіе** воспит. училища при Корнилево-Комельскомъ монастырѣ, Грязовецкаго уѣзда. Вологодскія губ. вѣд. 1874. 17.
5664. **Отчетъ** о благотворительной школѣ, прочитанный предъ испытаніемъ дѣтей этой школы. И. Соколовъ. Владимірскія губ. вѣд. 1873. 1.
5665. **Въ частномъ** училищѣ. (Разсказъ). П. Яковлевъ. Отеч. Записки. 1882. 2; стр. 457—502.
5666. **Шавельскій** пансіонъ. Виленскій Вѣстникъ. 1885. 140 и 141.
5667. **Частныя** школы въ г. Воронежѣ. (Составлено по отчету инспектора народныхъ училищъ Воронежскаго уѣзда за 1879 г.). Статья А. И—скаго. Воронежскій Телеграфъ. 1880. 23, 32, 41.
5668. **Пансіоны** въ Воронежѣ. Статья А. К—скаго. Воронежск. Телеграфъ. 1874. 81.
5669. **Подготовительная** школа г. Бунакова. Корресп. изъ Воронежа. СПбургскія Вѣдомости. 1874. 4.
5670. **Отчетъ** элемент. школы Бунакова за 1873—1882г.

Донъ. 1874. 23—92. 1875. 55—57. 1876. 96—99. 1877. 80, 81. 1878. 87—90. 1880. 100—108. 1882. 104, 107, 108. Русск. Нач. Учитель. 1880. 11.

5671. **Частныя** уч. заведенія г. Новочеркасска. Тэта. Донскія обл. вѣд. 1880. 36, 40.

5672. *Non scholae, sed vitae.* Статья **И. В.** Московскія Вѣдомости. 1873. 256.

О частной гимназiи г. Креймана.

5673. **Годичный** отчетъ и рѣчи, произнесенныя 2-го октября 1875 г. въ московской частной гимназiи. Фр. Креймана. Москва. 1875. Унив. тип. 150 стр. и 1 портр.

5674. **Рѣчь** на актѣ въ частной гимназiи г. Креймана. Москва. Прот. Н. Добровъ. Правосл. Обзорніе. 1875. Т. 1. 2; стр. 173—183.

5675. **Слово** послѣ молебствiя по случаю торжеств. акта московской частной гимназiи Фр. Креймана, 2 окт. 1875 г. Прот. Н. Сергiевскій. Правосл. Обзорніе. 1875. Т. 3. 10; стр. 315—324.

5676. **Годичный** отчетъ и рѣчь, произнес. 2 окт. 1877. (20-я годовщина основанiя) въ московской частной гимназiи Фр. Креймана. Москва. 1878. Унив. тип. 8°, 100 стр.

2677. **Частная** гимназiя, учрежденныя Л. И. Поливановымъ. Годъ десятый. Москва. Тип. М. Лаврова и К°. 1878. 8°, 20 стр.

5678. **Гигиеническая** замѣтка по поводу проектируемаго пансіона — приюта въ г. Орлѣ для дѣтей бѣдныхъ дворянъ. Докторъ Вырубовъ. Орловскій Вѣстникъ. 1880. 92.

5679. **Признательность** Новгородцевъ къ частному училищу. Новгородскія губ. вѣд. 1876. 45.

5680. **Нѣсколько** словъ о частной первоначальной школѣ г. Кандалицевой, содержимой ею въ г. Оренбургѣ. Старый педагогъ. Оренбургскія губ. вѣд. 1883. 15.

5681. **Пригласительная** программа частной гимназiи и коммерческаго училища доктора Видемана на публичный актъ, имѣющій быть въ субботу, 29-го мая 1882 г., въ 10-ть часовъ утра. Спб. 1882. Тип. Акад. Наукъ. 8°. 3 н. и 26 стр.

5682. **Общія свѣдѣнія** и программы для желающихъ поступить въ пансіонъ Е. М. Гедда, Спб. 1882. Тип. Э. Арнольда. 8°, 33 стр.
5683. **Двадцатилѣтіе** существованія учебнаго заведенія К. И. Мая въ С.-Петербургѣ. Спб. 1882. Тип. А. Якобсона. 8°, 40 1 нен. стр.
5684. **Свѣдѣнія** о пансіонѣ лейтенанта Дм. Вал. Перскаго. Спб. 1878 г. Тип. Морскаго Мин. 8°. 13 стр. (1000 экз.)
5685. **Мужское учебное заведеніе** II-го разряда и пансіонъ кандидата университета Ант. Ант. Радусъ-Зенковича, въ Спбургѣ. Спб. 1882. Тип. В. Рейнберга. 8°, 28 стр.
5686. **Отчетъ** училища г. Шрекника. Голось. 1874. 157.
5687. **Отчетъ** о двадцатилѣтнемъ существованіи и дѣятельности учебнаго заведенія Э. П. Шаффе. Спб. 1883. Тип. Имп. Акад. Наукъ. 8°. 27 стр.
5688. **Правила** и программы учебнаго заведенія и пансіона П. В. Якимова, Спб. 1878. Тип. Э. Метцига. 8°. 26 стр.
5689. **Открытіе** частнаго учебнаго заведенія г-жи Цухановой для дѣтей обоого пола въ г. Усмани, Тамбовской губ. **Замѣтка** Б. Воронежскій Телеграфъ. 1880. 113.
5690. **Программа** учебнаго заведенія А. А. Сытиной. Тула. 1878. Тип. Соколова. 8°. 9 стр.
5691. **Письмо** господина попечителя Одесск. Учебн. Округа. Ф. Н. г-ну Минкову отъ 24-го окт. 1880 года. Циркуляръ по Управл. Одесск. Учебн. Округомъ. 1880. 11; стр. 288—290.
О южно-славянскомъ пансіонѣ г. Минкова въ г. Николаевѣ.
5692. **Замѣтка** о частной Поторочинской школѣ, Никольской волости, Любимск. уѣзда, Ярославск. губ. Северинъ Л. Школьная Жизнь. 1873. 22; стр. 502—504.
5693. **Частныя** Одесск. элемент. училища, М. Гальперногъ. Разсвѣтъ. 1879. 10.
5694. **Отчетъ** элементарной школы Линдфорсъ за 187²/₃ уч. годъ. Софья Линдфорсъ. Кіевлянинъ. 1873. 116—117.
5695. **Элементарная** школа Линдфорсъ въ Кіевѣ. Дѣтскій Садъ, 1873. 11—12 стр. 558—560.

5696. **Частная** школа въ Шущѣ. Кавказъ. 1875. 31.
5697. **Состояніе** Иркутской учительской семинаріи къ концу 1879—1880 учебнаго года. Семья и Школа. 1881. Учебно-воспитат. отд. 1; стр. 38—52, 2 и 3; стр. 100—128.
5698. **Русское** учебно-воспитат. заведеніе г. Парме (въ Кларанѣ). Спбургскія Вѣдомости. 1880. 110.
5699. **Первый** дѣтскій садъ въ Пензѣ. Статья г. Ф.—ф. Справ. Листокъ района Морш.-Сызр. жел. дороги. 1876. 151 и 152.
5700. **Дѣтскій** садъ. Пензенскія губ. вѣд. 1879. 85.
5701. **Дѣтскій** садъ г. Павлова. Екатеринбургская Недѣля. 1880. 25.
5702. **Отчетъ** занятій въ дѣтск. саду въ школѣ Е. П. Смидовичъ въ Тулѣ. Педагог. Листокъ для родит. и воспит. 1875. 2; стр. 79—96.
5703. **Письма** въ ред. Федоровъ. Кавказъ. 1875. 110.
О дѣтскихъ садахъ въ Тифлисѣ.
5704. **Дѣтскій** садъ въ Иркутскѣ. Дѣтскій Садъ. 1875. 2; стр. 84—88.
5705. **Отчетъ** Иркутскаго дѣтскаго сада за 1872 и 1874 годъ. Иркутскія губ. вѣд. 25. 1875. 59 и 61.
5706. **Отчетъ** Иркутскаго дѣтскаго сада за 1875, 1877 и 1878 г.г. Сибирь. 1876. Приложение къ 15. 1878. 7. 1879. 9.
5707. **Отчетъ** Иркутскаго дѣтскаго сада за 1879 годъ. М. Тюменцева. Приложение къ 33 «Иркутскихъ губ. вѣд.» 1880.
5708. **Отчетъ** о дѣтскомъ садѣ въ г. Томскѣ за 1875 и 1876 г. Томскія губ. вѣд. 1876. 21 и 22. 1877. 5.
5709. **Ланкастерскія** школы въ Бессарабіи. М. Ганицкій. Кишиневскія епарх. вѣд. 1878. 2; стр. 43—48.
5710. **Ланкастерскія** школы въ Бессарабіи. М. Ганицкій. Кишиневскія епарх. вѣд. 1877. 23.
- II. Иностранческія школы и образованіе въ нихъ.
5711. **Иностранческія** школы въ Россіи. Н. Домоховскій.

- Народн. Школа. 1878. 1; стр. 38—48. 6—7; стр. 55—61. 8; стр. 31—46.
5712. **Мнѣніе** мусульманъ о развитіи образованія въ средѣ мусульманскихъ женщинъ. Ш. Мирзаевъ. Кавказъ. 1885. 1238.
5713. **По вопросу** о школьномъ образованіи инородцевъ — мусульманъ. В. Смирновъ. Журналъ Минист. Народн. Просвѣщ. 1882. ч. 222. 7; стр. 1—24.
5714. **Наша школа** въ инородч. селеніяхъ. И. Белюстинъ. Порядокъ. 1881. 80.
5715. **Бирская** инородческая учит. школа. Вишневецкій. Уфимскія губ. вѣд. 1882. 41.
5716. **Казанская** русско-инородч. учит. семинарія. Статья W. Волжско-Камское Слово. 1882. 31, 32, и 33.
5717. **Открытіе** инородч. училища въ д. Новыхъ-Чукахъ, Буинск. у. Св. А. Нечаевъ. Симбирскія губ. вѣд. 1876. 79 и 80.
5718. **Инородческая** школа въ г. Уфѣ. Уфимецъ. Современность. 1872. 88.
5719. **Отчетъ** по училищу Молькинскаго миссіонерскаго стана. Е. Дуброва. Иркутскія епарх. вѣд. 1876. 19; стр. 241—246.
5720. **Инородческое** училище въ М*. на Амурѣ. Статья К. Современность. 1872. 61.
5721. **О евангелическомъ** лютеранск. училищѣ въ Саратовѣ. Саратовскія губ. вѣд. 1876. 181.
5722. **Годичный актъ** въ Одесскомъ греческомъ училищѣ. Прибавл. къ Херсонскимъ епарх. вѣд. 1883. 19; стр. 898—907.
5723. **Греческая** гимназія въ Екатеринославѣ. Г. И. Студенкинъ. Русская Старина. 1887. Т. 55. 8; стр. 376.
5724. **Вѣдомость** о русскихъ центр. училищахъ въ бывшихъ нѣмецкихъ и болгарск. колоніяхъ. Циркуляръ по Казанскому учебн. округу. 1881. 6; стр. 132—133.
5725. **Годовой отчетъ** училища Св. Анны, по случаю торжеств. акта, назначеннаго на 9-е іюня. Спб. 1878 г. Тип. Им. Ак. Наукъ. 8°. 3 н. 110. 1 б. л., съ 99—109 стр.

5726. **Годовой** отчетъ училища св. Анны, по случаю торжественнаго акта, назначеннаго на 6-е іюня. Училищная лѣтопись, директора. Спб. Тип. Акад. Наукъ. 1881. 8°, 127 стр. и 4 табл.

5727. **Album** der St. Annen-Schule, vom 3. Novemb. 1852 bis 3 Novemb. 1877 vom D. Julius Kirchner. St. Petersburg. 1878. Buchdr. der Kais. Akad. der Wissensch. 8°, 98 стр.

5728. **Женскія** общеобразовательныя учебныя заведенія въ Финляндіи. В. Ассонъ. Женск. Образование. 1877. 8; стр. 447—461.

5729. **Элементарныя** учебныя заведенія въ Финляндіи за 1876—77 учебный годъ. Народн. Школа. 1880. 1; стр. 58.

5730. **Первая** женская башкирская школа. Оренбург. Листокъ. 1877. 31.

5731. **Два-три** слова о русско-башкирскихъ школахъ. Г. Рыбаковъ. Оренбургскій Листокъ. 1878. 4.

5732. **Что можетъ** способствовать развитію и усовершенствованію русско-башкирскихъ школъ? Г. Рыбаковъ. Оренбургскій Листокъ. 1878. 16.

5733. **Описаніе** башкирской школы Екатеринбургскаго училища въ санитарно-педагогическомъ отношеніи. Врачъ Никольскій. Пермскія губ. вѣд. 1884. 58, 59 и 60.

5734. **Свѣдѣнія** по вопросамъ первонач. физич. воспитанія дѣтей вятскаго племени Глазовскаго у. Пр. М. Фармаковскій. Вятскія губ. вѣд. 1879. 91 и 93.

5735. **Иностранческія** училища въ Вятской губ. Вятскія губ. вѣд. 1874. 46.

5736. **Село** Зырянское. Нѣсколько словъ о состояніи зырянск. сельск. безмездныхъ школъ. Свящ. Ф. Будринъ. Пермскія губ. вѣд. 1863. 12.

5737. **По поводу** открытія училища въ Нижнемъ-улуcѣ 4-й сотни (у калмыковъ). Донскія обл. вѣд. 1877. 65.

5738. **О первоначальномъ** физическомъ воспитаніи дѣтей калмыковъ и нагайцевъ, кочующихъ въ Ставропольской губ. I. Бентковскій. Ставропольскія губ. вѣд. 1879. 9 и 10.

5739. **Физическое** и умственное воспитаніе у киргизъ. Ишъ-Мухаммедъ Букинъ. Туркест. вѣд. 1883. 17.
5740. **Школьная** практика въ Киргизск. аулѣ. (Изъ записокъ пріятеля). Н. Домоховскій. Народн. Школа. 1881. 10; 11 и 12.
5741. **Киргизскія** школы въ Букеевской ордѣ. Г. Левановъ. Народн. Школа. 1883. 9; стр. 18—26 и 10; стр. 21—25.
5742. **Отчетъ** о состояніи киргиз. школъ Тургайской области за минувшій 1880 годъ. Приложение къ № 9 «Циркуляра по Оренбург. Учеб. Округу». 1881 г., стр. 414—422 и къ 10; стр. 463—465.
4743. **Хрестоматія** для киргизскихъ учениковъ, напечат. русск. буквами. Безсоновъ (воспит. гимн.). Оренбургъ. 1880. 16°. 128 стр. Ц. 30 к.
5744. **Первоначальное** физическое воспитаніе дѣтей у караногайцевъ. Влесковъ. Ставропольскія губ. вѣд. 1879. 12.
5745. **Отчетъ** о занятіяхъ на краткосрочныхъ педагог. курсахъ при Оренбург. татарской учит. школѣ, устроенныхъ для учителей татарскихъ начальныхъ училищъ съ 1-го авг. по 15-е сент. 1881 года. Приложение къ № 11 «Циркуляра по Оренбург. Учебн. Округу». 1881 г., стр. 492—514.
5746. **Къ вопросу** объ образованіи крымскихъ татаръ. Татаринъ. Таврида. 1881. 19.
5747. **Первый опытъ** словаря народно-татарскаго языка по выговору крещен. татаръ Казан. губ. Казань. 1876.
Казанскій Бирж. Листокъ. 1877. 40 (Рец.)
5748. **Школа** у крымскихъ татаръ. Журн. Мин. Народн. Просв. 1863. Ч. 117. 3; стр. 238 — 240. (Изъ Сбв. Почты. № 32 «Крымск. замѣтки»).
5749. **Крещенно - татарскія** школы Вятск. миссіонер. комитета въ Елабуж. уѣздѣ. Вятскія епарх. вѣд. 1874. 16; стр. 425—435.
5750. **Казанская** крещенно-татарская школа въ 1875 г. Миссіонеръ. 1876 г. 22.

Годъ тридцать третій.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1895

6.

Воронежскій городъ Коротоякъ (по поводу его 250-ти лѣтїа). Л. М. Савелова. Петръ Великій въ городѣ Касимовѣ (1722). Преданїя, записанныя А. П. Мансуровымъ.

Андрей Николаевичъ Муравьевъ въ послѣдніе годы своей жизни. Воспоминанїя М. О. Семенова (Заслуги Кіеву. — Письма 1872—1874 годовъ. — Послѣдняя поѣздка на Афонъ. — Предсмертная болѣзнь и кончина).

Письмо А. Н. Муравьева къ А. П. Озорову.

Изъ воспоминаній разныхъ лицъ о Николаѣ Павловичѣ и его времени. (Разказы инвалидовъ. — Ирмайловская богадѣльня — Автоматизмъ).

Изъ Записокъ А. О. Смирновой. (Сватовства князя С. М. Голицына. — Придворная собранїя 1829 года. — Супруги Витгенштейнъ. — Поццо-ди-Борго. — Ген. адъют. Ребиндеръ).

«Журналъ біографическій моей жизни». Памятныя замѣтки Русскаго офицера (ГанOVERскій походъ 1805 года. — Прусская кампанія 1807 года).

Молитва митрополита Филарета, написанная для императрицы Марїи Александровны.

Надгробная лѣтопись Москвы. А. А. Мартынова.

Замѣчательная надпись на иконѣ XVIII-го вѣка. Сообщилъ В. А. Рамихъ.

Еще нѣсколько словъ о селѣ Капцевѣ-Богородцкомъ. А. Титова.

Замѣтки по поводу ареста участниковъ второй Камчатской экспедиціи.

А. Львова.

Курьезы стараго времени. Сообщено г. Полетаевымъ.

Казачья пѣсня съ объясненіемъ А. А. Карасева.

Изъ старыхъ стихотвореній. Акцизному чиновнику.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу (изъ Дерпта въ Петербургъ, 1815), съ примѣчанїями И. А. Бычкова.

ПОДПИСКА НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1895 ГОДА.

(Годъ тридцать третій).

«Русскій Архивъ» въ 1895 г. издается двѣнадцатью тетрадями, съ приложенїями.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1895 году съ пересылкой и доставкой девять рублей. Для чужихъ краевъ — двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Конторѣ «Русскаго Архива», близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Вышла из печати и поступила въ продажу

новая книга:

КРАТКІЙ
ИСТОРИКО - ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ
СЛОВАРЬ.

Пособіе при изученіи всеобщей и русской исторіи въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Составилъ Н. Веригинъ,

преподаватель Рыбинской гимназіи.

Тверь. Типографія Губернскаго Правленія. 1895. 161—Ш. Ц. 50 коп

«Предлагаемое учебное пособіе назначается въ помощь ученикамъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и имѣть цѣлю: 1) облегчить учащимся трудъ отыскиванія на картѣ и точнаго опредѣленія важнѣйшихъ географическихъ данныхъ, встрѣчающихся въ курсѣ всеобщей и русской исторіи, 2) научить ихъ наиболѣе правильному произношенію географическихъ именъ, которыя въ русской транскрипціи съ этою цѣлю снабжены удареніями, 3) возобновить въ ихъ памяти историческіе факты, удобно ассоціируемые по единству мѣста, и 4) содѣйствовать болѣе основательному и ясному пониманію ими территоріальнаго роста главныхъ культурныхъ государствъ». (Изъ Предисловія къ книгѣ).

Съ требованіями обращаться къ составителю или въ книжный магазинъ Г. А. Фалькъ въ Рыбинскѣ. Преподавателямъ, учебнымъ заведеніямъ и книгопродавцамъ — обычная уступка.

Цѣна 1 экземпляра книги, выписываемаго отъ составителя съ наложеннымъ платежомъ, 63 коп.

ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА „ГИМНАЗІЯ.“

Ф. Экштейнъ.

ПРЕПОДАВАНІЕ ЛАТИНСКАГО И ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКОВЪ

Перев. подъ ред. Г. Янчевецкаго. Цѣна 3 руб.

В. Шрадеръ.

ГИМНАЗИИ И РЕАЛЬНЫЯ УЧИЛИЩА.

ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ.

Перев. подъ ред. Г. Янчевецкаго. Цѣна 3 р.

К. Негельсбахъ.

ГИМНАЗИЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА.

Перев. съ 3 изданія, Н. Кораблева.

I. Учитель. II. Дисциплина. III. Дидактика. — Цѣна 1 руб.

Г. Бржоска.

НЕОБХОДИМОСТЬ ПЕДАГОГ. СЕМИНАРІЙ ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.

Перев. подъ ред. Г. Янчевецкаго. Стр. 278. Ц. 1 р. 50 к.

А. Фогель.

ФИЛОС. ОСНОВАНІЯ ПЕДАГОГІИ.

(Локкъ — Кантъ — Гегель — Шлейермахеръ — Гербартъ — Венеке).

Цѣна 1 руб.

Г. Винкельманъ.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА ДРЕВНОСТИ.

Перев. С. Шаровой, подъ ред. Г. Янчевецкаго.

Цѣна 3 руб.

Я. А. Коменскій.

Lingua linguarum reserata.

ОТКРЫТАЯ ДВЕРЬ ЯЗЫКОВЪ.

Лат. текстъ съ русск. перев., статей о Коменскомъ и портр. Коменскаго.

Цѣна 1 руб.

J. Spangenbergius.

BELLUM GRAMMATICALE.

ВОЙНА ВЪ ЛАТИНСКОЙ ГРАММАТИКЪ.

Пер. съ лат. Д. Янчевецкій. Ц. 50 к.

E. Fiedler.

ОТНОШЕНІЕ ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА КЪ ЛАТИНСКОМУ.

ПОСОВІЕ ДЛЯ ПРЕПОДАВАНІЯ.

Перевелъ Д. Янчевецкій. Цѣна 25 коп.

БИОЛОГІЯ

и

ХРИСТИАНСКАЯ ПЕДАГОГИКА ВЪ ИХЪ ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ

Перев. съ нѣм. Г. Регема. Цѣна 50 коп.

Павсанія. Описаніе Еллады, или Путешествіе по Греціи во II в. по Р. Х., перев. Г. Янчевецкаго. Ц. 5 р. — Содержаніе: Введеніе. Кн. I. Атика. Кн. II. Коринѳка. Кн. III. Лаконія. Кн. IV. Мессинія. Кн. V. Илида А. Кн. VI. Илида Б. Кн. VII. Ахаія. Кн. VIII. Аркадія. Кн. IX. Віотія. Кн. X. Фокида.

Ксенофонтъ. Полное собр. сочиненій, перев. Г. Янчевецкаго въ 5 ч. Ч. I. Анабазисъ. 1 р. 25 к. Ч. II. Воспоминанія о Сократѣ. 80 к. Ч. III. Киропедія. 1 р. 50 к. Ч. IV. Исторія Греціи. 1 р. 50 к. Ч. V. Мелкія статьи. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Второе изданіе «Исторіи Греціи» печатается.

Содержаніе Мелкихъ статей (Scripta Minora): I. Пиръ. II. Аполонія Сократа. III. Лавед. государство. IV. Аѳинское государство. V. О хозяйствѣ. VI. Геронъ. VII. Агисилай. VIII. Доходы города Аѳинъ. IX. Гиппарахъ. X. О конницѣ. XI. Охота.

ГОДЪ VIII. Продолжается подписка ГОДЪ VIII.
на 1895 годъ.

„ГИМНАЗІЯ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ФИЛОЛОГІИ И ПЕДАГОГІИ

ГОДЪ VIII

— (1888—1895) —

Подписная цѣна:

вмѣстѣ съ „ПЕДАГОГИЧЕСКИМЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКОМЪ“

на 12 мѣс. 8 руб. за гран. 10 рубл.

» 6 » 4 » » 5 »

» 3 » 2 » » 3 »

» 1 » 1 » » 1 »

ОТДѢЛЬНАЯ ПОДПИСКА НА

„Педагогическій Еженедѣльникъ“

на 12 мѣс. 3 р., за гр. 4 р. — к., || на 3 мѣс. 1 р. 50 к., за гр. 2 р.

на 6 мѣс. 2 р., за гр. 2 р. 50 к., || на 1 мѣс. — р. 60 к., за гр. 1 р.

Въ складѣ редакціи имѣются еще полные экземпляры «ГИМНАЗІИ» за прежніе годы. Цѣна съ перес.: за 1888, 1889, 1890, 1891, 1892 г.г. по 3 руб.

за 1893 по 5 руб.

за 1894 по 8 руб.

Адресъ редакціи: Ревель.

Редакторъ-изд. Г. Янчевецкій.